

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
(ИНИОН РАН)

СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 5

ИСТОРИЯ

2022 – 4

Издается с 1973 года
Выходит 4 раза в год
Индекс серии 5.2

МОСКВА 2022

Учредитель
Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук

Отдел истории

Редакционная коллегия серии «История»:

А.А.-Г. Алиев – главный редактор, д-р ист. наук (ИНИОН РАН); *Т.Б. Уварова* – зам. главного редактора, д-р ист. наук (ИНИОН РАН, профессор ЦСА РГТУ); *О.Л. Александри* – ответственный секретарь (ИНИОН РАН); *И.Е. Андронов* – д-р ист. наук (профессор МГУ); *А.А. Анисимова* – канд. ист. наук (ИВИ РАН, доцент ГАУГН); *В.Н. Бабенко* – д-р. ист. наук (профессор ЦНИ ВГУЮ); *Д.М. Бондаренко* – чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (зам. директора по науке Института Африки РАН); *А.Ю. Ватлин* – д-р ист. наук (профессор МГУ); *Е.Н. Емельянова* – канд. ист. наук (ИНИОН РАН, доцент ГСГУ); *Дж. Лами* – профессор (Миланский государственный университет, Италия); *В.П. Любин* – д-р ист. наук (ИНИОН РАН); *А.Е. Медовичев* – ст. науч. сотрудник (ИНИОН РАН); *Т.М. Фадеева* – канд. ист. наук (ИНИОН РАН), *В.М. Шевырин* – канд. ист. наук (независимый эксперт).

ISSN 2219–875X

Информационно-аналитический журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература». Серия 5: «История» = Information and analytical journal «Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature». Series 5: «History». Входит в базы цитирования: РИНЦ, Google Scholar, East Europe & Central Europe Database компании ProQuest, Ulrichs Periodicals Directory, базы данных Российской государственной библиотеки, Russian Academy of Sciences Bibliographies, библиографические базы данных ИНИОН РАН. Полнотекстовая версия журнала с 2016 г. размещается в базах данных серии Ultimates компании EBSCO Publishing на платформе EBSCOhost.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Медовичев А.Е. Регулярные войска и ополчения фем в Византии X–XI вв. К проблеме «кризиса фемной системы» в современных исследованиях	7
Чедия А.Р. Реестр Османов Мехмеда Сюрейя – ценный источник сведений по истории кавказских диаспор Османской империи	33
Богомолов И.К. Накануне войны: проект «Положения о военной цензуре» 1912 г.	48
Простякова В.А. Исторические этапы становления газетного рынка Норвегии.....	65

ОБЗОРЫ

Комзолова А.А. Проблемы российской стратегии во время Крымской войны 1853–1856 гг.	73
Бабенко О.В. Проблемы истории Польско-советской войны 1919–1920 гг. в публикациях польских историков. (Обзор по материалам журнала «Przegląd Wschodnioeuropejski»)	83
Емельянова Е.Н. Интернационалисты в гражданской войне в Испании (1936–1939)	97
Дунаева Ю.В. Болезни, эпидемии и пандемии в глобальной истории. Часть 2	114

РЕЦЕНЗИИ

Эман И.Е. Рец. на кн.: Lorenzini J. L'elmo di Scipio. Storie del Risorgimento in uniforme. (Лоренцини Я. Шлем Сципиона. История Рисорджименто в военной форме)	128
--	-----

Минц М.М. Рец. на кн.: Смолкин В. Свято место пусто не бывает: история советского атеизма	133
Дунаева Ю.В. Рец. на кн.: Хаминов Д.В. Историческое образование, наука и историки сибирской периферии в годы сталинизма	139

РЕФЕРАТЫ

Боровков Д.А. Карл V Габсбург: Последний император Средневековья	145
Участники Январского восстания, сосланные в Западную Сибирь, в восприятии российской администрации и жителей Сибири. Документы гражданской администрации, полиции и жандармского ведомства.....	150
Ковальский М. Иван Бодуэн де Куртенэ в царской тюрьме	153
Общество Галлиполийцев: именной список. Биографический справочник	158
Шубин А.В. Великая Испанская революция	161
Дженкс Э. Обеспечение безопасности и секретность в поздние годы холодной войны: взгляд из космоса	168
Эпплбаум Р. Русский язык в годы холодной войны: как три мира создали всемирный язык	171
Козлова Д.А. Проблемы шотландского деволюционного движения (40–70-е годы XX в.): монография	174
Орлов А.А. Национализм в истории Каталонии: прошлое и настоящее	180
Акимова В.С. Этническая история юкагиров (с древнейших времен до XX в.): монография. В 2 ч. Ч. 1	188
Бубрик Р. Рынки рабов в XIX в.: работорговля в Марокко	193
Чодон П. Оракул Нечунга и формирование идентичности тибетской диаспоры	198
Азизян А.А. Две «двери». Обряд инициации и распространение информации на древнейшем Ближнем Востоке	202
Памяти А.А.-Г. Алиева	207

CONTENTS

ARTICLES

Medovichev A.E. Regular troops and theme militias in Byzantium of the X–XI centuries: On the problem of «Theme system crisis» in modern research	7
Chedia A.R. Sicill-I Osmanî by Mehmed Sureyya as a major source of information on the history of the Caucasian diasporas of the Ottoman Empire	33
Bogomolov I.K. On the eve of the war: draft «Regulations on military censorship», 1912	48
Prostyakova V.A. Historical stages of the development of the newspaper market in Norway	65

OVERVIEWS

Komzolova A.A. Problems of the Russian strategy in the Crimean war 1853–1856	73
Babenko O.V. Problems of the history of the Polish-Soviet war of 1919–1920 in the publications of Polish historians (A review of materials in «Przegląd Wschodnioeuropejski»).....	83
Emelyanova E.N. Internationalists in the Spanish civil war (1936–1939)	97
Dunaeva Y.V. Diseases, epidemics and pandemics in global history. Part 2	114

REVIEWS

Eman I.E. <i>Book review:</i> Lorenzini J. L'elmo di Scipio. Stories of the Risorgimento in uniform	128
Mints M.M. <i>Book review:</i> Smolkin V. Sacred place is not empty: History of Soviet atheism	133

Dunaeva Y.V. <i>Book review</i> Khaminov D.V. Historical education, science and historics of the siberic periority in the years of stalinism	139
--	-----

ABSTRACTS

<i>Ref. ad op.:</i> Charles V Habsburg: the last emperor of the middle-ages	145
<i>Ref. ad op.:</i> Participants of the January uprising exiled to Western Siberia as perceived by the russian administration and residents of Siberia. Documents of the civil administration, police and gendarmerie	150
<i>Ref. ad art.:</i> Kowalski M. Ivan Baudouin de Courtenay in the tsarist prison	153
<i>Ref. ad op.:</i> Gallipoli society: a list of names. Biographical directory	158
<i>Ref. ad op.:</i> Shubin A.V. The Great Spanish revolution	161
<i>Ref. ad art.:</i> Jenks A. Securitization and secrecy in the late Cold War: the view from space	168
<i>Ref. ad art.:</i> Applebaum R. The rise of Russian in the Cold War: how three worlds made a world language	171
<i>Ref. ad op.:</i> Kozlova D.A. Problems of the Shotland devolutionary motion (40 s-70 s of the 20 th century): Monograph	174
<i>Ref. ad op.:</i> Orlov A.A. Nationalism in the Catalonia`s history: past and present	180
<i>Ref. ad op.:</i> Akimova V.S. Ethnical History of Yukaghirs (from ancient times to the 20 th century). Monograph. Part 1	188
<i>Ref. ad art.:</i> Boubrik R. Nineteenth century slave markets: The Moroccan slave trade	193
<i>Ref. ad art.:</i> Choedon P. The Nechung oracle and the construction of identity in the Tibetan diaspora	198
<i>Ref. ad op.:</i> Azizyan A.A. Two «doors». Initiation ceremony and dissemination of information in the Ancient Middle East	202
In memory of A.A.-G. Aliyev	207

СТАТЬИ

УДК 94(495).02–03

МЕДОВИЧЕВ А.Е.* РЕГУЛЯРНЫЕ ВОЙСКА И ОПОЛЧЕНИЯ
ФЕМ В ВИЗАНТИИ X–XI вв.: К ПРОБЛЕМЕ «КРИЗИСА
ФЕМНОЙ СИСТЕМЫ» В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ.
DOI: 10.31249/rhist/2022.04.01

Аннотация. В статье рассматриваются существующие в современной византистике взгляды на эволюцию вооруженных сил Восточной Римской (Византийской) империи в X–XI вв. В историографии этот период ассоциируется с «кризисом фемного строя», на котором базировалась военная система византийского государства в течение двух предшествующих столетий. Суть трансформации этой системы заключалась в постепенной замене иррегулярных ополчений крестьян-воинов регулярными формированиями наемных воинов-профессионалов, служащих на постоянной основе. Данный процесс, как показано в статье, был вызван целым рядом факторов, среди которых упадок стратиотского землевладения, традиционно считающийся главным, отнюдь не был единственным.

Ключевые слова: Византийская империя; византийская армия; фемная система; военные реформы.

MEDOVICHEV A.E. Regular troops and theme militias in Byzantium of the X–XI centuries: On the problem of «Theme system crisis» in modern research.

* Медовичев Александр Евгеньевич – старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: asandr53@yandex.ru

Abstract. The article examines the views of modern Byzantinists on the evolution of the armed forces of the Eastern Roman (Byzantine) Empire in the X–XI centuries. In historiography this period is associated with the «crisis of theme system», on which the military system of the Byzantine state was based in the two previous centuries. The essence of the transformation of this system was the gradual replacement of irregular militias of peasant-warriors with regular formations of hired professional soldiers serving on a permanent basis. This process, as shown in the article, was caused by a number of factors, among which the decline of stratocratic land ownership, traditionally considered the main one, was by no means the only one.

Keywords: Byzantine Empire; byzantine army; theme system; military reforms.

Для цитирования: Медовичев А.Е. Регулярные войска и ополчения фем в Византии X–XI вв.: к проблеме «кризиса фемной системы» в современных исследованиях. (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – 2022. – № 4. – С. 7–32. DOI: 10.31249/rhist/2022.04.01

Эволюция военных сил Восточной Римской (Византийской) империи в X–XI вв. является одной из центральных тем в современной российской и зарубежной византистике. В наиболее общем виде эта эволюция предстает как развитие двух параллельных процессов – постепенной, но достаточно быстрой деградации фемных ополчений крестьян-стратиотов и одновременно роста числа постоянных регулярных формирований профессиональных наемных воинов [3, с. 95]. Указанная трансформация византийских вооруженных сил в историографии ассоциируется с «кризисом фемной системы». Но если сам факт кризиса не вызывает особых сомнений, то относительно причин его породивших не все выглядит вполне очевидным. Важно понять, в какой степени он был связан с упадком мелкого крестьянского, прежде всего – стратиотского, землевладения, в результате чего, как обычно считается, разрушалась сама социальная база «фемного строя» [6, с. 92; 8, с. 236–237; 11, с. 160–163; 3, с. 94; 27, р. 407; 21, р. 29]. Или же, как полагают некоторые исследователи, упадок иррегулярных фемных ополчений, наблюдающийся уже со второй половины IX в., вряд ли можно объяснить исключительно «кризисом стратиотского

землевладения» [12, с. 149]. Возможно, что не менее важную роль в этом процессе сыграла фискализация *отратэи*, замена реальной военной службы денежными взносами. Несомненно, что это явление должно было иметь серьезные последствия как в социальном, так и в чисто военном аспектах. Вполне корректна также постановка вопроса о том, насколько законодательство и военная реформа императора Никифора Фоки повлияли на окончательный упадок фемного войска, как довольно долго считалось, или все же основа «фемного строя» поколеблена не была [11, с. 157]

В целом, как уже отмечалось в научной литературе, перестройка византийской военной системы во второй половине X – первой четверти XI в. сопоставима по значимости с «фемной реформой» второй половины VII–VIII в. [13, с. 67; 3, с. 95]. Благодаря преобразованиям, начатым, вероятно, еще при Константине VII Порфирогенете (913/945–959) и продолженным императорами-полководцами Никифором II Фокой (963–969), Иоанном I Цимисхием (969–976) и Василием II Болгаробойцей (976–1025), эффективность военной системы Империи, казалось бы, достигла самого высокого уровня. В результате успешных войн на Востоке в состав «государства ромеев» вернулись земли Северной Сирии, включая такой ее важный центр, как Антиохия. Византийские войска временно овладевали Эмесой, Баальбеком, Хомсом, Дамаском и Бейрутом. К Империи была присоединена значительная часть грузинских и армянских земель. В 1018 г. после нескольких десятилетий упорной борьбы Василию II удалось покорить Болгарию. К концу его правления территория Империи вновь, как и во времена Юстиниана I, простиралась от берегов Дуная до берегов Евфрата. Но не прошло и 50 лет после победоносного царствования Болгаробойцы, как в 1071 г. византийские войска были разгромлены турками-сельджуками при Манцикерте. В результате Империя лишилась своей самой ценной в плане военного потенциала территории Малой Азии. Был ли этот разгром поражением все еще фемной армии или армии уже «нового типа», преимущественно профессиональной и наемной? От ответа на этот вопрос зависит (по крайней мере, отчасти) оценка выбранного политическим руководством Византии направления развития вооруженных сил.

**Регулярные части византийской армии
в эпоху «классической» фемной системы
(середина VIII – середина X в.)**

В VIII – первой половине X в. основу сухопутных войск Восточной Римской империи составляли иррегулярные ополчения фем (θέματα) – «военных округов», которые не позднее начала IX в. полностью заменили гражданские провинции (ἐπαρχίαι) ранневизантийского времени в качестве базовых территориальных единиц военно-административной структуры государства [10, с. 208–213, 410; 19, р. 258–261]. Эти ополчения, также называвшиеся фемами, комплектовались путем мобилизации в случае военной необходимости особой категории свободного земледельческого населения – воинов-крестьян (στρατιῶται). Именно создание крупных иррегулярных воинских контингентов, как считается, позволило Византии избежать военного разгрома в конфронтации с гораздо более сильным противником – арабским Халифатом [12, с. 7]. Только в столице Империи и в ее ближайшей округе располагались регулярные «полки» постоянного состава – тагмы, которые в источниках фигурируют под общим названием τὰ τάγματα или βασιλικά τάγματα (т.е. «царские полки»).

В историографии существуют различные теории происхождения «фемной системы». Ведутся дискуссии об этапах ее становления, расцвета и причинах упадка¹. Во многом это объясняется тем, что действительная или приписываемая «фемам» роль вживании Византии в VII–VIII вв. стимулировала подмену недостающих доказательств гипотетическими конструкциями, при создании которых черты реальных фем IX–X вв. переносились в более раннюю эпоху [29, р. 132]. В ряде новейших исследований отмечается анахроничность использования самого термина θέμα применительно к VII–VIII вв. [19; 20, р. 268; 29, р. 129–131; 10, с. 208–213], а также склонность рассматривать «фемную систему» скорее как продукт относительной стабилизации положения Империи, достигнутой к середине VIII в., чем кризиса VII столетия [29, р. 134]. По мнению же крупнейшего британского византиниста Дж. Хэлдона, то, что традиционно принято называть

¹ Обзор дискуссий по этой проблеме см.: [12, с. 32–54; 10, с. 164–173].

«фемной системой», фактически, является феноменом X в. [21, р. 41]. Впрочем, преобладающей в современной историографии является точка зрения, согласно которой «фемная система» появилась во второй половине VII – первой половине VIII в. [12, с. 48].

Очевидно, что размещение на территории Малой Азии выведенных с территории Ближнего Востока крупных армейских группировок и их трансформация в провинциальные формирования милиционного типа делали необходимым создание региональных структур военного управления типа военных округов. Несомненно, что появление первых четырех таких округов (вне зависимости от того, назывались они официально фемами или нет¹) было ориентировано на организацию обороны от арабских вторжений, о чем свидетельствует стратегическое расположение этих округов [2, с. 327, 332]. И к середине VIII в. фемные армии в целом успешно выполнили свою задачу [12, с. 147].

Одним из результатов процесса регионализации восточно-римских полевых армий, превращения их в территориальные формирования сезонного характера стало усиление различий между этими иррегулярными, по сути, контингентами (*θεματικοί*) и регулярными частями профессиональных воинов (*ταγματικοί*) [23, р. 58]. В историографии преобладает мнение о генетической связи между «элитными» подразделениями позднеримского – ранневизантийского времени и регулярными частями средневизантийского периода (см.: [2, с. 334–335; 12, с. 58–59]). Создание регулярных «императорских» тагм обычно связывают с реформами Константина V (741–775) в середине VIII в., когда расположенные в столице и выполнявшие преимущественно церемониальные функции отряды дворцовой стражи (*scholae palatinae*) были преобразованы в боевые гвардейские подразделения тяжеловооруженной кавалерии: тагму схол (*τάγμα τῶν σχολῶν*) и тагму экскувитов (*τάγμα τῶν ἐξκουβίτων*) [12, с. 74]. По подсчетам Е.А. Мехмадиева, в каждой из этих тагм насчитывалось по 7 тыс. воинов. И хотя после массовых увольнений за участие в мятеже 786 г. в них осталось только по 4 тыс. человек, тем не менее императорские тагмы представляли собой достаточно мощную ударную группировку [10, с. 274–275].

¹ С точки зрения К. Цукермана, термином для обозначения такого округа служило слово «стратигия» (*στρατηγία*) [29, р. 129].

Таким образом, военная реформа Константина V сконструировала двухкомпонентную структуру сухопутных войск, в которой фемные иррегулярные ополчения играли главную роль в защите территории Империи, тогда как регулярные элитные части обычно составляли ядро полевых армий, предназначенных для ведения наступательных операций совместно с военными контингентами фем [10, с. 263]. Иными словами, воспроизводилась, как считает А.С. Мохов, структура вооруженных сил Поздней Римской империи с ее *comitatenses* и *limitanei* [12, с. 147], с той лишь разницей, что на положении «пограничников» оказалась основная часть вооруженных сил Империи, а ее территория в структурном плане стала сплошной пограничной зоной.

Создание регулярных императорских тагм в качестве боевых подразделений имело большое значение для дальнейшего развития византийской военной системы. Как подчеркивает Дж. Хэлдон, тем самым фактически был сделан первый шаг в быстро нарастающей тенденции к рекрутированию наемных воинов как местного, так и иноземного происхождения для формирования регулярных элитных частей [23, р. 78].

В период совместного правления Константина VI (780–797) и императрицы Ирины была сформирована тагма арифмов (*τάγμα τῶν ἀριθμῶν*), известная также как тагма виглов (*τάγμα τῶν βίγλων*). По сведениям военных трактатов X в., в ее обязанности входила охрана императорской ставки во время походов. Наконец в начале IX в. при Никифоре I (802–811) появилась тагма иканатов (*τάγμα τῶν ἰκανάτων*). И в дальнейшем, вплоть до военных преобразований второй половины X в., эти «четыре царских полка» (*τὰ τέσσαρα βασιλικὰ τάγματα*) оставались главной ударной силой византийской армии, а также играли роль центрального стратегического резерва [12, с. 74; 2, с. 336–338; 1, с. 38–41].

В источниках IX–X вв. противопоставление хорошо обученных, лучше вооруженных и более дисциплинированных воинов тагм (*ταγματικοί*) воинам фемных ополчений (*θεματικοί*) встречается достаточно часто. Различие между *τάγματα* и *θέματα* описывается также и как различие между войсками «столичными» и войсками «провинциальными» [12, с. 75]. К началу IX в., судя по свидетельствам арабских писателей (ал-Джарми и Кудама ибн Джафара), данным византийских тактиконов и «Тактике» императора Льва, в

«четыре царских полках» насчитывалось 16 тыс. конных воинов [12, с. 78; 28, р. 273–277], и они, таким образом, фактически представляли собой полноценную полевую армию [10, с. 263].

Наряду с императорскими кавалерийскими тагмами столичный гарнизон включал также регулярные пехотные подразделения – «тагму стен» (*τάγμα τεῖχεον*), охранявшую укрепления Константинополя, и так называемых *voûmeroí* («кумеры»), выполнявших, вероятно, функции городской стражи [23, р. 158; 10, с. 267; 2, с. 339].

Однако наиболее боеспособной частью «столичного войска» считалось формирование, известное как *этерия* (*ἐταρεία*, от *ἐταῖρος* – «друг»), которое, впрочем, не относилось к числу тагм. Это подразделение «друзей» (т.е. «дружина»), осуществлявшее охрану дворца и самого василевса, было создано при императоре Льве V (813–820) и комплектовалось наемниками из числа македонцев («Великая этерия»), иноземных наемников («Средняя этерия»), а также тюрок и арабов-христиан («Малая этерия») [2, с. 339–340].

В целом структура столичных регулярных войск окончательно сложилась при императорах Аморийской династии Михаиле II (820–829) и Феофиле (829–842) [12, с. 119]. Сосредоточенные в Константинополе и его ближайшей округе отборные воинские контингенты были эффективным инструментом в руках центральной власти, направленным против чрезмерно самостоятельных и могущественных фемных стратиггов, любой из которых располагал достаточными военными и материальными ресурсами, чтобы предпринять попытку захвата императорского престола. Само создание Константином V императорских тагм, как считается, явилось ответом на серию восстаний фемных войск, кульминацией которых стал мятеж командующего фемой Опсикий в 741–743 гг., наиболее опасный благодаря военному потенциалу этой фемы и ее близости к столице Империи [12, с. 79; 10, с. 256; 2, с. 336; 1, с. 38; 23, р. 78]. По мнению А.С. Мохова, формирование регулярных кавалерийских частей центрального подчинения следует также рассматривать в контексте наметившегося при Константине V перехода к наступательным действиям в войнах с Халифатом и на Балканах с болгарами [12, с. 98].

Во второй половине VIII в. регулярные кавалерийские тагмы, состоявшие из профессиональных воинов, появляются также и в составе фемных ополчений в качестве отборных частей. В IX –

первой половине X в. их количество и численность растут за счет приема добровольцев. Источники этого периода упоминают тагмы фем Армениак (τάγμα τῶν Ἀρμενιάκων), Македонии (τάγματα τῆς Μακεδονίας), Харсиана (τάγματα τοῦ Харσιανου) и др. [12, с. 133; 23, р. 84]. Именно такие подразделения образуют гарнизоны небольших пограничных районов, известных как клисуры (κλεισοῦρες) или клисурархии (κλεισουραρχίες), которые, однако, являлись самостоятельными командованиями, образованными на базе примыкающих к границе фемных турм (τοῦρμα). Так, позднейшие фемы Каппадокия и Селевкия первоначально были турмами фемы Анатолик, а фема Харсиан – турмой фемы Армениак. В течение первой половины IX в. они были переведены в статус клисур, основной функцией которых стало блокирование пограничных проходов на территории, наиболее подверженной арабским рейдам [23, р. 78–79, 114; 10, с. 228].

Финальная стадия этого процесса началась в первой половине X в., когда вслед за серией успешных военных кампаний на «восточном фронте» был создан целый ряд новых военных округов. Они возникали как путем повышения прежних клисур до статуса фем, так и посредством образования новых фем на территориях, отвоеванных у мусульманских эмиров Северной Сирии, Армении и Северо-Западного Ирака [23, р. 78]. Эти новые фемы отличались относительно небольшими размерами и назывались «пограничными» (ἀκρίτικὰ θέματα) или «армянскими», поскольку именно армяне составляли значительную часть местного населения данных регионов или мигрантов в эти регионы, которых византийское правительство расселяло здесь в качестве военных колонистов. Такая номенклатура была призвана также отделить их организационно и культурно от старых «больших» или «римских» фем (ῥωμαϊκὰ θέματα) [23, р. 84; 25, р. 199–201; 2, с. 408]. Основой военного потенциала новых фем с самого начала являлись регулярные подразделения [12, с. 149].

В дальнейшем эта система продолжала модифицироваться в направлении создания более крупных и более эффективных в военном отношении территориальных командований. С конца 960-х годов малые акритские фемы (μικρὰ θέματα) группируются в более обширные пограничные округа, известные как катепанаты (κατεπανάτων) или дукаты (δουκάτων), во главе которых стояли ду-

ки (δοῦξ) и катепаны (κατεπάνω). Стратегически эти новые командования, каждое из которых отвечало за определенный сегмент пограничной зоны, выступали в роли буфера, защищающего «хинтерланд» старых, «ромейских», фем. В результате иррегулярные ополчения этих фем в глазах правительства выглядят все более бесполезными и начинают терять свой военный потенциал. Данные письменных источников и сфрагистические материалы показывают, что из остатков сохранивших боеспособность фемных контингентов составляются регулярные императорские тагмы воинов, служащих на постоянной основе. При этом, как подчеркивает Дж. Хэлдон, рост формирования и использования в течение X в. таких подразделений, создававшихся по образцу «четырех царских полков», был обусловлен не только сокращением реальной численности стратиотов «старых» фем, но и стремлением правительства в Константинополе укрепить свое влияние в провинциях [23, р. 116]. Полевые (походные) армии все в большей степени формируются из императорских столичных и провинциальных *τάγματα*, к которым часто присоединяются отряды, присланные вассальными или союзными правителями соседних с Империей государств [23, р. 85; 12, с. 149; 13, с. 27–29; 2, с. 409]. Таким образом, как считает А.С. Мохов, никакого «народного ополчения» в Византии не было уже с конца IX – начала X в., так как значительную часть вооруженных сил составляли регулярные войска [13, с. 24].

Социальные и юридические аспекты стратиотского землевладения в контексте эволюции византийской военно-фискальной системы

Главной причиной «кризиса фемного строя» считается массовое разорение стратиотов, которое привело к сокращению численности провинциальных ополчений за счет освобождения их от плохо вооруженных и мало квалифицированных в военном отношении элементов. Судя по трактату Льва VI («Тактика»), с конца IX в. наблюдается тенденция со стороны командования армии – архонтов разного уровня – вытеснить из ее рядов наименее материально обеспеченных военнообязанных крестьян [6, с. 94–97; 4, с. 275–276, 317; 7, с. 40–41; 3, с. 94; 23, р. 116; 27, р. 405–407].

Командный состав фемных войск, особенно высшие «офицеры» (μεγάλοι ἄρχοντες), трансформируются в провинциальную военную аристократию и образуют класс земельных магнатов, так называемых сильных (δύνατοι), нередко сочетающих обладание крупной земельной собственностью с высокими имперскими титулами и ключевыми должностями в военно-административной системе [21, р. 29]. К X в. аристократические кланы, главным образом военные по происхождению и характеру, заняли доминирующее положение в регионах. Активно расширяя свои поместья за счет свободного крестьянства, включая его военнообязанную часть – стратиотов, военная аристократия фактически разрушала саму социальную базу военно-фискальной системы Византии [6, с. 92; 11, с. 160–163; 27, р. 406]. В результате уже к концу IX в., и особенно в X столетии, «фемный строй» не мог обеспечить необходимый уровень обороноспособности Империи. Но если в Малой Азии процесс деградации милиционных формирований занял относительно длительное время, то на Балканах произошло резкое падение эффективности фемных подразделений, что явилось главной причиной тяжелых поражений византийцев в войнах с болгарским царем Симеоном (893–927) [13, с. 24].

В этих условиях центральное правительство в лице столичной бюрократии, заинтересованное в сохранении централизованной военно-фискальной системы, было вынуждено встать на защиту крестьянского и, прежде всего, военного землевладения от наступления династов. Первая серьезная попытка в данном направлении, как считается, была предпринята императором Константином VII Порфирогенетом в результате чего, по мнению некоторых исследователей, возникла определенная специфика правового статуса «военных земель» [21, р. 18; 11, с. 164].

В современной историографии вопрос о правовом статусе наделов, принадлежавших крестьянам-воинам, остается предметом дискуссий. При этом наиболее популярной является точка зрения об отсутствии юридической взаимосвязи между землей и военной службой в Византии вплоть до середины X в. и, следовательно, об отсутствии у такой земли какого-то особого статуса. Считается, что военная обязанность стратиотов изначально была их личной, семейной и наследственной, а не поземельной. Только с середины X столетия наделы крестьян-воинов стали заноситься в стратиот-

ские каталоги, образовав, тем самым, особую категорию «военных земель» (τά στρατιωτικά κτήματα). Соответственно, только в X в. земли стратиотов оказываются в центре внимания императоров Македонской династии [21, р. 20, 29–41; 23, р. 122–123; 24, р. 115–131; 17; 18; 27, р. 406; 10, с. 367].

В целом в период между 947 и 969 гг. было принято шесть законов, которые касались исключительно «военных земель» и их владельцев. Новелла 947 г. Константина VII «О стратиотах» (Περὶ τῶν στρατιωτῶν), разработала и кодифицировала обязанности, права и привилегии, закрепленные за владельцами военных наделов, с тем чтобы предотвратить отчуждение «военных земель» или даже вернуть прежним владельцам утраченные участки. Прежде всего, новелла установила минимальную стоимость недвижимого имущества в 4 литры (фунта) золота, которая считалась достаточной для содержания и снаряжения конного стратиота. С этого момента, как считают некоторые исследователи, все стратиоты были юридически обязаны регистрировать свои земли в *στρατιωτικοῦ κώδικος* (κατάλογοι), по крайней мере, в объеме указанной минимальной стоимости [21, р. 27; 22, р. 41–65]. Впрочем, есть предположение, что система регистрации, вероятно, существовала и прежде, но не была обязательной [27, р. 408]. Земли, зарегистрированные в качестве «военных», выводились из коммерческого оборота, но могли переходить по наследству или по завещанию, а также путем дарения или в качестве приданого. Свободно распоряжаться стратиоты могли только незарегистрированной землей, превышающей неотчуждаемый минимум, что являлось существенным ограничением их прав собственности [27, р. 408].

Однако, как уже отмечалось в литературе, представление о том, что стратиотские участки как институт впервые упоминаются в новелле Константина VII не совсем верно. Так, еще в 70-х годах прошлого века один из ведущих отечественных византинистов Г.Г. Литаврин обратил внимание на тот факт, что в самой новелле о «стратиотской земле» говорится как о старом и терпящем упадок институте. По обычаю или по закону, но надельные воинов считались неотчуждаемыми вообще, с самого начала, полагает он. Примечательно, что в новелле 922 г. императора Романа I Лакапина (921–944), предписывающей вернуть бесплатно прежним владельцам-стратиотам их земли, утраченные в течение последних 30 лет, это

предписание рассматривается не как введение нового закона, а напоминание о старом, оказавшемся в пренебрежении. Таким образом, замечание новеллы Константина VII о том, что обычай запрещал и ранее издания его новеллы продавать или как-то иначе отчуждать стратиотские наделы, нельзя недооценивать. Другое дело, что и закон, как известно, не помешал разорению стратиотов и присвоению магнатами их собственности. Поэтому в 962 г. император Роман II (959–963) очередной новеллой приравнял продажи «военной земли» к незаконным сделкам [8, с. 242–244].

Как полагает Г.Г. Литаврин, обычай регистрации земли стратиота и приобретение ею статуса неотчуждаемой было правилом при поступлении (добровольном или принудительном) в фемное войско. Уже в ходе организации первых фем в Малой Азии в VII–VIII вв. наиболее состоятельные крестьяне, стоимость имущества которых достигала 4 литр золота, вносились в воинские списки. При этом, с точки зрения российского византиниста, их наделы, несмотря на неотчуждаемость, считались частной, но военнообязанной (в силу государственного суверенитета) собственностью. Таким образом, между фемной системой, ополчениями фем и институтом стратиотских наделов непосредственная, тесная связь, по-видимому, существовала изначально [8, с. 244–248].

Детали функционирования системы «военных земель» в X в. являлись объектом изучения в ряде современных исследований. Наиболее значимыми в этом плане, по мнению Дж. Хэлдона, стали работы Д. Гурецки [17; 18], которая, с его точки зрения, дала наиболее точное описание отношений между государством, податной общиной и военными наделями. Прежде всего, Д. Гурецки предприняла попытку определить юридический статус стратиотской земли на основе анализа терминологии, используемой законодателем, т.е. Константином VII, в новелле «О стратиотах», а также в двух написанных им же трактатах: *De administrando imperio* и *De caeremoniis*. По мнению исследовательницы, в тексте новеллы просматривается явная параллель между стратиотской землей и *ager publicus populi Romani* в аграрных законах республиканского Рима в том, что имеет отношение к целям и методам имплементации. Как и республиканский *ager publicus*, стратиотская земля новеллы Константина призвана служить «общему благу», обеспечивая материальную поддержку воинов и безземельных

крестьян. Именно по этой причине *ager publicus* и стратиотская земля были изъяты из коммерческого оборота, т.е. считались *res extra commercium*. Их нельзя было приобрести в собственность ни путем покупки, ни в силу давности пользования. Короче говоря, эти земли не могли быть объектом собственности (*dominium*), но лишь объектом владения (*posessio*) [18, p. 139, 145].

Собственник частной земли, согласно новелле, становился стратиотом в тот момент, когда он конвертировал свой надел в «военное имущество» (*τὰ στρατιωτικὰ κτήματα*), зарегистрировав его в качестве такового в *στρατιωτικοῦ κατάλογοι*. В качестве держателя «военной земли» он приобретал статус стратиота вместе с присущим этому статусу набором обязанностей, прав и привилегий. Другой вариант связан с политикой репопуляции запустевших по тем или иным причинам военных земель, которая могла осуществляться как в индивидуальном, так и в групповом порядке. При этом передача такой земли невоеннообязанному крестьянину означала «повышение» его до статуса стратиота, что, разумеется, не было актом императорской благотворительности, но мерой, призванной предотвратить «отмену» стратиотской обязанности военного надела, оказавшегося во владении «гражданского» лица [18, p. 145].

Однако если каждый человек, обрабатывающий надел стратиотской земли, был военным, в смысле работающим на армию, то не каждый военнослужащий мог быть стратиотом в этом смысле. В самой новелле Константина различие между военным и стратиотским статусом показано весьма туманно. Неудивительно, что историки долгое время не могли прийти к согласию относительно значения термина *στратиωτης* в ее тексте. После продолжительных споров византинисты в конечном итоге согласились с тем, что этот термин новеллы описывает не только индивида, который действительно принимает участие в военных кампаниях, но и того, кто владеет наделом стратиотской земли и получает с нее доход, позволяющий единолично или в группе *συνδόται* снарядить и содержать военнослужащего [26, p. 42–43, 95–96, 133–134; 24, p. 119–120, 124–149; 22, p. 4–65].

Таким образом, исследование Д. Гуреcki подтвердило переломный характер X в. в истории византийской военно-фискальной системы. В юридических текстах формально было признано то,

что военная обязанность (стратия) скорее ассоциируется с землей, являющейся материальной основой этой стратии, чем с индивидами (семьями), которые несут наследственное бремя таких обязанностей [17, S. 163–167]. Эта более выраженная ассоциация с землей, несомненно, ослабляла личный и наследственный аспекты стратии, стимулируя процесс ее фискализации, трансформации военной службы фемных стратиотов в военный налог [21, р. 32–39; 27, р. 410]. Очевидно, что византийским государством военная повинность воспринималась как разновидность фискального обязательства, исполнить которую владелец стратиотского надела мог в «натуральной форме» лично или выставив заместителя, либо, наконец, в денежной форме. Последний вариант означал фактическую коммутацию военной службы [24, р. 121–128; 21, р. 24–29; 22, р. 49, 60; 18, с. 138; 27, р. 409–410]. Соответственно, любой, кто законным образом приобретал «военную землю», становился обязанным исполнять закрепленную за ней стратию, включая лиц «невоенных». Параллельно намечается и терминологическое различие между *στράτιοται* – лицами, зарегистрированными в качестве держателей военных участков, и *στρατεύομενοι* («воюющими») – реальными участниками военных походов [2, с. 405; 21, р. 32].

Трудно сказать, когда впервые появилась возможность замены действительной военной службы выплатой денег. Некоторые свидетельства источников («Житие Эвфимия», одно из писем Феодора Студита), по мнению Дж. Хэлдона, позволяют отнести элементы коммутации ко второй половине VIII в. или даже к более раннему времени [21, р. 33]. Однако основная масса данных тем не менее демонстрирует предпочтение государством исполнения личной военной службы зарегистрированными в качестве стратиотов индивидами, по крайней мере, до второй половины IX или первой половины X в. [21, р. 38].

Тенденция к фискализации стратии становится особенно заметной со времени правления императора Никифора II Фоки [18, р. 153]. По мнению Дж. Хэлдона, это объясняется тем, что к середине X в. византийское государство начинает во все большей степени заботиться об источниках финансирования воинов, чем об источниках людской военной силы как таковой [21, р. 39; 22, р. 79–80].

Военные реформы эпохи «византийской реконкисты» и их последствия для фемной системы

Важным этапом в процессе замены иррегулярных ополчений регулярными войсками считаются военные реформы второй половины X – первой четверти XI в. В контексте перехода от «модели регионализованной обороны» к активной наступательной стратегии как на «восточном фронте», на Ближнем Востоке, так и на Балканах, меняются структура вооруженных сил, система набора и характер вооружения. Наиболее заметным явлением становится рост значения тяжелой кавалерии. До середины X в. она, как принято считать, была представлена императорскими «столичными» *τάγματα*. Хотя, как отмечает Дж. Хэлдон, сведения о том, что эти войска являлись существенно более тяжеловооруженными и лучше экипированными по сравнению с регулярными контингентами фемных армий, по меньшей мере, невыразительны. В массе своей византийская кавалерия была либо легковооруженной, либо, скорее, универсальной [23, р. 117].

Император Лев VI в своей «Тактике» использует термин *καταφράκτος καβαλλάριος* и достаточно подробно описывает вооружение и доспехи как самого всадника, так и его коня. Однако это описание, как указывает сам автор, относится к древнему периоду и основано на данных трактата Элиана, написанного в начале II в. н.э. Основным оружием этих бронированных всадников были длинные (4–4,5 м) тяжелые копья, которые во время атаки воин держал двумя руками. Дополнительным оружием служил длинный прямой меч («сарматского» типа) (см.: [14, с. 180–191]). Однако, описывая снаряжение современного ему конного стратиота, император на первое место ставит лук и стрелы – комплекс, именуемый *токсофаретра* (*τοξοφάρετρον*). Как уже отмечалось в научной литературе, *токсофаретра* фигурирует в источниках как своего рода символ военной службы, которая обозначается выражением «носить *токсофаретру*»¹. Дополнительным оружием служили два копья, которые, судя по всему, использовались для метания, а также меч – *спата* (*σπάτιον*) или *парамирия* (*παράμηριον*).

¹ См.: Лев VI Мудрый. Тактика Льва / изд. подг. В.В. Кучма ; отв. ред. Н.Д. Барабанов. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2012. – С. 135, прим. 4.

При этом всадник должен был иметь полный доспех, включающий длинный панцирь ламеллярного типа (κλιβάνιον) или кольчугу (λωρίκιον), а также шлем (κασίδιον) и щит (σκούτάριον) (Tact., VI, 2–8, 30–32).

Таким образом, в изображении императора Льва византийский стратиот – это, по сути, тяжеловооруженный конный лучник, способный вести как дистанционный, так и ближний (рукопашный) бой, т.е. своего рода универсальный конный воин. Другой вопрос – насколько этот образ соответствует реальности?

Дело в том, что описание конных лучников в «Тактике» взято непосредственно из «Стратегикона» императора Маврикия [2, с. 353]. Как отмечают А.В. Банников и М.А. Морозов, влияние гуннско-аланского комплекса вооружения и тактики действительно определило путь развития ранневизантийского военного дела, и в результате владение луком стало весьма важным качеством конного воина [2, с. 295–296]. Согласно Прокопию Кесарийскому, главными преимуществами восточно-римских войск, сражавшихся с готами в Италии, были широкое использование конных стрелков (ἰπλοτόχοι) и тактика боя, позволявшая измотать противника и расстроить его боевые порядки путем массированного обстрела из луков до вступления в прямой контакт с ним (Bell. Goth., I. 27).

Однако, с точки зрения исследователей, «есть основания полагать, что уже во второй половине VI в. конный лучник не был наиболее типичной фигурой в византийской армии, и та армия, которая представлена в “Стратегиконе” – это идеал, которого хотелось достичь Маврикию, но которого никогда не существовало в действительности» [2, с. 351]. Ко времени правления Льва VI ситуация вряд ли могла измениться к лучшему, поскольку император в своем трактате критикует ромеев за пренебрежительное отношение к искусству стрельбы из лука (Tact., VI, 5; XI, 49). Отсюда следует закономерный вывод о том, «что византийский лучник VII–IX вв. персонаж скорее вымышленный, нежели реальный...» [2, с. 353]¹.

¹ Тем не менее необходимо отметить, что популярность лука и традиции его применения не исчезли. И позднее, после реформы императора Никифора II Фоки, конные лучники являлись важным элементом византийской армии. Так, согласно «Стратегике» императора Никифора, каждый *παράταξις* катафрактов, в зависимости от численности в 504 или 384 воина, включал соответственно 150

Типичными всадниками византийской кавалерии, из которых состояли как провинциальные, так и столичные подразделения, по мнению А.В. Банникова и М.А. Морозова, являлись воины, вооруженные копьями, но имевшие также и луки в качестве дополнительного оружия [2, с. 354]. Но именно на универсальность их комплекса вооружения фактически указывает и император Лев, лишь несколько иначе расставляя акценты в своем описании. Все это явно свидетельствует об отсутствии сколько-нибудь заметной функциональной (тактической) специализации византийской кавалерии. Об универсальном ее характере до реформы императора Никифора II говорит, по-видимому, и тот факт, что стоимость надела конного стратиота, когда она впервые была законодательно зафиксирована в середине X в. новеллой Константина VII, была одинаковой для всех всадников.

Первые изменения в направлении дифференциации произошли в период правления Никифора II Фоки, при котором из относительно гомогенной общей массы конных стратиотов был выделен особый вид кавалерии – так называемые «катафракты» (κατάφρακτοι – т.е. «покрытые броней»). В 963/964 г. император утроил минимум стоимости неотчуждаемой «военной земли», доведя его до 12 литр золота. Эта мера, обусловленная более высокими затратами на снаряжение сверхтяжелой кавалерии, по мнению Ф. Рэнса, предполагает условия, при которых объединенная фискализированная *στράτις*, включающая ряд «военных наделов», обеспечивает содержание одного воина [27, р. 410].

Впрочем, не следует исключать и взаимосвязь установления столь высокого минимума с концентрацией значительной земельной собственности в руках фемной военной элиты, обогатившейся в ходе начавшихся завоевательных войн [22, р. 42–44, 60–62]. Тем самым император узаконил резкую грань между воинами и крестьянами, к числу которых большинство стратиотов принадлежало в экономическом плане [8, с. 240; 6, с. 97]. Возможно, как полагают некоторые исследователи, подразделения катафрактов были образованы из архонтов – командиров фемных ополчений различных рангов, материальное положение которых было гораздо выше, чем

или 80 панцирных лучников. Точно так же и паратаксисты остальной кавалерии имели в своем составе по 300 всадников, вооруженных копьями, и по 200 стрелков [13, с. 22–34]. – А. М.

у рядовых стратиотов, и позволяло им приобретать хороших боевых коней и дорогостоящее вооружение [1, с. 56, прим. 33; 16, с. 39]. Формирование в середине X в. «бригад» тяжелой кавалерии, по мнению Дж. Хэлдона, следует рассматривать «как признак перехода к более агрессивной форме боевых действий» [23, р. 117; см. также: 25, р. 202–211].

Военная реформа и законодательство императора Никифора II часто рассматриваются либо в плане формирования предпосылок возникновения конницы рыцарского типа [16, с. 42], либо как юридическое оформление уже сложившегося в целом византийского аналога западноевропейского рыцарства. Сторонники последней точки зрения относят катафрактов к тому типу воинов, который в социальном отношении обычно ассоциируется с сословием мелких и средних вотчинников-феодалов [6, с. 95–97; 9, с. 121–122].

Действительно, нет оснований сомневаться в том, что военная реформа, законодательно оформленная новеллой 967 г., была напрямую связана с социальными изменениями в византийском обществе – формированием в X в. влиятельной провинциальной военной аристократии. Однако Никифор II ни в коей мере не сузил существовавшую в то время социальную основу византийской армии. Реформа, по сути, состояла лишь в том, что из общей массы византийской фемной кавалерии была выделена в качестве самостоятельной тактической структуры элитная группа более тяжеловооруженных конных воинов. И это совсем не означало устранение из армии других категорий военнотружущихся, обладающих более низким имущественным статусом [11, с. 157, 166]. Впрочем, общее возрастание военных тягот, отмечавшееся современниками, вероятно, действительно могло дать толчок процессу фискализации стратий и переходу части стратиотов на положение простых налогоплательщиков [16, с. 43].

Появление катафрактов, по мнению К. Шилова, открывало перспективу преобразования социальной базы византийской армии, трансформации ее из ополчения крестьян-воинов в феодальное ополчение рыцарского типа. Однако эта перспектива реализована не была. Политика Никифора была направлена на сохранение стратиотского сословия как целого и его экономической базы в виде «военных земель». Этим институтом император воспользо-

вался для создания стратии катафрактов, которые, таким образом, остались в рамках все еще формально единого «класса воинов», несмотря на вполне очевидное имущественное расслоение последнего. «Все это, – как отмечает К. Шилов, – не дает оснований отождествлять катафрактов с рыцарями и говорить о феодальном характере “катафрактного” войска периода Никифора Фоки» [16, с. 45].

Преемник Никифора, Иоанн I Цимисхий, продолжил реализацию его военной программы в плане развития тяжелой кавалерии. Созданное Иоанном подразделение «Бессмертных» (*ἀθάνατοι*), вооруженных очень длинными копьями *πανσίδηροι ἰπλόται* («всежелезных всадников»), по определению Льва Диакона (VIII, 9), сыграло решающую роль в боях под Преславой и Доростолом с войсками князя русов Святослава. Однако трудно сказать, имели ли они отношение к социальному слою мелких и средних вотчинников. «Бессмертные» составляли одну из столичных императорских тагм (*τάγμα τῶν ἀθανάτων*) и, следовательно, являлись наемными воинами, служащими на постоянной основе. Это, разумеется, не исключает наличия у них какой-то собственности, включая земли. Но в отличие от катафрактов фемных ополчений, которые обеспечивали себя сами оружием, снаряжением и конями за счет доходов со своих земель, катафракты императорских тагм находились на полном государственном обеспечении. «Бессмертные» упоминаются также в трактате конца X в. в связи с воинами этерии. На протяжении XI в. это подразделение трижды фигурирует на страницах источников, но в дальнейшем какие-либо сведения о нем в текстах отсутствуют [16, с. 41–43; 2, с. 410–411; 23, р. 118].

Препятствием к трансформации катафрактов в рыцарское сословие, возможно, мог послужить еще и тот факт, что византийские мелкие вотчинники не смогли подкрепить свой социальный статус ведущей ролью в военной сфере в течение достаточно продолжительного периода. А это обстоятельство в условиях ранне-средневекового общества имело решающее значение. Дело в том, что в тактическом плане катафракты представляли собой очень узко специализированный вид кавалерии, который, судя по всему, оказался тупиковым. Во всяком случае, к середине XI в., если не раньше, он исчезает с полей сражений. И когда в конце того же столетия у Империи возникла потребность в тяжелой кавалерии,

правительство Алексея I Комнина (1081–1118) было вынуждено прибегнуть к набору наемников из числа западных рыцарей [2, с. 482; 25, с. 239, 317–318].

Тем не менее очевидно, что примерно с середины правления Константина VII военная организация, характерная для предшествующего времени, эволюционировала чрезвычайно быстро, и уже к концу правления Иоанна I Цимисхия она представляла собой нечто существенно отличающееся от прежней системы [23, р. 115]. Изменения затронули не только способы набора воинов, соотношение различных их категорий и характер вооружения, но также и организацию войск, что, в частности, нашло отражение в терминологии письменных источников. Названия командирских рангов и подразделений, представлявшие собой смесь эллинизированных латинских и греческих терминов, к 960-м годам дополнились рядом новых, чисто греческих слов (например, *ταξιαρχία* – в пехоте и *παράταξις* – в кавалерии) [23, р. 115].

В 962 г. в соответствии с основными стратегическими направлениями военной политики Империи были созданы два независимых территориальных командования – «Восток» (Малая Азия) и «Запад» (Балканы), возглавляемые domestikом схол Востока (*δομέστικός τῶν σχολῶν τῆς Ανατολῆς*) и domestikом схол Запада (*δομέστικός τῶν σχολῶν τῆς Δύσεως*), которым подчинялись все военные контингенты, размещенные в соответствующих частях Империи. Таким образом, в результате реформы в составе сухопутных войск Византии появились в качестве особых формирований полевые армии Востока и Запада, включающие регулярные столичные и провинциальные кавалерийские тагмы и пехотные таксиархии. Благодаря этим мерам численность регулярных войск к 1000 г. увеличилась в несколько раз [13, с. 27–28; 3, с. 95].

Однако наиболее важным социальным последствием военных преобразований второй половины X – первой четверти XI в., как отмечают А.С. Мохов и К.Р. Капсалыкова, стало то, что значительная часть сельского населения, формально принадлежа к «стратиотскому сословию», фактически утратила связь с императорской армией [13, с. 66].

В долгосрочной перспективе профессионализация военной службы и опора на наемные (в том числе иностранные) контингенты превратили «военные земли» из базы рекрутирования армии в

источник ее финансирования. И со второй половины XI в. сведения о *στρατήγας* относятся к исполнению чисто фискальной обязанности [24, р. 223–229; 21, р. 49– 53, 60–64; 27, р. 411].

Благодаря фискальной политике правительства в 1030–1060-х годах подавляющее большинство воинских частей византийской армии представляли собой многочисленные тагмы воинов, служащих на постоянной основе. Среди них имелись подразделения неримлян, комплектуемые из определенных этнических групп и регионов. В источниках XI в. фигурируют грузины, аланы, печенеги, куманы, сербы, турки, венгры, франки, англичане, итальянцы, немцы и норманны, которые служили в качестве наемников или союзных воинов, предоставленных иностранными правителями по условиям договоров. Примечательно, пишет Дж. Хэлдон, что и собственно византийские («римские») контингенты также идентифицируются по провинциям своего происхождения – македоняне, пафлагонцы, армяне и т.д. [23, р. 119].

Курс византийского правительства на все более широкое использование наемных войск и особенно активное привлечение на службу иноземных воинов в историографии часто рассматриваются как ошибочное направление развития вооруженных сил, которое, в конечном итоге, способствовало краху Империи. Данное утверждение, как правило, основывается на представлении о том, что фемные ополчения *стратиотов* были более преданы стране и центральной власти и, следовательно, более надежны, чем контингенты наемников, и к тому же они обходились государственной казне дешевле. По мнению Дж. Хэлдона, такое представление не вполне верно. В контексте агрессивных наступательных войн профессиональные наемные воины были не только более эффективны в тактическом плане, но и обеспечивали обычно лучшее соотношение цены и качества, чем менее дорогостоящие, но и менее подготовленные фемные ополченцы. Соответственно, для выполнения одних и тех же боевых задач первых требовалось меньше, чем вторых. Кроме того, наемные воины, особенно иноземцы, если они регулярно получали жалование, были, по крайней мере, не менее, а часто и более надежны, чем провинциальные *стратиоты*, хотя бы потому, что не были столь глубоко вовлечены в проблемы внутренней политики. Таким образом, заключает британский историк, использование наемных войск позволяло правительству в Кон-

стантинополе более эффективно контролировать свои вооруженные силы. И это отвечало интересам таких правителей, как Василий II, который стремился ограничить чрезмерное влияние в армии провинциальной военной аристократии [23, р. 92–93]. И хотя в его войнах против Болгарии, судя по некоторым косвенным данным, сражалось преимущественно фемное войско, роль иностранных наемников, прежде всего «варяжской дружины», существенно возрастает [16, с. 44].

Тем не менее нельзя отрицать тот факт, что и регулярные наемные тагмы, в том числе иноземные, не менее часто, чем фемные войска, оказывались инструментом борьбы видных представителей военной знати за императорский престол [8, с. 254]. И в целом степень их надежности, как показала военная кампания Романа IV Диогена (1068–1071) против турок-сельджуков, закончившаяся разгромом византийской армии при Манцикерте в 1071 г., а также последовавшие за этим события, нельзя назвать высокой [15, с. 395–411].

В течение XI в., по мере того как традиционный способ формирования войск переставал использоваться, мультиэтнический, даже разношерстный, характер византийских вооруженных сил все более прогрессировал [23, р. 126]. Армия, которую привел к Манцикерту Роман Диоген, представляла собой многочисленный и малоподвижный конгломерат регулярных кадровых частей, остатков фемной армии и контингентов иностранных наемников разных «национальностей». При этом фемные ополчения, если верить современнику событий Михаилу Атталиату, представляли собой жалкое зрелище как в плане вооружения, так и в том, что касается боевой подготовки и дисциплины. И эта картина, скорее всего, близка к действительности, даже если византийский писатель чрезмерно сгущает краски, как полагает Дж. Хэлдон [15, с. 392, 395].

* * *

Изучение законодательства императоров Македонской династии показывает, что центральное правительство уделяло большое внимание защите мелкого и среднего землевладения, прежде всего, стратиотского, от посягательств со стороны динатов. Примечательно также, что и новелла Константина VII, закрепляющая фискальный барьер между «военными» и «гражданскими» семьями, и

новелла Никифора II, повышающая этот барьер, формально пытаются сохранить связь фемной армии с земледельческим обществом [2, с. 406–407]. Однако тенденции развития вооруженных сил свидетельствуют о том, что реально приоритетом правительства все более становилось не столько поддержание боеспособности фемных ополчений, сколько сохранение фискального потенциала для финансирования дорогостоящих постоянных регулярных формирований. Потребность в таких формированиях, в свою очередь, была обусловлена переходом Империи в X в. от стратегической обороны, для решения задач которой массовые территориальные ополчения были наиболее подходящим вариантом, к «реконкисте» ранее утраченных земель и завоеванию новых. Для осуществления активной наступательной стратегии сезонные формирования милиционного типа были не вполне пригодны.

Завоевания второй половины X – первой половины XI в. проводились армией, которая в значительной степени была уже армией нового типа. Однако прочная система обороны новых, более опасных и более протяженных границ фактически так и не была создана. Напротив, успехи Василия II в разрушении Болгарского царства и включение в 1018 г. его территории в состав Византии, достижения его предшественников Никифора II Фоки и Иоанна I Цимисхия, а также самого Василия в «реконкисте» значительных районов Северной Сирии и Северо-Западного Ирака парадоксальным образом сделали Империю более уязвимой для внешних вторжений. Исчез ряд буферных государств, ранее прикрывавших основную территорию Византии. Созданная на их месте военно-административная структура дукатов и катепанатов образовала защитную зону для внутренних областей, которая, впрочем, оказалась сильно фрагментированной в плане военной организации и в силу этого способной противостоять лишь локальным угрозам [23, р. 90]. В итоге, как отмечает А.С. Мохов, успешно развивавшаяся со второй половины VII до IX в. достаточно просто и рационально организованная фемная система трансформировалась в громоздкую, состоящую из множества плохо связанных между собой элементов структуру [12, с. 144; 13, с. 23].

«Классический» фемный строй второй половины IX в. позволял Византии, несмотря на нередко случавшиеся поражения, в

короткое время мобилизовывать новые армии крестьян-воинов большой численности, что сыграло решающую роль в успешном в целом противостоянии Империи внешним вторжениям. Во второй половине X и в XI в. ориентированная на оборону амортизирующая военная мощь старых «римских» фем была трансформирована в наступательный потенциал постоянных полевых армий [23, р. 85–90; 15, с. 389–390]. Однако содержание постоянной регулярной армии наемников тяжелым бременем ложилось на государственный бюджет, а в случае разгрома такой армии быстрое восстановление боеспособности вооруженных сил стало невозможно вследствие отсутствия мобилизационного ресурса из-за фактической «демилитаризации» фем хинтерланда. Таким образом, военная организация Византийской империи к середине XI в. уже не имела жизнеспособной социальной основы в самом византийском обществе [5, с. 295]. Фемы не утратили своего значения в качестве базовых единиц административно-территориальной структуры государства, но их военная роль существенно сократилась, а после поражения при Манцикерте и потери Малой Азии – основной территории фем – фактически завершилась.

Список литературы:

1. Банников А.В. Армия Восточной Римской империи от Юстиниана I до «Стратегики». – Санкт-Петербург : Евразия, 2020. – 160 с.
2. Банников А.В., Морозов М.А. Византийская армия (IV–XII вв.). – Санкт-Петербург : Евразия, 2013. – 688 с.
3. Капсалыкова К.Р. Регулярная армия и традиционное общество в Византийской империи в X – первой половине XI в. // Вестник Вятского государственного университета. – 2017. – № 12. – С. 92–98.
4. Кучма В.В. Военная организация Византийской империи. – Санкт-Петербург : Алетей, 2001. – 426 с. – (Византийская библиотека. Исследования).
5. Кучма В.В. Военно-теоретическая мысль // Культура Византии : вторая половина VII – XII в. – Москва : Наука, 1989. – С. 276–295.
6. Кучма В.В. Командный состав и рядовые стратиготы в фемном войске Византии в конце IX–X в. // Византийские очерки. – Москва : Наука, 1971. – С. 86–97.
7. Кучма В.В. «Тактика Льва» как исторический источник // Тактика Льва / изд. подг. В.В. Кучма ; отв. ред. Н.Д. Барабанов. – Санкт-Петербург : Алетей, 2012. – С. 8–91.
8. Литаврин Г.Г. Византийское общество и государство в X–XI вв. : Проблемы истории одного столетия (976–1081 гг.). – Москва : Наука, 1977. – 312 с.

9. Литаврин Г.Г. Византийское государство в VII–XII вв. // Раннефеодальные государства на Балканах, VI–XII вв. – Москва : Наука, 1985. – С. 99–131.
10. Мехмадиев Е.А. Военная организация Византийской империи в VII – первой половине IX в. : административно-территориальный и социальные аспекты развития. – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2020. – 456 с.
11. Морозов М.А. Военные реформы Никифора II Фоки // Никифор II Фока. Стратегика / пер. со среднегреч. и комм. А.К. Нефёдкина. – Санкт-Петербург : Алетея, 2005. – С. 154–172.
12. Мохов А.С. Византийская армия в середине VIII – середине IX в. : развитие военно-административных структур. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2013. – 276 с.
13. Мохов А.С., Капсалыкова К.Р. «Пусть другие рассказывают о выгоде и роскоши, что приносит война» : Византийская полемологическая традиция X–XI вв. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2019. – 300 с.
14. Хазанов А.М. Катафрактарии и их роль в истории военного искусства // Вестник древней истории. – 1968. – № 1. – С. 180–191.
15. Хэлдон Дж. История византийских войн. – Москва : Вече, 2007. – 464 с.
16. Шилов К. К вопросу о военных реформах Никифора II Фоки и их социальных последствиях // Византийский временник. – 2001. – Т. 60(85). – С. 30–45.
17. Górecki D. The Strateia of Constantine VII : The legal Status, Administration and Historical Background // Byzantinische Zeitschrift. – 1989. – Bd. 82, Hft. 1. – S. 157–176.
18. Górecki D. Constantine VII's Peri ton stratioton // Greek, Roman and Byzantine Studies. – 2009. – Vol. 48. – P. 135–154.
19. Haldon J. A context for two “evil deeds” : Nikephoros I and the origins of *themata* // Le saint, le moine et le paysan. Méd’histoire Byzantine offerts à Michel Kaplan / éd. par O. Delouis, S. Métivier, P. Pagés. – Paris, 2016. – P. 245–265.
20. Haldon J. The Empire that would not die : The paradox of Eastern Roman Survival, 640–740. – Cambridge (Mass.) ; London : Harvard univ. press, 2016. – 418 p.
21. Haldon J. Military Service, Military Lands and the Status of Soldiers : Current Problems and Interpretations // Dumbarton Oaks Papers. – 1993. – Vol. 47. – P. 1–67.
22. Haldon J.F. Recruitment and Conscription in the Byzantine Army c. 550–950 : A Study on the Origins of the stratiotika ktemata. – Wien, 1979. – 85 p.
23. Haldon J. Warfare, State and Society in the Byzantine World, 565–1204. – London : UCL Press, 1999. – X, 389 p.
24. Lemerle P. The Agrarian History of Byzantium from the Origins to the Twelfth Century : The Sources and the Problems. – Galway : Galway univ. press, 1979. – XII, 272 p.
25. McGeer E. Sowing the Dragon’s Teeth : Byzantine Warfare in the Tenth Century. – Washington (DC), 1995. – XII, 250 p.
26. Ostrogorsky G. History of Byzantine State. – Oxford : Blackwell, 1956. – XXVII, 548 p.

27. Rance Ph. The Army in Peace Time : The Social Status and Function of Soldiers // A Companion to the Byzantine Culture of War, ca. 300–1204 / ed. by Y. Stouratis. – Leiden, 2018. – P. 394–439.
28. Treadgold W. Notes on the Numbers and Organization of the Ninth-Century Byzantine Army // Greek, Roman and Byzantine Studies. – 1980. – Vol. 21. – P. 269–288.
29. Zuckerman C. Learning from the Enemy and More : Studies in “Dark Centuries” Byzantium // Millenium. – 2005. – Jg. 2. – P. 79–136.

УДК 35.07; 94(560)

ЧЕДИЯ А.Р.* РЕЕСТР ОСМАНОВ МЕХМЕДА СЮРЕЙЯ – ЦЕННЫЙ ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ ПО ИСТОРИИ КАВКАЗСКИХ ДИАСПОР ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ.

DOI: 10.31249/rhist/2022.04.02

Аннотация. Вплоть до распада Османской империи Кавказ сохранял важное стратегическое значение для Стамбула. Это подтверждается тем, что указанный регион неоднократно становился ареной соперничества османов с соседними державами. Османы не выработали определенную систему взаимоотношений с населением региона, но при этом кавказские этнические группы были широко представлены на государственной службе империи. Вопросы, связанные с деятельностью кавказской диаспоры, а также ее представленностью на государственной службе Оттоманской Порты, уже рассматривались в трудах отечественных и зарубежных авторов. Тем не менее исследователи до сих пор не принимали во внимание библиографическую энциклопедию османского автора конца XIX в. Мехмеда Сюрейя-бея – *Sicill-i Osmanî* (Реестр/личные дела Османов), который в своем труде собрал биографии свыше 17 тыс. османских деятелей разных лет. В связи с этим, цель настоящего исследования заключается в характеристике указанного труда и введении в научный оборот данных из этого источника.

Ключевые слова: кавказская диаспора Османской империи; военно-административная система Османской империи; органы государственного управления Османской империи.

* Чедия Анри Робертович – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: chedia@inbox.ru

CHEDIA A.R. Sicill-i Osmanî by Mehmed Sureyya as a major source of information on the history of the Caucasian diasporas of the Ottoman Empire.

Abstract. Until the collapse of the Ottoman Empire, the Caucasus region remained of major strategic importance for Istanbul, as evidenced by the fact that this region repeatedly became the theatre of confrontation between the Ottomans and neighboring powers. The Ottomans did not create a specific system of relations with the population of the region, but, at the same time, the Caucasian ethnic groups were widely represented in the civil service of the empire. The problem of the representation of ethnic groups of the Caucasus in the service of the Ottoman empire has already been considered in the works of domestic and foreign authors. However, researchers have not yet taken into account the bibliographic encyclopedia Sicill-i Osmanî written by the Ottoman author of the late 19 th century Mehmed Sureyya, who collected biographies of over 17 thousand famous Ottoman figures of different years in his work. In this regard, the purpose of this article is to characterize the work of Mehmed Sureyya and introduce data from this source into scientific circulation.

Keywords: the Caucasian diaspora in the Ottoman Empire; the military and administrative system of the Ottoman Empire; the state administration of the Ottoman Empire.

Для цитирования: Чедия А.Р. Реестр Османов Мехмеда Сюрейя – ценный источник сведений по истории кавказских диаспор Османской империи. (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – 2022. – № 4. – С. 33–48. DOI: 10.31249/rhist/2022.04.02

Со второй половины XV в. по первую треть XX в. Кавказский регион находился в сфере внешнеполитических интересов Османской империи. После завоевания главной генуэзской фактории на Чёрном море – Кафы в 1475 г., османы постепенно распространяли свое влияние и на Кавказ. Причерноморские территории региона контролировались османами посредством крепостей и бастионов, построенных вдоль побережья Чёрного моря. Неоднородными были отношения османов с западно-грузинскими княжествами (Мегрельским, Гурийским), Абхазией и народами Западной Черкесии. В XV–XIX вв. эти территориальные образова-

ния и народы в разные периоды то находились в вассальных отношениях с Османской империей, то были независимыми от Стамбула. Кабардинские князья до первой половины XVIII в. считались вассалами Крымских ханов – главных вассалов Османской империи. Дагестанские шамхальства (Казикумухское и Тарковское) также в разные периоды (в XVI–XVII вв.) могли считаться вассалами Османской империи¹. Под прямым управлением Порты в разные годы оказывались некоторые области современных Абхазии, Азербайджана, Армении, Грузии, Краснодарского края и Ростовской области Российской Федерации. Анализ взаимоотношений Османской империи и народов Кавказа в XV – первой четверти XIX в. демонстрирует нам, что османская политика в данном регионе формировалась в соответствии с текущей политической ситуацией в зависимости от внешних и внутренних обстоятельств.

Кавказский регион интересовал Османскую империю по нескольким причинам.

– Кавказ неоднократно становился ареной противостояния Османской империи с Сефевидской державой и Российской империей в XVI–XX вв., и для Порты контроль над ним был важен в военно-стратегическом плане.

– Регион представлял интерес для Порты с экономической точки зрения. Одной из важных для Османской империи статей экспорта из прибрежных пунктов Кавказа являлись невольники. По мнению ряда исследователей, в османскую казну поступало до 30% доходов от продажи невольников, вывозимых из кавказских портов [24, с. 413]. Венецианский посол Лоренцо Бернардо, побывав в Османской империи в конце XVI в., в донесении о своей поездке сообщает: «Турция граничит с Мегрелией и Черкесией, которые представляют собой для турок как бы рудник для добывания рабов, потому что они занимаются тем, что промышляют там рабами, которых везут наподобие скота в Константинополь и продают с публичного торга»².

¹ Шамхалы Дагестана участвовали в войнах на стороне Османской империи против Российской империи и Сефевидов.

² Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.). – Сухуми : Абхазское государственное издательство, 1959. – С. 285.

– Кавказ рассматривался также и как источник пополнения османской армии рекрутами. Выходцы из региона участвовали во многих войнах, которые вела Османская империя. Этому способствовала сложившаяся в Порте система принудительного набора юношей на службу в качестве налога, получившая общее название «девширме». По ней администрация Порты забирала одного юношу от 8 до 18 лет из приблизительно 40 семей немусульманских (преимущественно христианских) подданных империи. Эти юноши рассматривались как личные рабы, а после получения воспитания в турецких семьях – как солдаты падишаха. Система «девширме» предполагала несение службы как в разных османских военных подразделениях янычарского корпуса, так и в военно-административном аппарате империи¹.

Несмотря на существовавшие в Османской империи ограничения в социальной и вертикальной мобильности, выраженные препятствиями для перехода определенных групп населения (в первую очередь немусульман, а также представителей социальной группы «райя»²) в ранг «аскери»³, система «девширме» фактически давала возможность немусульманским подданным империи двигаться по служебной лестнице и занимать различные должности в военной и административной системе государства. Ввиду отсутствия прямых документальных свидетельств применения налога «девширме» на Кавказе, сложно сказать, каков был уровень его воздействия на народы региона. Однако косвенные данные позволяют нам представить общую картину его возможного использования. Как российские, так и турецкие авторы (С.Х. Хотко [17], С.М. Бильге [21], Т. Шерафеттин [28] и др.) сообщают о большом числе выходцев с Кавказа в османском государственном аппарате. Некоторые представители народов региона (в частности

¹ История Османского государства, общества и цивилизации. – Москва : Вост. лит., 2006. – С. 265.

² Податное население с низким социальным статусом, состоявшее как из крестьян, так и из горожан. В Османской империи «райя» противопоставлялось «аскери».

³ Социальная прослойка, представители которой не платили государственных налогов. В аскери изначально входили военные, впоследствии в эту категорию вошли мусульманское духовенство, чиновники, османский двор, государственный аппарат и другие категории подданных.

адыги, абхазы, грузины и др.) судя по османским источникам становились садразамами (главный министр) и капудан-пашами (военно-морской министр) Османской империи. По мнению турецкого исследователя С.М. Бильге, из 291 садразама Порты 29 имели кавказское происхождение [21, s. 576–578]. Большая часть находившихся на службе Порты представителей народов Кавказа занимала различные должности в административной системе 1, 2, 3-го уровней. По имеющимся прямым и косвенным данным, кавказцы становились управленцами областей и округов, офицерами османской армии и флота, комендантами разных крепостей, располагавшихся на обширной территории от эялета (или вилайета) Басра¹ на востоке до Боснийского эялета² на западе. В связи с этим, представляется, что именно система девширме могла серьезным образом влиять на продвижение по служебной лестнице представителей народов Кавказа, находящихся на османской службе.

Вопросами, связанными с деятельностью представителей кавказской диаспоры в военно-административной системе Османской империи, занимались исследователи из России, Абхазии и Турции. В этой связи историографию по данной проблеме можно условно разделить на четыре категории: советская, российская, абхазская, турецкая. В период с 1922 по 1991 г. появилось много работ, в основном посвященных взаимоотношениям Османской империи с народами и территориальными образованиями на Кавказе. При этом лишь некоторые исследователи затрагивают проблемы, связанные с деятельностью кавказской диаспоры в Османской империи: П. Басария [4], Н.И. Беляев [5], Г.А. Дзидзария [8], Ш.Д. Инал-Ипа [11], Н.А. Смирнов [16].

После распада СССР вопросы взаимоотношений Османской империи и народов Кавказа стали все чаще рассматриваться историками. Российские авторы исследовали проблемы, связанные с переселением части населения Кавказа в Османскую империю, получившим в отечественной историографии название «мух-

¹ Вилайет Басра – административно-территориальная единица Османской империи, располагавшаяся на территории современного Ирака, Катара, Кувейта и Саудовской Аравии.

² Эялет Босния – административно-территориальная единица, располагавшаяся на территории современных Боснии и Герцеговины, Сербии, Хорватии и Черногории.

аджирство»¹. Отдельного упоминания заслуживают авторы, исследовавшие деятельность кавказской диаспоры в Османской империи, в том числе в ее военно-административной системе. Из целого ряда ученых, занимавшихся данными вопросами, следует выделить М.М. Магомедханову [14], С.Х. Хотко [17], А.В. Кушхабиева [13], А.А. Ганич [7]. Абхазских исследователей интересовали вопросы, связанные с массовым принудительным переселением абхазского населения в пределы Османской империи во второй половине XIX в. Некоторая часть авторов занималась проблемами, связанными с деятельностью представителей абхазской диаспоры за рубежом. В этой связи представляется важным выделить работы Р.Х. Агуажбы [1], Т.А. Ачугбы [3], В.А. Чиригбы [19], Г. Вардании [6].

Турецкая историография представлена работами авторов в основном кавказского (в частности, адыгского) происхождения. В турецкой историографии даются более полные свидетельства о деятельности представителей кавказской диаспоры в военно-административной системе Османской империи. Эти сведения основаны на документах османских архивов, воспоминаниях османских офицеров кавказского происхождения (таких как И. Беркок [20], М. Бутбай [22]), работах османских хронографов и историков. Из целого ряда турецких исследователей, занимавшихся вопросами деятельности кавказской диаспоры в Османской империи в разные годы, выделим Д. Гёкче [23], Т. Шерафеттин [28], Ф. Кырзыюглу [25], С.М. Бильге [21].

Несмотря на наличие большого количества работ, посвященных деятельности кавказской диаспоры в Османской империи, необходимо отметить, что исследователи порой сталкиваются со сложностями в реконструкции биографий тех или иных личностей, находившихся на османской службе. В этой связи важным источником для пополнения информации по данному вопросу выступает шеститомный труд *Sicill-i Osmanî* (с тур. Реестр/личные дела Османов). Эта работа является биографической энциклопедией,

¹ Переселение мусульманского населения из немусульманской в мусульманскую страну.

составленной османским историком и «вакавюнисом»¹ Мехмедом Сюрейя-беем между 1893 и 1897 гг., в которой собраны данные об известных людях, проживавших в империи в разные периоды, с момента ее основания до конца XIX в. В энциклопедии Мехмеда Сюрейя-бея можно найти биографии известных османских математиков, поэтов, инженеров, картографов, историков, чиновников, военных и государственных деятелей.

Уникальность данного труда заключается в том, что большинство изложенных биографий основывается на данных, полученных из изученных автором и его предшественниками государственных османских архивных материалов, частных архивных коллекций, надгробных эпитафий, не сохранившихся до сегодняшнего дня, а также воспоминаний некоторых известных общественных деятелей Османского государства.

В первом томе работы рассказывается о всех представителях Османской династии. В других томах в алфавитном порядке даются сведения о деятелях, напрямую не связанных с султанским двором. Мехмед Сюрейя-бей охватил свыше 17 тыс. биографий известных ему личностей. Помимо краткой биографической справки в работе также иногда встречаются сведения о семье, об образовании, профессии, местах работы, месте кончины того или иного османского деятеля [26]. В некоторых биографических материалах труда Мехмеда Сюрейя указывается либо место рождения конкретного человека, либо дана информация о его этническом или социальном происхождении, что дает возможность исследователю расширить знания о представленности тех или иных этнических и социальных групп в военной и административной системе Османской империи.

Однако стоит отметить, что абсолютное большинство биографий представлено без упоминания этнического происхождения деятеля. Автор зачастую ограничивается сведениями о месте рождения того или иного человека, согласно которым большинство чиновников являлись выходцами из Анатолии (Малой Азии). Впрочем, они могли попасть в указанный регион из разных частей империи как рабы, или быть их потомками, а также благодаря дей-

¹ Правительственный чиновник в Османской империи, которому поручали записывать исторические события и биографии важных личностей.

ствовавшей до XVIII в. уже упомянутой ранее «системе девширме». Довольно большое число деятелей (до 1 тыс.), этническое происхождение которых не указывается, являлись уроженцами восточных районов современной Турции, например, провинций Диярбакыр и Ван с традиционно компактным проживанием курдского и западноармянского населения. Стоит также отметить, что в многотомнике все же представлены биографии некоторого числа курдов и армян с упоминанием их этнической группы. Турецкое или османское население Анатолии в труде не упоминается вовсе. Подобное обстоятельство, как нам кажется, связано с тем, что османские переписи не давали состава мусульманского населения по национальностям (помимо некоторых примеров, указанных ниже), а представители других религий зачастую также записывались по своим вероисповеданиям [10].

Из исследованных нами биографий было выявлено лишь несколько сотен деятелей неанатолийского происхождения в государственном аппарате империи. В эту же категорию мы внесли и представителей мусульманского духовенства, которых в Османской империи, как мы и указывали выше, причисляли к социальной группе «аскери». За рамки текущего исследования выходят певцы, музыканты, поэты, художники, представители науки и другие категории подданных, также упомянутые в труде Мехмеда Сюрейя.

В биографиях «Реестра Османов» иногда указывается либо населенный пункт или территориальное образование, в котором родился известный османский деятель, например – Üsküplü – Из Скопье, Giritli – с острова Крит, либо непосредственно название этнической группы, к примеру: arnavut – албанцы, bosnali/boşnak – боснийцы (бошняки) и др. Также отдельно упомянуты представители различных слоев населения империи, например: представители суфийского братства (тариката) Накшбандия – 156 человек, янычары – 207 человек, ремесленники-эснафы – 54 человека.

Ниже представлена таблица, в которой отражена численность представителей разных народов в военно-административной системе империи, выявленной в ходе работы из анализа свыше 17 тыс. биографий османских деятелей разных эпох.

Таблица 1

**Численность представителей отдельных этнических групп
и территорий в военно-административной системе Османской
империи по данным Sicill-i Osmani (XIII–XIX вв.)**

Представители народов и регионов	Число представителей
1	2
Бошняки или из Боснии (Bosna, Boşnak)	136
Албанцы (Arnavut)	128
Из Греции ¹	112
Из Крымского ханства ²	80
Черкесы	75
Из Сирии ³	66
Курды	63
Из Болгарии ⁴	55
Грузины	53
Иранцы	40
Из Триполитании (Trablusgarb)	38
Из Ирака	37
С острова Крит	35
Из Сербии (в том числе из Косова)	34 (18)
Арабы	29
Турки-мехсетины (Ahiska)	29
Из городов Северной Македонии	24
Абхазы (Abaşa)	24
Из Бухары	16
Ширванцы	15
Лазы	15
Из Кипра	14
Из Египта	12
Татары	12
Из Дагестана	10
Карабахцы	9
Из Палестины	7
Из Герцеговины (Hersek)	6
Из Хорватии	6
Из Индии	5
Армяне	5
Из Кашгара	3

¹ Из городов, которые сегодня входят в пределы 7 децентрализованных администраций современной Греческой республики.

² В труде указаны в форме Kırım, что можно также перевести как Крымцы.

³ Из городов Сирии, таких как Алеппо, Дамаск и некоторых других.

⁴ Из различных городов Болгарии.

1	2
Из городов Молдавии	3
Евреи	2
Из Туркестана	2
Из Хорасана	2
Из Самарканда	2
Русские	2
Чеченцы	2

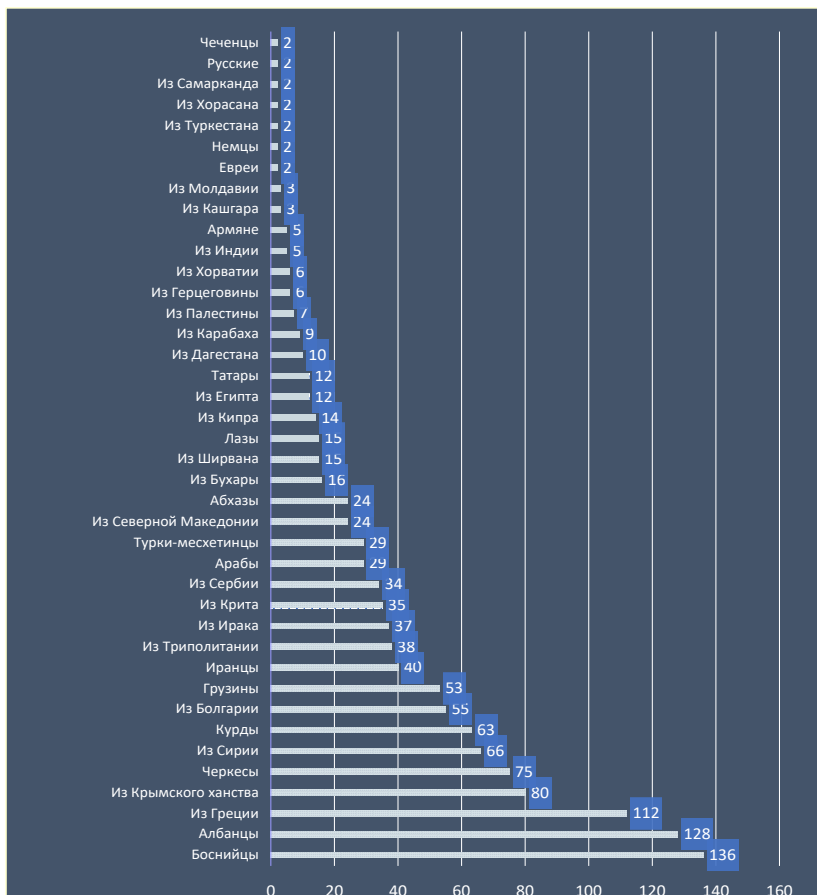

Рис. 1. Численность представителей отдельных этнических групп в военно-административной системе Османской империи по данным Sicill-i Osmani (XIII–XIX вв.)

Таблица 2

Численность представителей кавказских народов на высших должностях военной и административной системы Османской империи по данным «Реестра Османов» – Sicill-i Osman

	Чер- кесы	Гру- зины	Ахыс- ка	Абха- зы	Из Азер- байджана	Даге- станцы	Ла- зы	Ар- мяне	Че- ченцы
Садразам	4	5		4			1		
Бейлербей	27	19	4	6	1	2	3		
Капудан- паша		1		2					
Визирь	3		1	1			1		
Кетхуда	5	2	1	1	1	1		2	
Сераскер		2							
Капыджы- башы	7	2	1			2	2		
Паша		1		2			1	1	
Дефтердар				1					
Мухафызы	6	4	2	4				1	1
Ферик	6	1	1						
Ага янычар	3	2	1	1			2		1
Миралай		1		1					
Мирлива	2	1							
Мирахур	2	1							
Лиман реиси	1					1		1	
Кадаскер	3	1	2		2	1			
Кадии					5		2		
Ага сипахи	1								
Санджак-бей	1	3							
Каймакам	1								
Мугасаррыф		1		2					
Нишанджи		1					2		
Бостанджи- аши	1					1			
Мюдеррис	2	2	9		10		1		
Силахдар		2			1	2			
Мулла			7		1				
Реис-уль- кютаб					1				
Башде- фтердар							1		

Комментарии к табл. 2

Ага сипахи – начальник кавалерийского корпуса.

Ага янычар – командующий янычарским войском, после великого *визиря* вторая по рангу военная должность в государстве.

Башдефтердар – главный казначей, который имел ранг дивана.

Бейлербей – военно-административный начальник крупной провинции бейлебейлика или эялета.

Бостанджибаши – начальник придворного войска, обеспечивавшего охрану и порядок в непосредственной близости от дворца.

Визирь – министр или чиновник высшего ранга Османской империи.

Дефтердар – служитель казначейства.

Кади – мусульманский судья.

Кадиаскер или Казиаскер – верховный военный судья; глава судебно-кассационного ведомства, назначаемый султаном из числа авторитетных *кадиев*.

Каймакам – подполковник, управитель округов казы.

Капудан-паша – командующий османским флотом, после 1867 г. министр военно-морского флота.

Капыджыбашы – начальник дворцовых привратников, или «главный надзиратель» двора.

Кетхуда – помощник чиновника, министра.

Лиман реиси – начальник порта.

Миралай – старший полковник османской армии.

Мирахур – главный конюший султанских конюшен.

Мирлива – высшее воинское звание в Османской империи. Звание мирлива ниже ферики и может соотноситься со званием генерал-майор.

Мулла – исламский священнослужитель.

Мутасаррыф – военно-административный управитель санджака или ливы в поздний период.

Мухафызы – комендант, защитник крепости.

Мюдеррис – преподаватель в медресе.

Нишанджи – член дивана, ему подчинялся начальник канцелярии дивана (*реис-уль-кюттаб*).

Паша – высокое звание в османской военно-административной системе. Почетный титул, предоставляемый генералам, губернаторам и другим лицам.

Реис-уль-кюттаб – начальник канцелярии дивана.

Садразам – великий визирь Османской империи. Главный министр султана.

Санджакбей – в ранний период военно-административный управитель санджака – второй по уровню административной единицы после эялета.

Сераскер – главнокомандующий османскими войсками.

Силахдар – воин-избранник султана, охранявший особу государя, ему поручались особые задания султана.

Ферик – высшее воинское звание в Османской империи и ряде арабских стран в настоящее время. Звание ферик может соотноситься со званием генерал-лейтенанта.

Не сложно заметить, что среди представителей этнических меньшинств в османской военной и административной системе преобладали выходцы из регионов, которые управлялись османами напрямую. В частности, албанцы, греки (эллины) и боснийцы, составлявшие больше трети от всех представителей нетурецкого населения на османской службе, компактно проживали в пределах Румелийского эялета и эялета Босна (Босния).

Несмотря на то что кавказские территориальные образования не входили в состав Османской империи напрямую, а являлись либо условно вассальными, либо полунезависимыми землями, этнические группы региона, исходя из выявленных данных, были представлены в системе государственного управления достаточно широко. При этом наибольшее число османских военных и административных деятелей кавказского происхождения были выходцами из территорий, которые располагались ближе всех к основным городам империи. Это черкесы (75 человек), грузины (53 человека), турки-месхетинцы/ахыска (29 человек) и абхазы (24 человека).

Иным было положение армянского населения, которое хотя и компактно проживало на территории Восточной Анатолии, но при этом практически не было представлено в военной и административной системе империи (согласно выявленным данным, в

османской системе государственного управления находилось всего пять армян).

Среди мусульманского духовенства из числа кавказских народов преобладали тюркские этнические группы – турки-месхетинцы, ширванцы и карабахцы, а среди бейлербеев и капуданпашей – черкесы и грузины.

В целом, как представляется, изучение биографий известных деятелей в труде Sicill-i Osmani Мехмеда Сюрейя может стать источником для дальнейших научных изысканий отечественных и зарубежных исследователей как в области кавказоведения, так и османистики или балканистики.

Список литературы

1. Агуажба Р.Х. Из истории кавказской диаспоры : абхазы, убыхы ... (Историко-литературное эссе). – Сухум, 2014. – 855 с.
2. Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.). – Сухум : Абхазское гос. изд-во, 1959. – 305 с.
3. Ачугба Т.А. Абхазия : депортация абхазов (XIX век). – Сухум : АБИГИ, 2018. – 352 с.
4. Басария С.П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. – Сухум-кале : Изд. Наркомпроса С.С.Р. Абхазии, 1923. – 165 с.
5. Беляев Н.И. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. – Москва : Воениздат, 1956. – 464 с.
6. Вардания Г. Из истории возникновения кавказской диаспоры (абхазы и адыги) // Кавказ & глобализация. – 2007. – Т. 1, № 2. – С. 121–134.
7. Ганич А.А. Черкесы в Иордании : особенности исторического и этнокультурного развития. – Москва : ИСАА МГУ, 2007. – 269 с.
8. Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми : Алашара, 1975. – 526 с.
9. Еремеев Д.Е., Мейер М.С. История Турции в Средние века и Новое время. – Москва : Изд-во Московского университета, 1992. – 246 с.
10. Еремеев Д.Е. Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории). – Москва : Наука, 1971. – 271 с.
11. Инал-Ипа Ш.Д. Зарубежные абхазы (Историко-этнографические этюды). – Сухуми : Алашара, 1990. – 138 с.
12. История Османского государства, общества и цивилизации / пер. с тур. В.Б. Феоновой ; под ред. Э. Ихсаноглу. – Москва : Восточная литература, 2006. – Т. 1. – 602 с.
13. Кушхабиев А.В. История зарубежной черкесской диаспоры : учеб. пособие. – Нальчик : КБНЦ РАН, 2018. – 192 с.

14. Магомедханов М.М. Дагестанцы в Турции. – Махачкала : ИИАЭ, 1997. – 134 с.
15. Сотавов Надир-Паша А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. : От Константиноп. договора до Кючук-Кайнарджийс. мира, 1700–1774 гг. – Москва : Наука, 1991. – 223 с.
16. Смирнов Н.А. Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях. XVI–XVIII вв. – Нальчик : Кабард. гос. изд-во, 1948. – 120 с.
17. Хотко С.Х. Включение Северо-Западного Кавказа в сферу влияния Османской империи, 1475–1520 гг. // *Genesis : исторические исследования*. – 2016. – № 3. – С. 29–41.
18. Хотко С.Х. Очерки истории черкесов : от эпохи киммерийцев до Кавказской войны : этногенез, античность, средневековье, новое время, современность. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербургского университета, 2001. – 431 с.
19. Чирикба В.А. Расселение абхазов в Турции // Инал-ипа Ш.Д. Садзы. Историко-этнографические очерки / ИЭА РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – Москва, 1995. – С. 260–278. – (Матер. к серии «Народы и культуры»; вып. 28 : «Народы Кавказа», кн. 2).
20. Berkok İsmail Hakkı. Tarihçe Kafkasya. – İstanbul : Matbaası, 1958. – 533 s.
21. Bilge M. Sadık. Osmanlı çağında Kafkasya 1454–1829. – İstanbul : Kitabevi, 2012. – 689 s.
22. Butbay Mustafa. Kafkasya hatıraları. – Ankara : Türk tarih kurumu basimevi, 1990. – 131 s.
23. Gökçe Cemal. Kafkasya ve Osmanlı İmparatorluğu'nun Kafkasya Siyaseti. – İstanbul : İstanbul Kitabevi, 1979. – 253 s.
24. İnalçık H. Osmanlı imparatorluğunun ekonomik ve sosyal tarihi. – İstanbul : Eren Yayınları, 2000. – 1 Çilt. – 496 s.
25. Kırzioğlu F. Osmanlıların Kafkas-ellerini fethi (1451–1590). – 2 Baskı. – Ankara : Türk Tarih Kurumu Basimevi, 1998. – 550 s.
26. Özcan Abdülkadir. Mehmed Süreyya // TDV İslâm Ansiklopedisi. – Ankara, 2003. – 28 Çilt. – S. 527–529.
27. Süreyya Mehmed. Sicill-i Osmani. – İstanbul : Numune Matbaacık : Nisan-Kasım, 1996. – 1/6 çilt. – 2068 s.
28. Şerafettin Terim. Kafkas Tarihinde Abhazlar Ve Çerkezlik Mefhumu. – İstanbul : Minnetoğlu kitabevi, 1976. – 287 s.

УДК 94(100) 1914/1

БОГОМОЛОВ И.К.* НАКАНУНЕ ВОЙНЫ: ПРОЕКТ «ПОЛОЖЕНИЯ О ВОЕННОЙ ЦЕНЗУРЕ» 1912 г. DOI: 10.31249/thist/2022.04.03

Аннотация. В статье впервые публикуется проект «Положения о военной цензуре», подготовленный в 1912 г. специальной межведомственной комиссией. По сравнению с проектом 1910 г. этот вариант претерпел существенные содержательные и стилистические изменения, однако его основа была сохранена. Прежде всего, сохранялось введение военной цензуры на всей территории Российской империи, без разделения на «полную» и «частичную», как в окончательном варианте 1914 г. Сохранился и основной посыл, что военная цензура должна касаться только военных вопросов и не вмешиваться в общественно-политические дискуссии. Однако и «Временное положение о военной цензуре» 1914 г., и практика войны с первого дня разрушили эти границы между «военными» и «невоенными» вопросами. В этом смысле проект 1912 г. стал промежуточным этапом на пути к наделению военной цензуры исключительными правами, плохо регулируемые законом.

Ключевые слова: военная цензура; Временное положение о военной цензуре; Главная военно-цензурная комиссия; Я.Г. Жилинский, Государственная дума.

BOGOMOLOV I.K. On the eve of the war: draft «Regulations on military censorship», 1912.

* Богомолов Игорь Константинович – кандидат исторических наук, заведующий отделом истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: bogomolov@inion.ru

Abstract. The article publishes for the first time the draft «Regulations on military censorship», prepared in 1912 by a special interdepartmental commission. Compared to the draft of 1910, this version has undergone significant content and stylistic changes, but its basis has remained the same. First of all, the introduction of military censorship was supposed throughout the entire territory of the Russian Empire, without division into «full» and «partial», as in the final version of 1914. Military censorship, according to the project, was supposed to apply only to military topics and not interfere in public and political discussions. However, both the «Temporary Regulations on Military Censorship» of 1914 and the practice of war from the first day destroyed these boundaries between «military» and «non-military» topics. In this sense, the 1912 draft became an intermediate stage on the way to granting the military censorship exclusive rights that were poorly regulated by law.

Keywords: military censorship; Temporary regulation on military censorship; Main Military Censorship Commission; Ya.G. Zhilinsky, State Duma.

Для цитирования: Богомолов И.К. Накануне войны: проект «Положения о военной цензуре» 1912 г. (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – 2022. – № 4. – С. 49–64. DOI: 10.31249/rhist/2022.04.03

Подготовив первый вариант «Положения о военной цензуре» в 1910 г.¹, комиссия по его разработке продолжила деятельность и в течение 1912 г. вносила в проект многочисленные содержательные и стилистические правки. Основное внимание было уделено определению порядка работы военно-цензурных комиссий в военное время, их комплектованию и отношениям с военными и гражданскими властями. Так, в новом варианте по-прежнему предполагалось введение военной цензуры на всей территории империи, а районы ее действия определялись Советом министров и подтверждались высочайшим повелением. Военная цензура могла быть отменена Советом министров по представлению военного

¹ См. подробнее: Богомолов И.К. Временное положение о военной цензуре : проект 1910 г. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – 2022. – № 3. – С. 7–24.

министра (в прошлой версии – по приведении армии в мирное состояние, в окончательном варианте это положение вернули).

Заметным изменением стало изъятие упоминания о том, что военной цензурой ограничивается свобода печати, свобода и неприкосновенность частной переписки и свобода слова. Вероятно, комиссия пришла к выводу, что сам факт введения военной цензуры означал ограничение прав и свобод и упоминать о них еще раз излишне. Сохранялось освобождение от цензуры личной переписки представителей императорской фамилии, верховного главнокомандующего, но убрано уточнение для командующих армиями. Исключение делалось и для работников иностранных дипломатических служб, а также служебной переписки военных и гражданских ведомств (в последнем случае уточнялось, что речь шла только о корреспонденции в «казенных» пакетах).

Важное дополнение сделано в ст. 8, определявшей виды печатной продукции. Цензуре подлежали не только газеты и журналы, но также «всякого рода иллюстрации, карикатуры, рисунки, лубочные картины и пр.». В окончательном варианте 1914 г. также добавлены фотографии. Цензуре отныне подлежали все брошюры, а не только те, что были больше 10 печатных листов.

Положение Главной военно-цензурной комиссии оставалось двойственным. Хотя она должна была следить за деятельностью местных военно-цензурных комиссий и военных цензоров, направлять и объединять их работу, ее фактическая власть распространялась только на районы вне театра военных действий. На фронте же, согласно ст. 13, цензурой ведали «военно-цензурные отделения при штабе главнокомандующего, штабах армий, штабе флота и штабах военных округов театра военных действий». Согласно ст. 14, сохранялось и двойное подчинение местных военно-цензурных комиссий: в «общем порядке службы» – главному начальнику военного округа, а в «специальном отношении» – председателю Главной военно-цензурной комиссии. Вероятно, имелось в виду, что военные цензоры на местах подчинялись начальнику военного округа, а инструкции следовало получать в Главной комиссии. Чтобы избежать путаницы, в варианте 1914 г. это разделение было убрано.

Особенностью проекта 1912 г. является подробное и достаточно откровенное описание предполагаемого кадрового состава

военной цензуры. В ст. 21 прямо отмечалось, что эти обязанности «должны быть по возможности совмещаемы с обязанностями по другой должности», а в военное время освобождающиеся должности по военной цензуре «преимущественно замещаются ранеными, больными и временно неспособными к походу офицерскими и классными чинами». В ст. 22 также говорилось, что обязанности по военной цензуре «могут быть возлагаемы на лиц гражданской администрации, в особенности состоявших ранее на военной службе, но не подлежащих призыву при мобилизации». Составители понимали, что основная часть офицеров будет мобилизована и замещение цензорских должностей будет происходить по остаточному принципу, и поэтому они пытались прописать варианты назначения цензоров, в том числе давая работу раненым и больным офицерам. В проекте 1914 г. этих рекомендаций нет, но на практике именно этим руководствовались начальники военных округов, так как зачастую не имели других кандидатур в условиях призыва на фронт кадрового офицерства.

В проекте 1912 г. цензура почтовой корреспонденции осталась в прежнем виде, хотя описание ее значительно упрощено. Так как, в отличие от окончательного варианта 1914 г., предполагалось введение военной цензуры на всей территории империи, то просмотру подлежали все письма, телеграммы, посылки, бандероли; все упоминавшиеся ранее исключения были отменены. Если в проекте 1910 г. (и в установившейся практике в годы войны) допускалось отправлять телеграммы и письма при условии удаления и затушевывания мест с запрещенными сведениями, то ст. 28 проекта 1912 г. предписывала задерживать даже те телеграммы, где есть только «недопустимые с точки зрения военной цензуры слова и фразы». Отметим оборот «с точки зрения», потенциально дававший цензорам право вычеркивать фактически все, что они считали нужным и не допускать телеграмму к отправке. Порядок цензуры писем остался прежним, если не считать удаление в проекте 1912 г. весьма любопытного указания, чем военный цензор может руководствоваться при отборе на просмотр внутренней корреспонденции, к примеру – выбрать 5 или 10 писем из 100.

Впервые был отдельно прописан порядок цензуры речей и докладов. Не позже чем за два дня предполагалось предоставление конспектов докладов в цензуру. В отличие от проекта 1910 г. на

докладах предполагалось присутствие не цензоров, а чинов полиции, которые должны были контролировать ход собрания и следить за тем, чтобы речь оратора совпадала с конспектом. От цензуры освобождались речи, «произносимые публично во исполнение долга службы или обязанностей звания». Эта размытая формулировка в дальнейшем была сохранена и использовалась членами Думы в их борьбе за освобождение стенограмм своих речей от цензуры¹. Еще одна особенность проекта 1912 г., удаленная в окончательном варианте – наблюдение «за появляющимися в иностранной печати сведениями военного характера возлагается на военных агентов».

Самым значимым отличием проекта 1912 г. от введенного два года спустя «Временного положения о военной цензуре» является состав военно-цензурных комиссий: в них не включались представители установлений по надзору над печатью и вообще чины МВД, военными цензорами могли быть только офицеры. При этом ст. 20 проекта 1912 г. допускала возложение цензорских обязанностей на гражданские чины, предполагалось и совмещение службы в цензуре с основным местом работы. Во «Временном положении» это противоречие было убрано, более того – служащие комитетов по делам печати и инспекций по надзору за печатью, почтовые чиновники играли важнейшую роль в просмотре газет, журналов, телеграмм, писем и посылок. Вследствие постоянной мобилизации доля военных чинов в цензуре постепенно уменьшалась, а гражданских лиц – увеличивалась. Это вызвало острую критику в Думе, видевшей в военной цензуре наследницу худших традиций цензуры «старого порядка». Однако накануне мировой войны острая кадровая проблема виделась составителям «Положения о военной цензуре» вполне решаемой.

Разделы о наказаниях подверглись только стилистическим правкам, составители уменьшили количество статей и подобрали более емкие и четкие фразы. Гораздо большее внимание привлекала проблема быстрого введения военной цензуры с началом войны. 17 декабря 1912 г. начальник Генерального штаба Я.Г. Жилинский сообщил начальнику канцелярии военного ведомства Н.А. Дани-

¹ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия V. – Петроград, 1916. – Стб. 136–140.

лову о завершении разработки положения о военной цензуре, по которому военную цензуру «предложено ввести одновременно с объявлением мобилизации армии, а в случае необходимости – и в предмобилизационный период, причем действие ее конечно необходимо распространить не только на театр военных действий, но и на всю империю». Так как документ «в некоторых статьях предусматривает ограничение свободы слова и печати и нарушение права собственности», Жилинский считал необходимым внесение изменений в законодательство, чтобы с объявлением войны не возникло правовой коллизии. Однако, продолжал он, эти изменения могут быть проведены лишь «в общем законодательном порядке, что неминуемо отсрочит осуществление этого мероприятия на весьма продолжительное время. Между тем настоящая политическая обстановка настоятельно требует скорейшего утверждения положения о военной цензуре с тем, чтобы таковая могла быть применена своевременно в предмобилизационный период»¹. За несколько дней до начала войны выход был найден: «Временное положение о военной цензуре» было проведено по ст. 87 Основных государственных законов и одобрено Николаем II 20 июля 1914 г. Это позволило быстро узаконить военную цензуру на всей территории империи. В дальнейшем, однако, продление «Временного положения» зависело в том числе и от Думы, которая вплоть до Февральской революции безуспешно пыталась усовершенствовать военную цензуру и ограничить сферу ее ответственности только военными вопросами.

Проект «Положения о военной цензуре» 1912 г. обнаружен в фонде 2000 (Главное управление Генерального штаба) Российского государственного исторического архива (РГВИА), публикуется впервые и без сокращений. Включен только текст «Положения», без приложений, представляющих собой таблицы с описанием штата Главной и местных военно-цензурных комиссий. Сохранены стилистические особенности текста, орфография и пунктуация приведены к современным нормам русского языка.

¹ РГВИА.Ф. 2000. Оп. 1. Д. 129. Л. 111.

ПОЛОЖЕНИЕ О ВОЕННОЙ ЦЕНЗУРЕ

Общие положения

1. Военная цензура устанавливается с целью не допускать к оглашению путем печати, почтово-телеграфных сообщений и публичных речей и докладов сведений, могущих нанести ущерб военным интересам государства.

2. Перечень сведений, оглашение коих может нанести ущерб военным интересам государства, составляется в Главном управлении Генерального штаба и публикуется одновременно с введением военной цензуры. Этот перечень может быть дополнен или изменен во время действия военной цензуры распоряжением военного министра или главнокомандующего (на театре военных действий). Всякое дополнение перечня должно быть также опубликовано. Означенный перечень служит для руководства органам военной цензуры, а также своевременного оповещения заинтересованных лиц о том, оглашение каких сведений воспрещается на основании положения о военной цензуре.

3. Военная цензура вводится в действие одновременно с объявлением мобилизации или в предвидении таковой в случае политических осложнений; в последнем случае время введения военной цензуры, срок, на который она вводится, и определение района, на который распространяется действие военной цензуры, устанавливается высочайше утвержденным постановлением Совета министров, по представлению военного министра.

4. В предвидении мобилизации военная цензура, в случае ее введения, распространяется на всю территорию империи или отдельные ее области. В военное время военная цензура распространяется на всю территорию империи, а равно и на занятую территорию противника.

5. Действию военной цензуры не подлежат: 1) личная переписка особ императорской фамилии, 2) личная переписка главнокомандующего, 3) вся служебная переписка всех правительственных учреждений и должностных лиц, если таковая отправляется в казенных пакетах, и 4) официальная переписка дипломатических представителей иностранных государств.

Примечание: Переписка дипломатических представителей иностранных государств не подлежит военной цензуре лишь в

случае доставления таковой переписки в почтово-телеграфные учреждения империи в запечатанных дипломатической печатью пакетах и лицами, принадлежащими к составу посольства, при разносных книгах, снабженных печатью посольства.

6. Действие военной цензуры прекращается с приведением армии в мирное положение или по истечении срока, на который она была введена. Точные сроки прекращения действия военной цензуры в первом случае устанавливаются на театре военных действий – властью главнокомандующего, а на остальной территории империи – положением Совета министров, по представлению военного министра.

О военной цензуре вообще

7. Введение военной цензуры не освобождает подлежащие учреждения и власти от наблюдения за печатью.

8. В период действия военной цензуры ни одно периодическое издание не может быть выпущено из печати без разрешения военного цензора. Примечание: Предварительной военной цензуре подлежат также всякого рода иллюстрации, карикатуры, рисунки, лубочные картины и пр.

9. В период действия военной цензуры воспрещается печатание брошюр без разрешения военного цензора.

10. В период действия военной цензуры частная переписка, как на театре военных действий, так и во внутренних областях империи и на занятой неприятельской территории, может подлежать в необходимых случаях, по распоряжению командующих армиями и главных начальников военных округов, просмотру особо уполномоченными на это лицами и порядком, в настоящем Положении указанном. Примечание: Таковому же просмотру могут подлежать такие бандероли, посылки и все иные почтовые отправления.

11. В период действия военной цензуры вся телеграфная переписка, как на театре военных действий, так равно направляемая из последнего во внутренние области империи или за границу и обратно, подлежит просмотру особо назначенными для сего лицами в порядке, предусмотренном настоящим Положением; такому же просмотру могут подлежать в необходимых случаях также телеграммы, направляемые из империи за границу и обратно, и

внутри империи, по распоряжению главных начальников военных округов.

12. В период действия военной цензуры воспрещается публичное произнесение речей, заключающих в себе какие-либо сведения, оглашение коих может нанести ущерб военным интересам государства и перечисленных в перечне, согласно ст. 2 сего Положения.

**Лица и учреждения, ведающие военную цензуру;
порядок применения военной цензуры**

13. Делами военной цензуры ведают: а) во внутренних областях империи – главная военно-цензурная комиссия, местные военно-цензурные комиссии и военные цензоры, б) на театре военных действий – военно-цензурные отделения при штабе главнокомандующего, штабах армий, штабе флота и штабах военных округов театра военных действий.

14. Главная военно-цензурная комиссия учреждается в городе С.-Петербурге, согласно штата, приведенного в приложении № 1. Главная военно-цензурная комиссия следит за деятельностью местных военно-цензурных комиссий и военных цензоров, направляет и объединяет их работу.

15. Главная военно-цензурная комиссия непосредственно подчиняется начальнику Генерального штаба. В отношении же требования, причитающегося комиссии от казны довольствия, она состоит при Главном управлении Генерального штаба.

16. Местные военно-цензурные комиссии учреждаются в пунктах расположения окружных штабов (вне театра военных действий), согласно штата, приведенного в приложении № 2. Примечание: по усмотрению главного начальника военного округа, местные военно-цензурные комиссии могут быть учреждаемы также и вне пункта квартирования штаба округа.

17. Местные военно-цензурные комиссии подчиняются: в общем порядке службы – главному начальнику военного округа, а в специальном отношении – председателю Главной военно-цензурной комиссии. Требование причитающегося комиссии от казны довольствия возлагается распоряжением главного начальника во-

енного округа на ближайшее из подчиненных ему учреждений или войсковых частей.

18. Должности военных цензоров учреждаются главным начальником военного округа в пунктах или учреждениях, где таковая должность признана будет необходимой. Штат приведен в приложении № 3.

19. Военно-цензурные отделения подчиняются: при штабе главнокомандующего – генерал-квартирмейстеру при главнокомандующем, при штабах армий – генерал-квартирмейстерам штабов армий, при штабе флота – начальнику штаба, при штабах военных округов театра военных действий – начальникам штабов. Штаты этих отделений указаны в приложении № 4.

20. Лица, предназначенные для замещения должностей по военной цензуре, избираются главными начальниками военных округов до введения в действие военной цензуры. При введении военной цензуры лица эти немедленно вступают в исполнение своих обязанностей и назначаются затем на должности высочайшим приказом. Примечания: 1) Председатель Главной военно-цензурной комиссии избирается начальником Генерального штаба с доклада о сем военному министру. 2) Списки предназначенных лиц с точным обозначением должностей, на которые они предназначены, ведутся окружными штабами.

21. Обязанности по военной цензуре должны быть по возможности совмещаемы с обязанностями по другой должности; в военное время освобождающиеся должности по военной цензуре преимущественно замещаются ранеными, больными и временно неспособными к походу офицерскими и классными чинами. Примечание: В случае совмещения в одном лице обязанностей по прямой должности с обязанностями по военной цензуре, лицо это получает все содержание по прямой должности и столовые деньги, соответствующие должности по военной цензуре.

22. По усмотрению главного начальника военного округа обязанности по военной цензуре могут быть возлагаемы на лиц гражданской администрации, в особенности состоявших ранее на военной службе, но не подлежащих призыву при мобилизации. Эти лица назначаются на основаниях, указанных в примечании к ст. 21 сего Положения. В этом случае предварительно назначения лица на должность по военной цензуре необходимо согла-

шение главного начальника военного округа с местной гражданской администрацией.

23. Военные цензора подчиняются: в общем порядке службы своему прямому начальнику, а в специальном отношении – председателю Главной военно-цензурной комиссии. Требование причитающегося военному цензору от казны довольствия возлагается распоряжением главного начальника военного округа на ближайшую воинскую часть или учреждение. Примечание: В случаях, указанных статьями 21 и 22 сего Положения, столовые деньги за исполнение военно-цензурных обязанностей требуются лицу, несущему эти обязанности, тем учреждением, на обязанности коего лежит удовлетворение этого лица денежным от казны довольствием по постоянной его должности.

24. На военно-цензурные комиссии, военно-цензурные отделения и военных цензоров возлагается обязанность подвергать цензуре:

1) Органы периодической печати и брошюры, издающиеся в типографиях, кои будут приписаны к означенным – комиссии, отделению или цензору.

2) Простые, казенные, страховые и ценные письма, простые и заказные бандероли, посылки и т.п. почтовые отправления.

3) Частные телеграммы.

4) Тексты или подробные конспекты публичных речей и докладов.

Примечание: Представители военный цензуры должны по возможности присутствовать при чтении таковых докладов и речей. Органы военной цензуры должны, при цензурировании периодической печати, брошюр и текстов или конспектов речей и докладов, налагать на таковые особые знаки.

25. Военно-цензурное отделение при штабе главнокомандующего обязано:

1) Просматривать все без исключения телеграммы, письма и прочие почтовые отправления допущенных на театр военных действий иностранных офицеров, военных корреспондентов и фотографов.

2) Просматривать все статьи, заметки, корреспонденции, иллюстрации, снимки и их материал, предназначенный военными корреспондентами и фотографами, а также иностранными офице-

рами, для печати. Примечание: Права и обязанности начальника военно-цензурного отделения при штабе главнокомандующего по отношению к иностранным офицерам и военным корреспондентам и фотографам подробно определены положением о военных корреспондентах.

26. Неразрешенные военной цензурой статьи и заметки безусловно не подлежат напечатанию.

27. Цензура телеграмм в случаях, когда таковые устанавливаются согласно ст. 2, производится или просмотром их цензором в телеграфном учреждении перед отправлением, или же телеграммы передаются телеграфным учреждением в определенные сроки военному цензору при краткой ведомости, в коей соответственно расписываются в приеме телеграмм военный цензор, а при обратной передаче просмотренных телеграмм – лицо, уполномоченное на сие телеграфным учреждением.

Примечание: Срочные телеграммы передаются на цензуру безотлагательно.

28. Телеграммы, содержащие недопустимые с точки зрения военной цензуры слова и фразы, не подлежат отправлению. Внесенная за телеграммы плата, в случае задержания телеграммы, подлежит возвращению подателям.

29. Цензура писем в случаях, когда таковая устанавливается согласно ст. 10, производится: открытых – прочтением их, а закрытых – вскрытием их и прочтением. Вскрытию одинаково подлежат как простая корреспонденция, так и страховая и ценная. Корреспонденция (письма, бандероли, посылки и проч.), адресованная за границу, или из-за границы в Россию, передается в военную цензуру при особой ведомости: простая – общим числом писем или бандеролей, заказная – с перечислением адресатов поименно, денежная – с перечислением адресатов поименно и с указанием размера денежного в каждый пакет вложения. Военный цензор расписывается в ведомости в приеме корреспонденции, а при возвращении ее обратно в той же ведомости расписывается лицо, уполномоченное на сие почтовым учреждением. Прочая корреспонденция (письма, бандероли, посылки и проч.) передается в органы военной цензуры, согласно особых указаний командующих армиями и главных начальников военных округов, как на театре войны, так и внутри империи.

30. Доставляемые в органы военной цензуры для просмотра закрытые письма вскрываются разрезом ножницами одной из коротких сторон конверта. Заклейка конвертов производится почтовым учреждением посредством наклейки на взрезанную сторону конверта клапана из бумаги, в каковом виде письмо и отправляется адресату. Посылки вспариваются или вскрываются. Во избежание порчи их посылки могут быть подаваемы желающими в открытом виде. Заделка их производится распоряжением и на счет почтовых учреждений.

31. Обыкновенная корреспонденция, не пропущенная военной цензурой, не возвращается почтовому учреждению, а остается при делах военной цензуры. Письменные сообщения, при денежных письмах и переводах и ценных бумагах, если заключают в себе сведения, не подлежащие оглашению в интересах военных цензуры, заштемпелевываются краской (типографской кашкой).

32. Тексты или подробные конспекты речей или докладов, предположенных к произнесению или прочтению в публичных собраниях, должны представляются в военную цензуру не позже как за двое суток до назначенного для собрания дня. Речи или доклады, тексты или подробные конспекты которых не имеют пометки военной цензуры, не разрешаются к произнесению или прочтению полицией. От военной цензуры освобождаются речи и доклады, произносимые публично во исполнение долга службы или обязанностей звания.

33. Наблюдение за появляющимися в иностранной печати сведениями военного характера возлагается на военных агентов. О появлении сведений, могущих нанести ущерб военным интересам России, военные агенты сообщают Главной военно-цензурной комиссии в С[анкт]-Петербург для доклада начальнику Генерального штаба и принятия мер к раскрытию виновных в сообщении этих сведений.

Особые виды военной цензуры

34. Военная цензура распространяет свое действие также и на линию Англо-Индийского телеграфа в той ее части, которая пролегает по территории России или занятой неприятельской территории. На все станции сего телеграфа, расположенные в преде-

лах России или занятой территории противника – с введением военной цензуры назначаются по соглашению главнокомандующего или главного начальника военного округа с министром внутренних дел особые агенты из чинов почтово-телеграфного ведомства, обязанные наблюдать за тем, чтобы эти станции выполняли требования ст[атей] 2–29 Положения.

О порядке прекращения действий военной цензуры

35. Военно-цензурные комиссии и военные цензоры, действующие внутри империи, оповещаются о прекращении действия военной цензуры председателем Главной военно-цензурной комиссии. Военно-цензурные отделения при штабе главнокомандующего, при штабах армий или флотов и при штабах военных округов театра военных действий оповещаются о том же начальниками штабов главнокомандующего, армий или флотов и военных округов.

36. В течение месяца по получении распоряжения о прекращении военной цензуры, военно-цензурные комиссии, военно-цензурные отделения и военные цензоры обязаны закончить свои дела по цензуре и сдать их при подробной описи: 1) военно-цензурные отделения – в штабы, при которых они состояли; 2) военно-цензурные комиссии и военные цензоры – в штабы соответствующих военных округов.

Об ответственности за нарушение постановлений о военной цензуре

37. Виновные в нарушении Положения о военной цензуре, если не подлежат ответственности на основании уголовных законов, подвергаются взысканиям, налагаемым и производимым в исполнение в порядке, ниже в ст[атьях] 41–45 установленном.

38. Дела о нарушении постановлений о военной цензуре возбуждаются военно-цензурными комиссиями, военно-цензурными отделениями, военными цензорами и чинами жандармского корпуса и общей полиции. Примечание: Чины жандармского корпуса, а также чины общей полиции, установив факт нарушения требований военной цензуры, препровождают все по сему случаю дело-

производство в ближайшую военно-цензурную комиссию или ближайшему военному цензору.

39. Военно-цензурные комиссии, военно-цензурные отделения и военные цензоры, удостоверившись в нарушении кем-либо постановлений о военной цензуре, составляют по сему предмету протокол и, вместе с доказательствами нарушения, в суточный срок представляют таковой генерал-квартирмейстеру штаба армии, начальнику штаба флота или начальнику штаба военного округа, по принадлежности.

40. Командующим армиями и флотом, а в местностях, им не подчиненным — главным начальникам военных округов предоставляется собственной властью подвергать взысканиям виновных в нарушении постановлений о военной цензуре.

41. Виновные в сообщении в публичной речи или докладе какого-либо из сведений, не пропущенных военной цензурой, или оглашении сведений, воспрещенных на основании военной цензуры и не включенных в представленный конспект, подвергаются штрафу в размере от 10 рублей до 3000 рублей, или аресту на время от 3 суток до 3 месяцев.

42. Виновные в помещении в периодической печати без разрешения военной цензуры или вопреки воспрещению сведений, помещенных в опубликованном, согласно ст. 2 сего Положения перечне, подвергаются штраф в размере от 500 до 10 000 руб[лей]; в случае неуплаты штрафа, а также при повторении указанного деяния, периодическое издание приостанавливается.

43. В случае выпуска периодического издания без разрешения военной цензуры, если в выпущенном издании не были нарушены требования военной цензуры — ответственный редактор выпущенного издания подвергается штрафу в размере от 25 до 300 рублей.

44. Означенному в предшедшей (так в тексте. — *И. Б.*) статье (43) взысканию подвергается содержатель типографии, приступивший к печатанию повременного издания без получения от редактора свидетельства, удостоверяющего разрешение военной цензуры на печатание; при повторении указанного деяния типография закрывается.

45. В случае напечатания без разрешения военной цензуры в брошюре сведений, помещенных в опубликованном, согласно ст. 2

сего Положения, перечне, издатель подвергается штрафу в размере от 100 до 3000 рублей, или аресту на время от 10 дней до 3-х месяцев; при повторении сего проступка виновный подвергается заключению в тюрьме на время от 1 до 6 месяцев.

46. Действия военной цензуры могут быть обжалованы в 3-хдневный срок командующему армиею или главному начальнику военного округа. На решения командующего армиею или главного начальника военного округа могут быть приносимы жалобы, соответственно, главнокомандующему или военному министру, в трехдневный срок, что, однако, не приостанавливает наложенного в административном порядке взыскания за нарушение требований военной цензуры.

47. Если нарушителем правил о военной цензуре, изложенных в настоящем Положении, является лицо, состоящее на государственной службе, то независимо от наказания, налагаемого на это лицо, согласно сего Положения, о проступке сообщается непосредственно начальству виновного.

48. Приведение в исполнение взысканий, налагаемых за нарушение требований военной цензуры, производится чинами общей полиции, которая извещается о сем штабом главнокомандующего, штабами армий или штабами военных округов.

49. Взысканные чинами общей полиции с виновных штрафные деньги сдаются ею в казначейства для зачисления в доход казны.

50. Когда в выпущенных изданиях заключаются признаки нарушений ст. ст. 42–45 предусмотренных, то на отдельные или все номера изданий может быть наложен арест, по распоряжению военно-цензурных комиссий или отделений, или военных цензоров, представляющих о сем в установленном порядке на решение подлежащей власти (ст. ст. 39 и 40 Положения), которой распоряжение об аресте должно быть оставлено в силе или отменено. Арест заключается в отобрании предназначенных к распространению вышедшего повременного или неповременного издания, кроме тех экземпляров, которые перешли уже во владение третьих лиц для собственного их употребления. При этом налагается арест также на стереотипы и другие принадлежности тиснения, заготовленные для напечатания арестованного номера или издания, если бы содержатель типографии или управляющий оною пожелали

сохранить их до истечения срока действия военной цензуры (ст[атья] 39 Положения).

51. В случае нарушения станциями Англо-Индийского телеграфа требований ст[атьи] 34 сего Положения, заведывающий сими станциями подвергается: в первый раз – штрафу в размере от 300 до 3000 руб[лей], или аресту на время от 2-х недель до 3-х месяцев, во второй раз – заключению в тюрьме гражданского ведомства на срок до 6 месяцев, в случае нарушения требований ст[атьи] 35 сего Положения в третий раз – действие станции приостанавливается. Примечание: Предварительно принятия последней меры (закрытия станции) командующий армией или главный начальник военного округа входит по сему в соглашение с начальником Генерального штаба.

О служебной ответственности лиц, служащих по военной цензуре

52. Все сведения как частного, так и общественного или правительственного значения, полученные лицами, ведающими применением военной цензуры при исполнении цензорской деятельности – являются тайной, вверенной им по службе. За оглашение таковых тайн служащие по военной цензуре подлежат ответственности по суду. Примечание: Предание суду лиц, служивших по военной цензуре зависит: на театре военных действий – от начальника штаба главнокомандующего, начальника штаба армии, флота или военного округа, по принадлежности, в прочих областях империи – от главного начальника военного округа, а личного состава Главной военно-цензурной комиссии – от начальника Генерального штаба.

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 129. Л. 79. Машинопись.

УДК 94(481).08

ПРОСТЯКОВА В.А.* ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ГАЗЕТНОГО РЫНКА НОРВЕГИИ.

DOI: 10.31249/rhist/2022.04.04

Аннотация. В статье выделены основные этапы становления и развития газетного рынка Норвегии. Исторически газеты занимали лидирующую позицию среди средств массовой информации Норвегии. Это объясняется двумя причинами: во-первых, первыми средствами массовой информации в Норвегии были новостные листки, появившиеся в XVI в.; во-вторых, население Норвегии – одна из самых читающих наций, из всего многообразия СМИ отдающая предпочтение именно газетам. В результате исследования были выделены основные этапы развития газетного рынка, к особенностям которых можно отнести: связь газет с политическими партиями, введение государственного субсидирования прессы, принятие закона о собственности на СМИ.

Ключевые слова: медиарынок Норвегии; государственные субсидии на медиарынке; государственное регулирование медиарынка.

PROSTYAKOVA V.A. Historical stages of the development of the newspaper market in Norway.

Abstract. The article highlights the main stages in the formation and development of the newspaper market in Norway. Historically, newspapers have been the leading media in Norway. This is explained two reasons: firstly, the first mass media in Norway were newsheets

* © Простякова Вероника Алексеевна – младший научный сотрудник Проблемной научно-исследовательской лаборатории комплексного изучения актуальных проблем журналистики, факультет журналистики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. E-mail: vprostyakova@mail.ru

that appeared in the 16 th century, and secondly, the inhabitants of Norway are one of the most reading nations, giving preference to newspapers out of all the variety of media. As a result, the following stages in the development of the newspaper market were identified: the connection of newspapers with political parties, the introduction of state subsidies for the press, and the adoption of a law on media ownership.

Keywords: Norway's media market; government subsidies in the media market; government regulation of the media market.

Для цитирования: Простякова В.А. Исторические этапы становления газетного рынка Норвегии. (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – 2022. – № 4. – С. 65–72. DOI: 10.31249/rhist/2022.04.04

Введение

Функционирование газетного рынка Норвегии не освещено отечественными исследователями в полной мере. Однако сто́ит выделить несколько авторов, чьи исследования затрагивали эту тему: А. Сельницын [4] провел исторический анализ развития норвежской прессы, работы Е.Л. Вартановой [1], С.А. Михайлова [2] прослеживают динамику развития медиарынка Норвегии. Безусловно, достаточно работ на норвежском языке, посвященных разным аспектам становления газетного рынка, например, работы норвежских исследователей: Х. Бакке [5], Х. Бастиансена [6], М. Берг [9], Б. Ларсена [8]. С учетом имеющейся историографии можно сформулировать следующие задачи статьи: проанализировать исторические характеристики газетного рынка Норвегии, рассмотреть основные этапы его становления, выявить факторы его развития и дать им оценку. Для реализации поставленных задач был выбран сравнительно-исторический метод исследования, позволяющий зафиксировать и сопоставить уровни в развитии изучаемого объекта, произошедшие изменения, определить тенденции развития.

Газеты в медиасистеме Норвегии

Медиасистему Норвегии исследователи Д. Халлин и П. Манчини [7] отнесли к демократической корпоративистской модели, в которой коммерциализированные медиа сосуществуют и взаимодействуют с организованными социальными и политическими группировками при относительно активной роли государства. Однако медиасистема Норвегии становится более либеральной из-за уменьшения влияния правительства и политических партий, которое сложилось исторически.

Отличительной чертой медиасистемы Норвегии являются высокие тиражи газет, наличие партийной прессы. Традиционно Скандинавские страны отличаются от большинства своих соседей высоким уровнем спроса на газеты. Массовый рынок прессы, основанный прежде всего на подписке и на достаточно высоком уровне активности читательской аудитории, является характерной особенностью и медиарынка Норвегии. Газеты охватывают огромную аудиторию в Северной Европе, в отличие от южной части континента, где телевидение является более популярным средством массовой информации, а газеты в основном предназначены для чтения политической элитой [8, p. 71].

Газеты в Норвегии соответствуют определенной типологии, предложенной в 1992 г. Комитетом по СМИ, в которой выделяют: газеты, реализуемые в розницу; региональные газеты; ведущие местные ежедневные газеты; так называемые «вторые» газеты, которые распространяются в больших городах и обычно имеют формат таблоида; газеты определенной идеологической направленности; местные ежедневные «газеты № 2», которые распространяются в конкретных регионах; местные газеты с разной периодичностью (1–2 раза в неделю); местные еженедельные газеты; общенациональные газеты с разной периодичностью (1–3 раза в неделю) [8, p. 70].

Приведенный перечень свидетельствует, что Норвегия имеет разнообразную структуру местных газет. Практически в каждом муниципалитете есть своя газета. В местной газете преимущественное положение занимают новости, касающиеся именно той области, в которой выходит издание. Рост местных неежедневных газет привел к тому, что конкуренция между местными ежеднев-

ными газетами и местными неежедневными газетами стала нарастать. Местные неежедневные газеты являются наиболее распространенными на западном побережье. Однако на современном этапе развития СМИ газеты уступают лидерство интернет-ресурсам, которые становятся все более популярными даже у старшего поколения. Таким образом, газеты сегодня уже не так значимы для современного норвежского общества, как в «золотые годы» (1970–1980-е годы), когда их тиражи достигли высоких показателей.

«Газетный ландшафт» Норвегии исторически менялся на протяжении нескольких этапов развития. Рассмотрим эти этапы последовательно.

1. Газеты – рупор политических партий: 1890–1970 гг.

Национальные ежедневные газеты в Скандинавских странах традиционно связаны с конкретной политической партией, например, в Норвегии партию «Венстре» (Venstre) представляла газета «Дагбладет» (Dagbladet), а партию «Хейре» (Høyre) – «Афтенпостен» (Aftenposten). Система партийной прессы первоначально была основана на связях между партиями и газетами, она заключалась прежде всего в партийной собственности на СМИ, содержании публикаций и в составе читательской аудитории. Хорошим примером может стать история Рабочей партии, которая активно развивала «вторые» местные газеты на норвежском рынке. Каждый раз, когда партией приобреталась новая газета, это было связано с определенной политической мотивацией. Благодаря такому щедрому финансированию «вторые» газеты в основном были в активе Рабочей партии. «Norsk Arbeiderpresse» была основана в 1948 г. как ассоциация социал-демократических газет, позже, в связи с изменением законодательства и регулирования, название было изменено на «A-pressen», а ассоциация стала медиаконцерном.

Партийные газеты доминировали на газетном рынке вплоть до начала 1970-х годов, в течение последних нескольких десятилетий политическая принадлежность перестала быть актуальной. На это обстоятельство также повлияло и появление государственных субсидий, благодаря которым газеты стали ощущать себя более свободными и не зависящими от политических настроений раз-

личных партий. Норвежские газеты со временем утратили партийный характер материалов и принадлежность к определенной политической партии, сейчас большинство газет можно охарактеризовать как современные независимые газеты без какой-либо четкой партийной принадлежности.

2. Государственные субсидии: 1969 г.

Советы прессы Скандинавских стран не исключают вмешательства государства в системы средств массовой информации. Напротив, отличительная черта демократической корпоративистской модели средств массовой информации – в различных видах государственных интервенций на медиарынках в целях поощрения разнообразия или облегчения равного доступа к средствам массовой информации. Стоит отметить, что этот тип государственного вмешательства в меньшей степени используется в либеральных системах СМИ, признающих преимущества свободы средств массовой информации и рыночных решений.

Самая известная форма государственной помощи СМИ – выделение селективных субсидий прессе, с предоставлением государственной поддержки «вторым» газетам в пределах конкретного рынка. Помимо субсидирования печати, вмешательство государства может проявляться и в других формах, таких как законы, касающиеся правил рекламы и правил собственности.

«С 1969 г. норвежское государство поддерживало все “вторые” газеты, а также газеты с наименьшими тиражами на конкретных региональных рынках, независимо от их экономического положения и партийной принадлежности. Такие издания получали субсидии на производство пропорционально количеству проданных экземпляров» [1, с. 58]. Основная цель субсидирования – поддержка разнообразия газетного ландшафта, предотвращение банкротства новых газет. Основные направления, по которым распределялись государственные субсидии: телекоммуникационный сектор, газеты политических партий, поддержка газетного производства, проведение исследований, развитие газет коренных народов и национальных меньшинств. Производственные субсидии – самая большая система прямой помощи для небольших местных газет. Кроме субсидий, норвежские газеты могли рассчи-

тывать на освобождение от налога на добавленную стоимость. Стоит отметить, что благодаря субсидиям с 1970-х годов ни одна «вторая» газета в Норвегии не была закрыта [3]. Ситуация в Норвегии не была особенно критичной, хотя количество зарегистрированных газет сократилось со 191 в 1950 г. до 160 в 1965 г. [8, s. 76].

В связи с введением субсидий в 1969 г., общее число газет стало увеличиваться и к концу 1999 г. выросло до 223 [8, s. 71], а общий тираж – более чем на 1 млн в тот же период. Анализ газетной экономики показал, что крупнейшие газеты могли получать доход от рекламы, что приводило к увеличению тиражей, увеличению циркуляции. Однако небольшие газеты с меньшим охватом получали «меньше доходов от рекламы – меньше ресурсов – меньше читателей – меньше тиражей – меньше доходов». Такое развитие событий было названо «спиралью тиража» и стало главным аргументом для поддержки прессы в 1960-х и 1970-х годах.

Со временем правительственные субсидии с каждым годом сокращались и больше не играли важную роль в формировании национальных газетных рынков. Государственная поддержка не смогла остановить структурные изменения на газетном рынке в Норвегии: она не смогла обеспечить снижение количества внешних изданий и их влияние и предотвратить концентрацию собственности на печатные СМИ.

3. Государственное регулирование и изменение медиаландшафта: 1999 г.

Концентрацию собственности на средства массовой информации в Норвегии тщательно контролировало государство. 1 января 1999 г. в Норвегии был принят Закон «О собственности на средства массовой информации». Его цель – предотвратить нежелательную концентрацию собственности на СМИ.

Вплоть до 1990-х годов концентрация медиасобственности на газетном рынке была стабильна. Однако с 1990-х годов начали появляться медиаконцерны, в активы которых включались различные виды СМИ. Изначально на формирувавшемся медиарынке можно было выделить три медиагруппы: «Шибстед АСА» (Schibsted ASA), «Эдда Медиа АС» (Edda Media AS), «А-прессен»

(A-pressen). К концу 1999 г. почти все местные ежедневные издания с тиражом более 10 тыс. экземпляров принадлежали одной из этих медиакомпаний. Закон о собственности накладывал ограничения на максимальную долю владения медиаактивами в 33,3% и был создан для того, чтобы предотвратить высокую концентрацию собственности на медиарынке, которая могла подорвать плюрализм СМИ и свободу слова, закрепленную в ст. 100 Конституции Норвегии. Комитет по СМИ подчеркивал необходимость предотвратить доминирование определенных медиагрупп на норвежском рынке, чтобы новый медиаландшафт был обеспечен разнообразными и независимыми СМИ.

Однако в 2016 г. Закон о собственности на СМИ был отменен в связи с тем, что еще в 2004 г. в Норвегии был принят закон о конкуренции, а также принят отдельный Закон о прозрачности владения СМИ. 7 июня 2016 г. Стортинг Норвегии отменил действие Закона и переложил ответственность за государственное регулирование на Комитет по вопросам конкуренции: «Орган по вопросам конкуренции запрещает концентрацию, которая будет существенно препятствовать эффективной конкуренции» [3]. Однако сделки слияний и поглощений, продажа и покупка различных СМИ медиаконцернами усилили не только процесс концентрации, но и повлияли на общее развитие современного медиарынка в Норвегии.

Вывод

Д. Халлин и П. Манчини [7, р. 252], рассматривая скандинавскую медиамодель, для которой характерными чертами являются развитый газетный рынок, политический плюрализм, высокая степень профессионализации и государственного вмешательства в медиарынок, тем не менее признали процесс гомогенизации в европейских системах медиа как сдвиг в сторону либеральной модели. Норвежские газеты, потерявшие связь с партиями, стали независимыми газетами без какой-либо четкой политической принадлежности. В то же время субсидии, сыгравшие важную роль в поддержке более раннего газетного ландшафта, постепенно перестали влиять на формирование национального газетного рынка в стране. Государственная поддержка не смогла остановить

структурные изменения на медиарынке: замедлить нарастающее преобладание внешних изданий и предотвратить концентрацию собственности на печатные СМИ.

Список литературы

1. Вартанова Е.Л. Северная модель в конце столетия. Печать, ТВ и радио стран Северной Европы между государственным и рыночным регулированием. – Москва : Изд-во Московского ун-та, 1997. – 183 с.
2. Михайлов С.А. Журналистика стран Северной Европы. – Санкт-Петербург : Изд-во Михайлова В.А. (ГИПК Лениздат), 2003. – 365, [1] с. – (Библиотека профессионального журналиста).
3. Простякова В.А. Тенденции развития газетного рынка Норвегии в 2010–2015 гг. // Медиаскоп. – 2018. – Вып. 4. – URL: <http://www.mediascope.ru/2485>. – DOI: 10.30547/mediascope. 4.2018.3.
4. Сельницын А.А. Возникновение и становление норвежской прессы // Меди@льманах. – 2011. – № 5. – С. 44–50.
5. Bakke H. Pressepolitikk ved et tusenårsskifte : Dagspresseutvalgets innstilling : innstilling fra et utvalg oppnevnt ved kongelig resolusjon 16. april 1999 : avgitt til Kulturdepartementet 25. mai 2000. – Oslo : Statens forvaltningstjeneste, 2000. – 250 s. – (Norges offentlige utredninger 2000 ; 15).
6. Bastiansen H.G. Rethinking mass communications in Norway. The neglected power of the centre-left alliance in the early 20 th century and its importance until the present // Nordicom Review. – 2014. – Vol. 35(2). – P. 43–63.
7. Hallin D., Mancini P. Comparing Media Systems. Three Models of Media and Politics. – New York : Cambrige University Press, 2004. – XV, 342 p.
8. Larsen B. Mål og midler i pressepolitikken : utredning fra et utvalg oppnevnt ved kongelig resolusjon 15. februar 1991 ; avgitt til Kulturdepartementet 5. mai 1992. – Oslo : Statens forvaltningstjeneste, 1992. – 141 s. – (Norges offentlige utredninger 1992 ; 14).
9. Massemedier i Norge : En artikkelsamling om norske massemediers historie, organisasjon og publikum / red. av M. Berg. – Oslo : Gyldendal, 1975. – 358 s.

ОБЗОРЫ

УДК 94(47).073.5

КОМЗОЛОВА А.А.* ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ СТРАТЕГИИ
ВО ВРЕМЯ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 1853–1856 гг.

DOI: 10.31249/rhist/2022.04.05

Аннотация. В обзоре рассматриваются исследования современных российских историков, посвященные стратегии русского командования в период Крымской войны 1853–1856 гг. Авторы обращаются к исследованию стратегического планирования на различных театрах военных действий. В частности, анализируются планы русского командования по защите побережья Балтийского моря от высадки англо-французского десанта, по блокаде турецкой крепости Карс в Кавказскую кампанию 1855 г., а также подвергаются пересмотру негативные оценки роли А.С. Меншикова в обороне Севастополя.

Ключевые слова: Крымская война; оборона Севастополя; В.А. Долгоруков, А.С. Меншиков, Д.А. Милютин, Н.Н. Муравьев.

KOMZOLOVA A.A. Problems of the Russian strategy in the Crimean war 1853–1856.

Annotation. The review examines the studies of modern Russian historians devoted to the strategy of the Russian command during the Crimean War. The authors analyze various aspects of this topic related to the strategic planning in various theaters of the war operation. In particular they discuss plans of the Russian command of the defense of the Baltic Sea coast from the landing of English and French troops, of the

* Комзолова Анна Альфредисовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: lizeze@yandex.ru

blockade of the Turkish fortress Kars in the 1855 Caucasian campaign. Also negative assessments of the role of A.S. Menshikov in the defense of Sevastopol are subject to revision.

Keywords: Crimean War; defense of Sevastopol; A.V. Dolgorukov, A.S. Menshikov, D.A. Milyutin, N.N. Muravyev.

Для цитирования: Комзолова А.А. Проблемы российской стратегии во время Крымской войны 1853–1856 гг. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – 2022. – № 4. – С. 73–82. DOI: 10.31249/rhst/2022.04.05

Крымская (Восточная) война 1853–1856 гг., первый с 1815 г. конфликт великих держав, велась Россией в условиях дипломатической изоляции и экономической блокады. Военная угроза потенциально присутствовала почти по всему периметру российских границ, особенно с западного направления, что еще более подчеркивало стратегическую уязвимость Российской империи.

Важной особенностью Крымской войны было ведение боевых действий на различных театрах. Военные операции на Крымском полуострове и Черном море, и особенно оборона Севастополя 1854–1855 гг., традиционно занимают центральное место как в отечественной, так и в иностранной историографии. Вместе с тем они являлись важнейшей (и наиболее кровопролитной), но не единственной частью масштабного конфликта, который включал боевые столкновения на Дунае и Кавказе, а также морские кампании на Балтийском и Белом морях и даже Тихом океане. Современные историки стремятся заполнить историографические лакуны, раздвигая географические рамки и обращаясь к исследованию Крымской войны на более периферийных и второстепенных театрах военных действий, а также анализируя борьбу на экономическом «фронте».

Д.Ю. Плотников (Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук), обращаясь к Кавказскому театру военных действий, рассматривает успешную блокаду русскими войсками турецкой крепости Карс в кампанию 1855 г. как важный эпизод, иллюстрирующий различия в стратегическом мышлении русского и английского командований.

В историографии едва ли не единственным примером рассмотрения Крымской войны в контексте стратегического мышле-

ния сторон является исследование А.А. Свечина «Эволюция военного искусства»¹, хотя эта обзорная работа не затронула анализ военных действий в Закавказье. Как полагал А.А. Свечин, правительство императора Николая I изначально неверно определило ограниченные задачи предстоявшей борьбы, а потому в ходе Крымской войны произошла «перемобилизация» и экономическое истощение, что, в конечном итоге, вынудило Россию признать поражение.

Вслед за А.А. Свечиным Д.Ю. Плотников использует метод немецкого военного историка и мыслителя Г. Дельбрюка, который представлял стратегию как диалектическое взаимодействие двух принципов – сокрушения и измора. Стратегия сокрушения направлена на то, чтобы «разыскать главные силы противника, их разбить и развивать преследованием победу» до тех пор, пока неприятель не примет любых условий своего поражения. Стратегия измора предполагает, что путем нанесения противнику ударов и различного ущерба «довести его до такого упадка и утомления», в результате чего он «предпочтет принять условия победителя» (цит. по: [4, с. 98]). При этом для полноценного анализа стратегии необходимо уяснить те политические цели, которые преследуются всякой войной.

Крымская война продемонстрировала то, что принципы стратегии Наполеона, ярчайшего образца стратегии сокрушения, не соответствовали новым условиям. Напротив, в 1853–1856 гг. объективные факторы – и прежде всего, соперничество сухопутной и морской держав – располагали не к стратегии сокрушения, а к войне на измор с ограниченными целями, исключая возможность смертельного удара. По мнению автора, после вступления в войну Великобритании и Франции России пришлось «отказаться от планов раздела турецких владений, сведя свои усилия к борьбе за сохранение status quo». Союзники могли достичь своих целей без «каких-либо экстраординарных успехов», сосредоточившись лишь на уничтожении русского Черноморского флота и его базы. «Главной точкой приложения сил» оказались не армии воюющих сто-

¹ Свечин А.А. Эволюция военного искусства : с древнейших времен до наших дней : в 2 т. / СССР, Воен. акад. РККА им. М.В. Фрунзе. – Москва ; Ленинград : Гос. изд-во, Отдел воен. лит. – Т. 2. – 1928. – 619 с.

рон, а «географический пункт» – Севастополь. Для держав, участвовавших в Крымской войне, было заведомо невозможно «полное подавление вражеской способности к сопротивлению», поэтому условия мира являлись предметом торга, не сводясь к требованию безоговорочной капитуляции. В этих обстоятельствах политические требования «подталкивали» стратегию не к преследованию вражеской армии, а к борьбе за имевшие значение на будущих мирных переговорах «ценные залого», на роль которых подходили различные «географические пункты» [4, с. 99].

Как полагает Д.Ю. Плотников, генерал от инфантерии Н.Н. Муравьев, командовавший Отдельным Кавказским корпусом, считал уничтожение турецкой Анатолийской армии главной целью кампании, и Карс для него не имел самостоятельного значения. Русский генерал мыслил в русле наполеоновской догмы о стратегии сокрушения, что вынуждало его придавать чрезмерное значение сосредоточению сил противника в Карсе. Британский бригадный генерал Ф. Вильямс, который фактически руководил турецкой армией, в свою очередь, сумел организовать оборону Восточной Анатолии исходя из понимания того, что война осуществляется в соответствии со стратегией измора с ограниченными целями. Поэтому его главной задачей стало сохранение не Анатолийской армии, а «выгодной конфигурации фронта». От него требовалось удерживать Карс и Эрзерум как можно более долгое время – до начала мирных переговоров или, по крайней мере, до падения Севастополя [4, с. 99, 100].

По мнению Д.Ю. Плотникова, то, что англичане оказались готовы лучше своих противников воспринимать Крымскую войну как конфликт на измор, объяснялось не их стратегической дальновидностью и гибкостью, а, напротив, «отсталостью» – отсутствием у них вообще какой-либо стратегической теории, верной или ошибочной. Поэтому в британской армии, в отличие от континентальных держав, не было господства наполеоновских теоретических догм, предполагавших тяготение к стратегии сокрушения. В итоге, хотя русские войска взяли Карс, вследствие устаревших представлений русского командования о стратегии, войска Отдельного Кавказского корпуса во время кампании 1855 г. не смогли добиться максимально успеха, связанного с наступлением на Эрзерум [4, с. 100].

Проблема «перемобилизации» в контексте Балтийского театра военных действий рассмотрена в исследовании С.С. Курочкина (С.-Петербургский институт истории Российской академии наук). Автор фокусируется на анализе планов российского командования по защите побережья Балтийского моря от высадки англо-французского десанта в период Крымской войны 1853–1856 гг. Балтийскому театру военных действий в историографии уделяется относительно мало внимания, поскольку боевые действия на этом направлении не отличались интенсивностью. Англо-французский флот смог осуществить лишь две достаточно крупные операции: в 1854 г. захват крепости Бомарзунд на Аландских островах и в 1855 г. неудачную атаку на Свеаборг. 9 февраля 1854 г. был опубликован высочайший манифест о разрыве с западными державами. Одновременно российским Военным министерством была начата подготовка к прямому военному столкновению с Великобританией и Францией. Успешная десантная операция по переброске в Крым экспедиционной армии, проведенная англо-французским флотом и завершившаяся 1 сентября 1854 г. высадкой в Евпатории, оказала заметное влияние на планы российского командования. Военный министр князь В.А. Долгоруков был вынужден пересмотреть свои представления о возможностях противника по переброске морем крупных соединений сухопутных войск. По его поручению генерал-майор Д.А. Милютин, с августа 1853 г. состоявший «для исполнения поручений» при военном министре, в сентябре 1854 г. подготовил специальную записку «Соображения относительно обороны берегов Балтийского моря». В октябре эта записка в виде министерского доклада была представлена императору Николаю I, который распорядился рассмотреть ее в Комитете по обороне балтийского побережья («Комитете о защите берегов Балтийского моря») под председательством великого князя цесаревича Александра Николаевича [1, с. 101]. По итогам работы комитета был составлен проект доклада председателя комитета императору от 25 ноября 1854 г. по вопросам обороны отдельных стратегических пунктов балтийского побережья и распределения сухопутных и морских сил. Предложения комитета в целом были одобрены Николаем I.

При разработке своих планов как В.А. Долгоруков, так и члены Комитета по обороне балтийского побережья исходили из

того, что во время кампании 1855 г. англо-французский флот получит контроль над Балтийским морем. Признавая техническое и численное превосходство союзных военно-морских сил над российским военным флотом, а также неспособность российского Балтийского флота вести открытый бой с вражеской эскадрой, члены комитета считали необходимым отказаться от его использования как самостоятельной силы для действий на море и использовать корабли этого флота лишь как вспомогательное средство для обороны российских портов [1, с. 103, 104]. Предлагалось уменьшить число прибрежных пунктов, требовавших упорной защиты при высадке неприятельских сил, но одновременно сконцентрировать оборонительные средства в наиболее важных пунктах. Комитет выделил те прибрежные пункты, которые имели наибольшее стратегическое значение. К их числу прежде всего были отнесены С.-Петербург и Кронштадт. Гельсингфорс и Свеаборг признавались комитетом вторыми по значимости объектами на балтийском побережье, для обороны которого необходимо было выделить отдельный подвижный корпус.

Таким образом, изучение документов Комитета по обороне балтийского побережья показывает, что потенциальная угроза высадки крупного союзнического десанта для нападения на С.-Петербург или один из российских приморских городов заставила командование существенно усилить группировку сухопутных войск на побережье балтийского моря. Однако вопросы о том, насколько оправданной была такая избыточная концентрация, «перемобилизация» русских сил на Балтийском побережье, насколько обоснованными были опасения в отношении масштабной наземной операции противника на этом театре, в историографии остаются не вполне проясненными. По мнению С.С. Курочкина, наличие в окрестностях С.-Петербурга и Финляндии многочисленной русской армии сдерживало союзников от проведения военных операций на балтийском побережье. Вместе с тем сохранявшаяся в 1855 г. угроза вражеского морского десанта в этом регионе, наряду с необходимостью держать две развернутые армии на границе с Австрией, не позволили перебросить русские части с западного направления и сконцентрировать в Крыму группировку войск, достаточную для поражения противника [1, с. 105].

При анализе событий и результатов Крымской войны исследователи неоднократно обращались к оценке роли адмирала, генерал-адъютанта князя А.С. Меншикова (1787–1869), одного из ближайших сотрудников императора Николая I. С 1828 по 1854 г. он стоял во главе российского флота, являясь начальником Морского штаба, а с 1836 г. – морским министром. С 30 сентября 1854 г. по 23 февраля 1855 г. Меншиков занимал пост главнокомандующего военными сухопутными и морскими силами в Крыму.

На первом этапе войны во многом благодаря распоряжениям и организационным навыкам А.С. Меншикова была успешно проведена эвакуация гарнизонов малых укреплений береговой линии черноморского побережья, а российский флот одержал победу в Синопском сражении 18 (30) ноября 1853 г. Но после высадки англо-французского десанта положение российских сил в Крыму кардинально изменилось. В историографии за Меншиковым утвердилась репутация едва ли не главного виновника поражения России в Крымской войне, ему приписывают ключевые просчеты и промахи в планировании и организации обороны полуострова.

Как отмечают А.Ю. Манаев и А.А. Мельник (Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского), в первые годы после окончания Крымской войны в историографии высказывались достаточно осторожные суждения о роли А.С. Меншикова в крымской кампании. Например, скорее положительную, чем отрицательную характеристику давал ему в 1863 г. Э.И. Тотлебен, один из героев обороны Севастополя. По словам Тотлебена, князь Меншиков, «будучи с самого начала крымской кампании поставлен в крайне затруднительное положение превосходством сил и вооружением неприятеля», тем не менее «со свойственной ему проницательностью, умел пользоваться нерешительностью союзных главнокомандующих и неоднократно вырывал у них инициативу действий» (цит. по: [2, с. 33–34]).

В сочинении М.И. Богдановича «Восточная война 1853–1856 гг.» (1877), как и в работе Н.Ф. Дубровина «История Крымской войны и обороны Севастополя» (1900) не давалось каких-либо резких оценок, хотя и отмечался целый ряд серьезных просчетов А.С. Меншикова при командовании войсками в битве при Альме 8 (20) сентября 1854 г. В частности, Дубровин указывал на отсутствие штаба как такового, вследствие чего возникли пробле-

мы при подготовке к бою, а затем и в диспозиции и ведении сражения. Наряду с этим князь не объяснил подчиненным ему генералам, с какой целью он сосредоточил войска на Альме, а также не отдал никаких распоряжений на случай отступления и обеспечения раненых. Вместе с тем Дубровин отмечал и эффективные действия Меншикова при подготовке Севастополя к осаде [2, с. 32, 33]. В советской историографии, как, впрочем, и в эмигрантской, распространялось представление о Меншикове как о бездарном и некомпетентном военном деятеле. По мнению авторов, фундаментальное исследование Е.В. Тарле «Крымская война» (1941–1944) стало «поворотным моментом в советской историографии». Именно начиная с монографии Тарле Меншиков характеризовался исключительно в «черных» тонах и представал как основной виновник поражения в Крымской кампании [2, с. 34, 35]. Однако в современной историографии фигура Меншикова приобрела новую привлекательность для исследователей, которые подчеркивают тенденциозность оценок, дававшихся ему ранее советскими историками [2, с. 36, 37].

Существенным вкладом в процесс переоценки деятельности Меншикова в период Крымской войны является публикация документов и воспоминаний, подготовленная А.В. Ефимовым (Научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, Крым) в рамках книжной серии «Архив Крымской войны» [3]. Как отмечается в предисловии к этому изданию, в последующие после окончания Крымской войны годы личность Меншикова оказалась «фигурой умолчания» во многом вследствие позиции самого главнокомандующего: он отказался отвечать на любые обвинения в свой адрес, прозвучавшие как в придворных салонах, так и со страниц печатных изданий [3, с. 5].

По мнению М.М. Шевченко (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), множество исторических свидетельств подтверждает тот факт, что князь А.С. Меншиков «обладал незаурядным глазомером в области стратегии» [5, с. 41]. Он был едва ли не единственным из русских военачальников, кто довольно точно определил будущий ход событий Крымской кампании. Приняв командование войсками в Крыму, князь до высадки англо-французского десанта успел провести тщательные рекогносцировки полуострова. Как показывает переписка Меншикова с

Николаем I, он не только прекрасно осознавал цели предстоявшего неприятельского вторжения в Крым («...уничтожение флота и Севастополя»), но и верно назвал наиболее вероятное место высадки союзников – район Евпатории, откуда неприятель должен был двигаться к Севастополю. Более того, Меншиков сумел предугадать и беспрецедентные для того времени масштабы десантной операции противника: он предвидел, что после отхода русских войск из Дунайских княжеств и вступления туда австрийцев союзники смогут отправить в Крым «от 50 до 60 тысяч» человек, не считая турецких частей [5, с. 41]. В связи с этим в июне 1854 г. князь просил увеличить воинский контингент, находившийся под его управлением в Крыму. Анализируя Альминское сражение, М.М. Шевченко отмечает, что эта битва могла бы изменить весь ход Крымской кампании, если бы в распоряжении Меншикова в тот момент оказалось «еще хотя бы две или три дивизии» [5, с. 43]. Однако Николай I и его ближайшее окружение «ради минимизации ущерба для России в изначально безнадежной войне» вынуждены были реализовывать стратегию, предполагавшую последовательное разделение всех актуальных и потенциальных театров военных действий на главные и второстепенные. К последним, видимо, ошибочно, был отнесен и Крымский театр.

Список литературы

1. Курочкин С.С. Планы российского командования по обороне побережья Балтийского моря осенью 1854 г. по документам «Комитета по обороне балтийского побережья» // Уч. зап. Крымского федерал. ун-та имени В.И. Вернадского. Сер. Исторические науки. – 2022. – Т. 8 (74), № 1. – С. 95–106.
2. Манаев А.Ю., Мельник А.А. Александр Сергеевич Меншиков : историографический очерк // Актуальные вопросы истории, историографии и источниковедения Юга России : К 300-летию провозглашения России империей, 100-летию образования Крымской АССР и 80-летию начала Великой Отечественной войны : материалы региональной научно-практической конференции. – Симферополь : Ариал. – 2021. – С. 31–39.
3. А.С. Меншиков в Крымской войне. Дневники. Письма. Воспоминания. Ч. 1 / сост. А.В. Ефимов. – Симферополь : Антиква, 2018. – 288 с. (Серия «Архив Крымской войны»).
4. Плотников Д.Ю. Сокрушение против измора: Блокада Карса в 1855 г. в свете стратегических представлений русского и английского командования // Гуманитарные науки в Сибири. – 2018. – Т. 25, № 2. – С. 97–101.

5. Шевченко М.М. [Рец.] // Историческое наследие Крыма : сб. ст. – Симферополь : Антиква, 2019. – С. 40–43. – Рец. на кн.: А.С. Меншиков в Крымской войне. Дневники. Письма. Воспоминания. Ч. 1 / сост. А.В. Ефимов. – Симферополь : Антиква, 2018. – 288 с. – (Архив Крымской войны)

УДК 303.446.4; 94(438).08; 94(47).084.3

БАБЕНКО О.В.* ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ПОЛЬСКО-СОВЕТСКОЙ ВОЙНЫ 1919–1920 гг. В ПУБЛИКАЦИЯХ ПОЛЬСКИХ ИСТОРИКОВ (Обзор по материалам журнала «Przegląd Wschodnioeuropejski»). DOI: 10.31249/rhist/2022.04.06

Аннотация. В обзоре рассматриваются новые польские публикации о польско-советской войне 1919–1920 гг. из журнала «Przegląd Wschodnioeuropejski». В них анализируются такие проблемы как источниковедение истории польско-советской войны на примере материалов Института Юзефа Пилсудского в Нью-Йорке, определение границы между Польшей и РСФСР в 1920–1921 гг., польско-литовские военные конфликты в годы польско-советской войны, роль Бюро шифров Второго отдела Генерального штаба Войска Польского в Варшавской битве, организация, личный состав и пропагандистская деятельность Красной армии в 1920 г., «нейтралитет» Литвы в Варшавской битве.

Ключевые слова: польско-советская война 1919–1920 гг.; Варшавская битва 1920 г.; Юзеф Пилсудский; Красная армия в польско-советской войне 1919–1920 гг.

BABENKO O.V. Problems of the history of the Polish-Soviet war of 1919–1920 in the publications of Polish historians (A review of materials in «Przegląd Wschodnioeuropejski»).

Abstract. The review considers new Polish publications about the Polish-Soviet war of 1919–1920 from «Przegląd Wschodnioeuropejski». They analyze issues such as source study of the history of the

* Бабенко Оксана Васильевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: o.v.babenko@mail.ru

Polish-Soviet war on the example of the materials of the Jozef Pilsudski Institute in New York, determination of the boarder between Poland and the RSFSR in 1920–1921, Polish-Lithuanian conflicts during the Polish-Soviet War, the role of the Cipher Bureau of the Second Department of the General Staff of the Polish Army in the Battle of Warsaw, organization, personnel and propaganda activities of the Red Army in 1920, the «neutrality» of Lithuania in the Battle of Warsaw.

Keywords: Polish-soviet war of 1919–1920; Warsaw battle of 1920; Yozef Pilsudski; Red army in Polish-soviet war of 1919–1920.

Для цитирования: Бабенко О.В. Проблемы истории польско-советской войны 1919–1920 гг. в публикациях польских историков. (Обзор по материалам журнала «Przegląd Wschodnioeuropejski») // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – 2022. – № 4. – С. 83–96. DOI: 10.31249/rhist/2022.04.06

В настоящей публикации представлены статьи из ольштын-ского журнала «Przegląd Wschodnioeuropejski» («Восточноевропейское обозрение») за 2021 г. (№ 12/2), отражающие мнения польских историков по различным проблемам польско-советской войны 1919–1920 гг. Они опубликованы в рубрике, посвященной столетию Варшавской битвы 1920 г., победив в которой Польша смогла добиться перелома в ходе войны и сохранить свою независимость.

В статье Б. Ягусяка (Военный технологический университет, г. Варшава) [1] рассматриваются источники по истории польско-советской войны из собрания Института Юзефа Пилсудского в Нью-Йорке. Автор подчеркивает, что многие материалы по данной проблематике были утрачены либо вывезены за границу [1, s. 12]. Работу по сбору архивных документов польские исследователи начали в 1924 г. Эти документы оказались в варшавских архивах – Центральном военном архиве и Архиве новых актов. Поиск источников продолжался до начала Второй мировой войны, во время которой была уничтожена немаловажная часть материалов Архива новых актов. Документы Центрального военного архива были эвакуированы из Варшавы сначала в Париж, затем – в Лондон и Вашингтон. После Второй мировой войны на их базе были созданы польские культурно-научные центры, которые работают и по сей день. К ним относятся Институт Польши и музей генерала Влади-

слава Сикорского в Лондоне, Институт Юзефа Пилсудского в Лондоне и Институт Юзефа Пилсудского в Нью-Йорке. Собрания этих центров пополнялись дарами поляков-эмигрантов.

Нью-Йоркский Институт Юзефа Пилсудского всегда занимал особое положение вследствие его удаленности от Европы. Высокая стоимость поездки в США затрудняла полякам проведение в нем исследовательской работы. В 1990-е годы была создана стипендиальная система для специалистов, выезжающих за границу, но она лишь отчасти улучшила ситуацию. Автор полагает, что работу исследователей облегчили оцифровка части фондов и появление ее результатов в Интернете [1, s. 13].

Тем не менее польские ученые посещают Институт Юзефа Пилсудского в Нью-Йорке, сотрудники которого занимаются сбором, хранением и консервацией материалов, касающихся истории Польши и полонии (польской диаспоры, проживающей за пределами Польского государства). 27 472 документа находятся в 186 фондах, семь из которых имеют отношение к истории польско-советской войны 1919–1920 гг. Так, например, фонд № 1 «Архив Юзефа Пилсудского» содержит не только материалы о жизнедеятельности маршала, но и ценнейшее собрание частной корреспонденции, связанной с проблематикой польско-советской войны. В фонде № 3 «Акты начальника Генерального штаба Войска Польского генерала Тадеуша Розвадовского» хранятся документы о ходе сражений. А информацию о состоянии и местонахождении архивных материалов Польши в годы польско-советской войны 1919–1920 гг. можно найти в фонде № 119 («Военные архивы»). В целом в собрании документов Института имеются сведения о политических, военных и религиозных аспектах войны, о победе поляков в Варшавской битве 1920 г., о восточной границе Польши до и после войны, об отношениях Польши с Украиной, Россией и Литвой и т.п.

Б. Ягусяк приходит к выводу о том, что использование вышеуказанных неопубликованных материалов сделало бы исследования о польско-советской войне более обстоятельными [1, s. 25]. Фонды Института Юзефа Пилсудского в Нью-Йорке могут быть полезными как для военных историков, так и для специалистов по политическим и другим невоенным аспектам рассматриваемой войны.

Х. Лах (Варминьско-Мазурский университет, г. Ольштын) посвятила свое исследование [2] вопросу об установлении польско-советской границы в 1920–1921 гг. Как известно, война между Польшей и Советской Россией завершилась подписанием мирного договора в Риге 18 марта 1921 г. Одним из ее результатов, имевшим огромное значение для Варшавы, было определение польско-советской границы. Окончательное установление границы осуществлялось смешанной пограничной комиссией, в состав которой вошли две делегации: польская и российско-украинско-белорусская.

12 октября 1920 г. Польша, с одной стороны, и РСФСР и УССР – с другой, подписали Договор о предварительных условиях мира, фактически завершивший польско-советскую войну. В нем содержалась первая информация о будущих границах Польского государства с Россией, Белоруссией и Украиной. Границы были обозначены к западу от Минска и к востоку от железнодорожной линии Лида – Барановичи – Лунинец – Сарны – Ровно – Броды. На основе ст. 1 указанного договора была создана смешанная пограничная комиссия, в задачи которой входило определение польско-советской границы и установление пограничных знаков. Автор задался целью показать работу этой комиссии, «которая проходила в атмосфере недоверия и беспрестанного антагонизма между представителями делегаций двух государств» [2, с. 92].

18 марта 1921 г. в доме Черноголовых в Риге был подписан мирный договор между Польшей, с одной стороны, и РСФСР и УССР – с другой. Х. Лах отмечает, что во время переговоров польская сторона столкнулась с рядом трудностей, но ей удалось добиться изменений границы в свою пользу. Так, например, Польша присоединила к своей территории городок Радошковиче с находящейся к северу от него полосой земли, отодвинула на восток границу, проходившую по Полесью, и получила более четкое определение границы на Волыни. В целом территория Польского государства, согласно приведенным в статье данным, увеличилась приблизительно на 10 тыс. кв. км [2, с. 93–94].

Сейм II Речи Посполитой ратифицировал мирный договор 15 апреля 1921 г. В России он был ратифицирован на день раньше, а на Украине – на два дня позже. В результате Рижский договор вступил в силу, и стороны приступили к выполнению его поста-

новлений. В связи с этим смешанная пограничная комиссия разделила линию границы на следующие части: полоцко-виленскую, минско-несвижскую, полесскую, волынскую и район Збруча. Для каждой части была создана специальная подкомиссия, кроме района Збруча, где, как пишет автор, «не нужно было проводить подготовительные работы» [2, s. 97]. В подкомиссиях работали солдаты Войска Польского. За их службой следила военная жандармерия.

Подкомиссии исследовали пограничные территории и установили, что первоначально линия польско-советской границы была проведена неточно. Административные органы и местные жители должны были следить за изменениями этой линии и сообщать о них польским представителям. Смешанная пограничная комиссия занималась также вопросом о передаче Россией Польше геодезических документов, касающихся кресов. Автор утверждает, что эти документы были получены Варшавой в короткий срок, «благодаря усилиям библиотечно-архивной комиссии и реэвакуационной и специальной комиссии» [2, s. 99].

Как пишет Х. Лах, к осени 1922 г. политическое урегулирование вопроса о польско-советской границе было завершено [2, s. 103]. 15 марта 1923 г. Совет Послов Антанты поднял вопрос о признании восточной границы Польши. А в июле 1924 г. в НКВД СССР был подписан «Общий Окончательный Протокол прохождения государственной границы между Союзом Советских Социалистических Республик (СССР), с одной стороны, и Польской Республикой (П.Р.), с другой».

Автор приходит к выводу о том, что работа смешанной пограничной комиссии «проходила относительно быстро, хоть и несколько раз приостанавливалась на короткий срок с целью разрешить споры в ходе дипломатических переговоров» [2, s. 104]. Старшее поколение поляков с ностальгией вспоминает о границе 1921 г., так как она позволяла лицам польского происхождения, родившимся на кресах, жить на территории свободной и независимой Польши.

В публикации В. Лаха (Варминьско-Мазурский университет, г. Ольштын) [3] анализируются военные действия польской армии под командованием генерала Люциана Желиговского в отношении Литвы во время польско-советской войны 1919–1920 гг. на фоне территориальных споров двух стран. Как пишет автор, итоги Пер-

вой мировой войны не принесли нормализации отношений между Польшей и Литвой, а территория Виленщины стала предметом длительного двустороннего конфликта [3, s. 75].

Установление польско-литовской границы было весьма непростой задачей. Предпринимались попытки решить спорные вопросы путем прямых переговоров между Варшавой и Вильно и на сессии Лиги Наций, но безуспешно. Осложнение в польско-литовских военно-политических отношениях привело к тому, что в ноябре 1920 г. поляки заняли Виленщину. «Идейным вдохновителем этого предприятия был Юзеф Пилсудский, который признался в этом спустя годы во время лекций в зале виленского Большого театра 24 и 25 августа 1923 г.», – констатирует В. Лах [3, s. 76].

В конце 1919 – начале 1920 г. Литва была признана де-факто Англией, Францией и многими другими государствами. 10 июля 1920 г. под давлением Англии Польша вынуждена была отказаться от Вильно в пользу Литвы, «предоставляя право окончательного решения виленского вопроса странам Антанты» [3, s. 77]. Более того, Литва нашла союзника в лице Советской России, признавшей ее де-факто 12 апреля 1920 г. 14 апреля того же года Красная армия заняла город Вильно, который был впоследствии передан Литве. После этого польско-литовский дипломатический спор о границе принял форму военного конфликта. 12 июля 1920 г. был подписан российско-литовский мирный договор, на основе которого Литва должна была получить Вильно, Гродно и Лиду.

Однако, как пишет автор, во второй половине августа 1920 г. после победы поляков в Варшавской битве ситуация на фронтах польско-советской войны изменилась в пользу Польши [там же]. Теперь перед поляками встала задача выдвинуть литовские войска за линию Фоша. Однако литовцы не собирались покинуть занятые ими земли. С подачи Пилсудского генерал Э. Рыдз-Смиглы приступил к освобождению сувальской земли. Литовцы начали отступление, не оказывая сопротивления, и вечером 31 августа поляки достигли линии Фоша. 2 сентября 1920 г. Литва решила вернуть утраченную территорию, но ее наступление было остановлено польскими войсками.

Как отмечает В. Лах, 20–26 сентября Польша одержала победу над Россией в битве на Немане, создав выгодное для себя военное положение на северо-восточных кресах [3, s. 78]. 30 сентября в

Сувалках начались польско-литовские переговоры, а 7 ноября стороны подписали соглашение о прекращении боевых действий и установили демаркационную линию между Польшей и Литвой. Эта линия должна была пройти от границы Восточной Пруссии до устья Черной Ганьчи, далее – до Немана, потом по Неману до Меречанки, по Меречанке до пересечения с железнодорожной линией Вильно – Ораны, а также через Эйшишки до станции Бастуны [3, s. 79].

Ю. Пилсудский намеревался вернуть Виленщину военным путем. Эту задачу должен был выполнить генерал Л. Желиговский. Решение о занятии Вильно было принято Пилсудским в середине сентября 1920 г., но не оглашено официально из опасений негативной реакции западных держав. 1 ноября Желиговский был проинформирован о планах маршала и получил в подчинение 1-ю Литовско-белорусскую дивизию.

8 ноября 1920 г. войска Желиговского двинулись на Вильно и уже 9 ноября вошли в город. А 12-го числа генерал издал декрет, которым провозгласил себя главнокомандующим войск Срединной Литвы¹ и ее верховным правителем. После занятия поляками Вильно войска Желиговского продвинулись на запад и север от города, где произошли их столкновения с литовцами. Конфликты продолжались и в дальнейшем. Происходившее было вынесено на обсуждение в ходе очередной сессии Лиги Наций. В результате 29 ноября был подписан договор о прекращении военных действий. Но литовский сейм принял решение о присоединении Срединной Литвы к Польше, вызвав протесты правительства Литовской Республики. А 15 января 1923 г. литовцы заняли Клайпеду, свободным портом которой пользовалась Польша². Однако это не удовлетворило Литву – литовское правительство требовало вмешательства в дела Срединной Литвы западных держав, «напоминая о неправомерной оккупации Вильно» [3, s. 87].

Как пишет В. Лах в заключительной части статьи, польско-литовские отношения оставались напряженными, ни одна из сто-

¹ Государство Срединная Литва было создано на территории Виленского края 12 октября 1920 г.

² В 1919–1922 гг. Клайпеда находилась под коллективным управлением стран Антанты, а ее порт был открыт для международного судоходства.

рон не желала идти на уступки. Конфликт между Польшей и Литвой с 1923 г. перешел в пассивную фазу и «на протяжении многих лет оставался неурегулированным» [там же]. Более того, военный поход генерала Желиговского на Вильно, попытка Лиги Наций разрешить польско-литовский конфликт и связанные с этим события подверглись упрощенной трактовке и мифологизации, что усложнило отношения между Польшей и Литвой в начале 1990-х годов.

Статья А.А. Останека (Военный технологический университет, г. Варшава) [4] посвящена роли Бюро шифров Второго отдела Генерального штаба Войска Польского (подразделения военной разведки) в Варшавской битве. Он считает, что на судьбы военных кампаний зачастую влияли факторы, не связанные с полем битвы и фронтом вообще. К ним он относит закулисные политические игры, деятельность разведки и контрразведки [4, s. 29]. Среди событий, повлиявших на судьбу Польши, было вскрытие поляками шифров, использовавшихся РККА во время польско-советской войны 1919–1920 гг. Изучение этой проблемы растянулось на десятилетия.

Первые упоминания о деятельности польской разведки в данной сфере появились в 1925 г. В то же время в воспоминаниях ряда представителей высшего офицерства об этом не было ни слова. После Второй мировой войны поляки практически не изучали польско-советскую войну, а в отдельных трудах, где затрагивалась эта тема, создавалось ее далекое от истины описание. В 1960-е годы в некоторых работах была опубликована информация о том, что полякам в годы войны удалось вскрыть шифры Красной армии, но никаких подробностей не сообщалось [4, s. 31]. И только в XXI в. появилась монография Г. Новика в двух частях, содержащая подробное описание вскрытия советских шифров польской разведкой¹.

А.А. Останек задался целью продемонстрировать, какое значение имела «расшифровка тайной российской корреспонденции

¹ См.: Nowik G. Zanim złamano «Enigmę». Polski radiowywiad podczas wojny z bolszewicką Rosją 1918–1920. – Warszawa : Oficyna Wydawnicza RYTM, 2004. – Cz. 1. – 1043 s.; Idem. Zanim złamano «Enigmę». Polski radiowywiad podczas wojny z bolszewicką Rosją 1918–1920. – Warszawa : Oficyna Wydawnicza RYTM, 2010. – Cz. 2. – 705 s.

для Варшавской битвы, а также... для всей войны...» [4, s. 31]. Он опирается на неопубликованные материалы Центрального военного архива в Варшаве и польскую историографию. В статье отмечается, что в области коммуникаций большую роль сыграло создание радиотелеграфа в конце XIX в., который использовался, в частности, в политических и военных целях [там же]. С его помощью быстро принимались важные стратегические решения. Одновременно начались работы по созданию кодов и шифров для зашифровки передаваемых сведений и специальных ключей – для их расшифровки.

Телеграфные отделы создавались в армиях многих стран Европы. В Польше первая шифровальная структура появилась в ноябре 1918 г. – Секция шифров Второго отдела Генерального штаба Войска Польского. В апреле 1919 г. она была преобразована в Бюро шифров, которое уже в первый месяц работы достигло заметных успехов. Однако, как подчеркивает автор, до сих пор неизвестно, удалось ли тогда полякам самостоятельно расшифровать зарубежную информацию или же ключи к шифрам каким-то непонятным образом оказались в их руках [4, s. 34]. Возможно, они были получены от советских военнопленных, выполнявших в Красной армии обязанности телеграфистов. Считается также, что отдельные шифры мог вскрыть поручик Я. Ковалевский. Первые советские шифры «Маяк», «Марс» и «Делегат» стали известны полякам в августе 1919 г. [там же].

Весной и летом 1920 г. Бюро шифров перехватывало все секретные депеши советской стороны. К его сотрудникам попали многие важные сведения, например, о руководящем составе Красной армии. Список руководящих лиц разных уровней давал полякам возможность вычислить среди военнопленных командиров, обладавших ценной информацией. Кроме того, к польским разведчикам попала шифровка приказа командующего 4-й армией Е.Н. Сергеева командирам подчинявшихся ему дивизий, которым предписывалось продолжать наступление в соответствии с более ранними распоряжениями, известными Варшаве. А в другой шифровке содержалась просьба усилить слабые части мозырской группы войск. Ю. Пилсудский воспользовался этой информацией и направил свои войска туда, где противник был ослаблен. Все это

сыграло не последнюю роль в победе Польши над Советской Россией.

А.А. Останек приходит к выводу о том, что каждый поляк, принявший участие в польско-советской войне 1919–1920 гг., внес свой вклад в победу Польши и сохранение ею совсем недавно обретенной независимости. Однако особое место в этом списке он отводит солдатам из Бюро шифров, «занятым расшифровкой российской корреспонденции» [4, s. 44]. И не случайно в 2017 г. документы польской радиоразведки периода Варшавской битвы были включены в программу ЮНЕСКО «Память мира».

Публикация Д. Радзивилловича (Варминьско-Мазурский университет, г. Ольштын) [5] посвящена организации, личному составу и пропагандистской деятельности Красной армии в 1920 г. Он пишет, что в мае 1918 г. РККА насчитывала чуть более 300 тыс. солдат и офицеров [5, s. 48]. 29 мая ВЦИК и СНК издали декрет «Об обязательной воинской повинности для граждан РСФСР мужского пола». С лета того же года началось создание массовой регулярной армии. Активная деятельность большевиков в этой области была связана, по мнению автора, с восстанием чехословацкого корпуса в мае 1918 г. и сопутствовавшими событиями [там же].

10 июля 1918 г. V Всероссийский съезд Советов издал постановление «Об организации Красной армии». В начале сентября 1918 г. военный состав РККА насчитывал более 550 тыс. солдат. Д. Радзивиллович утверждает, что до конца польско-советской войны 1919–1920 гг. лучшими воинскими частями Красной армии были подразделения, состоявшие из латышей и китайцев [там же].

13 июня 1918 г. был создан Революционный Военный Совет Республики, который начал консолидацию разрозненных частей РККА. За короткий срок удалось создать пять армий. Общая численность их солдат составляла не более 45 тыс. человек [5, s. 49]. Важной проблемой было отсутствие профессиональных военных кадров и вооружения. Кроме того, возникали трудности с поставками продовольствия. Как считает автор, чрезвычайные меры, предпринятые в рамках политики военного коммунизма, не слишком помогли в решении этой проблемы [там же].

11 сентября 1918 г. Реввоенсовет Республики издал приказ о создании фронтов и их штабов. В начале октября 1918 г. Красная

армия была поделена на 12 армий. Большую роль в их организации сыграл Л.Д. Троцкий. В марте 1918 г. он возглавил Народный комиссариат по военным делам РСФСР и развернул активную деятельность в области создания РККА. Позднее он стал также и председателем Реввоенсовета, проводившего аналогичную деятельность.

В годы Гражданской и польско-советской войн фронты включали в себя армии, а армии – дивизии. Дивизии, сформированные на фронтах Гражданской войны, называли стрелковыми, а те, которые создавались в военных округах, именовались пехотными. Они имели собственную нумерацию. Однако в ходе польско-советской войны некоторые пехотные дивизии переименовывались в стрелковые и меняли номера. Существовали также национальные дивизии, например, западная (польская), латвийские, эстонские и украинские дивизии. Однако военное руководство довольно быстро отказалось от формирования подразделений по национальному признаку, поскольку это противоречило доктрине большевиков.

Д. Радзивиллович рассматривает также подготовленную в 1920 г. Генштабом Войска Польского информацию для служебного пользования об организации Красной армии. В документе под названием «Организация большевистской армии в 1920 г.» были представлены существовавшие в то время фронты, армии и дивизии, а также сведения о численности красных и белых на начальном этапе Гражданской войны. Прослеживалась реорганизация большевистских фронтов. Кроме того, польская разведка имела данные о численности вооруженных сил РСФСР от 15 августа 1920 г., измеряемой «в штыках и саблях» [5, s. 56].

Автор исследует систему политического контроля над солдатами РККА. Он подчеркивает огромное влияние на моральное состояние красноармейцев политкомиссаров и массовой коммунистической пропаганды [5, s. 58]. В целях контроля над политкомиссарами в апреле 1918 г. было создано Всероссийское бюро военных комиссаров Народного комиссариата по военным делам. А политотделы фронтов подчинялись военно-политическому отделу Реввоенсовета Республики.

Культурно-просветительская деятельность внутри РККА была тесно связана с партийной. Первостепенное внимание уделя-

лось политическому просвещению солдат. В связи с отсутствием профессиональных руководящих кадров в большевистских рядах власти привлекали к работе в качестве советников по политическим вопросам в РККА бывших офицеров царской армии. Пропаганда, по мнению автора, была одной из самых сильных сторон большевистской России [5, s. 59]. Она была направлена против белых в Гражданской войне и против Польши в польско-советской войне.

В заключительной части публикации Д. Радзивиллович приводит сведения о потерях сторон в польско-советской войне, которые до сих пор вызывают споры историков. Согласно новейшим данным польских исследователей, поляки потеряли более 200 тыс. солдат, а советская сторона – около 13 тыс. [5, s. 60–61]. Не последнюю роль в войне сыграла пропаганда. Как отмечает автор, партийные пропагандистские органы в годы войны вели борьбу с буржуазной «панской» Польшей – «мучительницей польских рабочих и крестьян, а также братских славянских народов» [5, s. 61].

Я. Волконовский (Ассоциация польских ученых Литвы, г. Вильнюс) посвятил свою статью [6] условному нейтралитету Литвы в Варшавской битве 1920 г. Он подчеркивает, что по окончании Первой мировой войны Польша и Литва восстановили утраченную в XVIII в. государственность, став двумя независимыми странами [6, s. 63]. Литовские политики представляли Литву национальным демократическим государством, существующим в границах бывшего Великого княжества Литовского (ВКЛ). Однако с этим не могли согласиться поляки, проживавшие на землях ВКЛ. В среде польских политических деятелей не было единого мнения касательно будущих границ Польши. Национальные демократы считали, что Польское государство должно занимать только те земли, где поляки составляют большинство населения. А Ю. Пилсудский выдвинул федеративную концепцию – идею союза тесно сотрудничающих друг с другом государств, способных защитить себя от большевистской России, а именно: Польши, Литвы, Белоруссии, Украины и Латвии. В данном союзе Польша как наиболее значимая с географической, демографической, военной и историко-цивилизационной точек зрения страна должна была играть руководящую роль.

В 1919–1920 гг. Варшава пыталась реализовать идею Пилсудского в ходе войны с Советской Россией. В апреле 1919 г. ей удалось занять Вильно, а в августе того же года – Минск. Поляки предприняли попытку начать польско-белорусские переговоры на тему создания федерации, но безуспешно. В 1920 г. Пилсудский проводил переговоры на ту же тему с Латвией, пытаясь, как утверждает автор, демонстрацией хороших отношений с Ригой оказать давление на Литву, которая не желала вступать в союз с Польшей [6, s. 65]. Ситуация ухудшилась в связи с подписанием 12 июля 1920 г. российско-литовского мирного договора, содержавшего секретные приложения. В последних оговаривался вопрос о «нейтралитете» Литвы в ходе польско-советской войны, в частности, предусматривалась возможность вступления российских войск на ее территорию и занятия ими части литовских земель.

Автор приводит советский взгляд на роль Литовского государства в войне РСФСР с Польшей. Так, в 1920 г. командующий Западным фронтом М.Н. Тухачевский отмечал, что Литва станет опорой правого крыла Красной армии во время наступления на Польшу. 14 мая 1920 г. состоялся российский поход в направлении Варшавы, в ходе которого Литва, увидев успехи большевиков, сменила свое нейтральное отношение к полякам на враждебное. Вскоре «литовские отряды напали на польские силы, заняв Новые Троки и станцию Ландварово» [6, s. 70].

Польско-литовские отношения обострились во второй половине июля 1920 г. в связи с борьбой за Вильно. Как утверждает Я. Волконовский, около 1 тыс. польских солдат оказались в литовском плену во время Варшавской битвы [6, s. 71]. Именно тогда Литва предоставила России свой подвижной железнодорожный состав, поскольку российский не мог использоваться на польской территории из-за неподходящей ширины путей. А в начале августа 1920 г. в литовском плену было уже около 3600 польских солдат, которые попали на территорию Литвы в результате военных столкновений с красноармейцами [там же]. Знаковая для Польши Варшавская битва проходила с 13 по 25 августа 1920 г., поэтому к ее началу поляки по вине литовцев лишились некоторой части воинского контингента.

Автор анализирует также цели российских властей в отношении Литвы. Советская Россия при помощи литовских коммунистов готовила военный переворот в Литве, в результате которого к власти должны были прийти пророссийски настроенные силы. А после предполагавшейся победы в Варшавской битве Красная армия готовилась вступить на территорию Литовского государства. Однако сражение выиграли поляки, и планам Кремля не суждено было сбыться.

Я. Волконовский отмечает, что в истории Литвы Варшавская битва занимает весьма скромное место, в научной литературе нет сведений о «нейтралитете» Литвы в ходе этого сражения [6, с. 72]. Тем не менее, как свидетельствуют проанализированные автором документы, Россия использовала секретные приложения договора с Литвой и ее враждебность в отношении Польши для осуществления своих целей. «Нейтралитет» Литвы заключался в поддержке ею России в польско-советской войне, а в ходе Варшавской битвы она спровоцировала дополнительные трудности для участвовавших в ней польских войск.

Список литературы:

1. Jagusiak B. Źródła do dziejów wojny polsko-rosyjskiej 1919–1920 w zbiorach Instytutu Józefa Piłsudskiego w Nowym Yorku // Przegląd Wschodnioeuropejski. – 2021. – N 12/2. – S. 11–28.
2. Łach H. Ustalenie granicy polsko-sowieckiej – w 100. Rocznicę delimitacji granicy ryskiej // Przegląd Wschodnioeuropejski. – 2021. – N 12/2. – S. 91–108.
3. Łach W. Działania wojenne gen. Żeligowskiego wobec Litwy. Próby rozstrzygnięcia konfliktu przez Ligę Narodów // Przegląd Wschodnioeuropejski. – 2021. – N 12/2. – S. 75–90.
4. Ostanek A.A. Rozszyfrowana wojna. Biuro Szyfrów Oddziału II Naczelnego Dowództwa Wojska Polskiego a losy Bitwy Warszawskiej 1920 roku // Przegląd Wschodnioeuropejski. – 2021. – N 12/2. – S. 29–46.
5. Radziwiłłowicz D. Armia Czerwona w 1920 roku. Organizacja, stany osobowe, działalność propagandowa ze szczególnym uwzględnieniem frontu polskiego w świetle wybranych źródeł i polskich opracowań wywiadowczych // Przegląd Wschodnioeuropejski. – 2021. – N 12/2. – S. 47–62.
6. Wołkonowski J. “Neutralność” Litwy podczas Bitwy Warszawskiej // Przegląd Wschodnioeuropejski. – 2021. – N 12/2. – S. 63–74.

УДК 94(460).088.2

ЕМЕЛЬЯНОВА Е.Н.* ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В ИСПАНИИ (1936–1939).

DOI: 10.31249/rhist/2022.04.07

Аннотация. В обзоре рассматриваются последние работы зарубежных историков по проблеме участия интернационалистов в гражданской войне в Испании 1936–1939 гг. Анализируется создание республиканского правительства Народного фронта и организация подчиненных ему Интербригад. Особое внимание уделяется деятельности некоторых руководителей и участников интернационального движения в защите испанской республики от фашизма.

Ключевые слова: фашизм в Испании; гражданская война в Испании; Народный фронт в Испании; интербригады; Коминтерн и гражданская война в Испании; Ф. Кнапич; Дж. Падмор.

EMELYANOVA E.N. Internationalists in the Spanish civil war (1936–1939).

Annotation. The review examines the latest works of foreign historians on the issue of participation of internationalists in the Spanish Civil War of 1936–1939. The creation of the republican government of the Popular Front and the organization of the International Brigades subordinate to it are analyzed. Particular attention is paid to the activities of some leaders and participants in the international movement in the defense of the Spanish Republic from fascism.

* Емельянова Елена Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: e.n.emelyanova@mail.ru

Keywords: fascism in Spain; spanish civil war; Popular Front in Spain; Interbrigades; Comintern and the spanish civil war; F. Knapich; J. Padmore.

Для цитирования: Емельянова Е.Н. Интернационалисты в гражданской войне в Испании (1936–1939). (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – 2022. – № 4. – С. 97–113. DOI: 10.31249/rhist/2022.04.07

Тема борьбы с фашизмом сегодня приобретает особую актуальность. В последнее время в зарубежной и российской историографии ей уделяется значительное внимание. Важный опыт войны с фашизмом был получен в Испании. Целью данной работы является анализ последних публикаций зарубежных исследователей по вопросу участия левых антифашистов в гражданской войне 1936–1939 гг.

Работа старшего преподавателя исторического факультета Эксетерского университета (Англия) Тима Риса «Народный фронт и гражданская война в Испании», опубликованная в 1-м томе сборника «Кембриджская история коммунизма» [4], дает подробный анализ эволюции теоретических взглядов руководства Коминтерна по вопросу тактики единого фронта от крайне левых установок в 1928 г., ориентированных на мировую революцию, до умеренных, допускающих создание коалиционных демократических правительств из всех антифашистских партий в 1935 г. Автор отмечает, что причиной крутого поворота в политике международного коммунистического движения стали приход к власти антидемократического режима Гитлера в Германии в 1933 г., ликвидация им крупнейшей в Европе Германской компартии; подавление правительством Дольфуса антифашистского восстания левых сил в Австрии в 1934 г.

Угроза фашистской агрессии заставила СССР и Францию в мае 1935 г. подписать пакт о взаимопомощи. В июле – августе того же года в Москве состоялся VII конгресс Коминтерна, который поставил основной задачей международного коммунистического движения борьбу с фашизмом и установление политических союзов с антифашистскими силами в виде Народных фронтов. Вместе с тем автор отмечает, что данная тактика рассматривалась Комин-

терном как временная и являлась этапом в переходе к коммунистической диктатуре [4, р. 260].

Анализируя эту тактику в нескольких странах (Франции, Чили и др.), Т. Рис уделяет большое внимание Испании. Гражданская война 1936–1939 гг. в этой стране стала кульминацией в реализации новой политики сотрудничества коммунистов с социал-демократами и всеми антифашистскими силами. По мнению автора, Народный фронт в Испании, как и в других странах, показал неустойчивость союза коммунистов с демократическими силами. Влияние компартии на политические события, по мнению Риса, было невелико. Несмотря на благие намерения в 1937 г. одного из лидеров испанских коммунистов, министра образования в двух коалиционных правительствах Эрнандеса, гражданская война закончилась политической борьбой в руководстве Испанской республики, которая окончательно разрушила Народный фронт. Результатом стало сокрушительное поражение, которое ускорило, по мнению автора, конец самого Коминтерна. Успехи политики Народного фронта были недолговечными, и в лучшем случае они скорее задержали, чем предотвратили распространение фашизма [4, р. 259].

Небольшая по численности Коммунистическая партия Испании (КПИ) не могла, по мнению Риса, играть ключевую роль в создании Народного фронта. Призывы лидера партии Хосе Диаса к объединению были первоначально отвергнуты или проигнорированы ИСРП¹ [4, р. 262].

В конце 1935 г. социалисты вели переговоры с левыми республиканцами об образовании избирательного союза и о воссоздании на новых условиях правительственной коалиции, которая в свое время привела в 1931 г. к созданию республики. В 1933 г. эта коалиция распалась в результате образования правоцентристского правительства без социал-демократов. В октябре 1934 г. была предпринята попытка свергнуть консервативное правительство. Но она закончилась неудачей. Организованное левыми партиями восстание рабочих в шахтерском районе Астурии было подавлено армией и полицией. Участники восстания были арестованы. Впоследствии КПИ попыталась приписать себе заслуги в этой «Ок-

¹ ИСРП – Испанская социалистическая рабочая партия.

тябрьской революции», что позволило партии завоевать доверие руководства Коминтерна.

Назначение новых выборов на февраль 1936 г. послужило толчком к формированию избирательного блока, целью которого было отстранить правых от власти. Первоначально КПИ была исключена из переговоров республиканцами и умеренным крылом ИСРП. Однако лидер левых социалистов Ларго Кабальеро настоял на том, чтобы компартия была включена в Народный фронт наряду с множеством других немногочисленных движений крайне левых. В противном случае партия осталась бы изолированной. Это было решение, о котором Кабальеро позже горько пожалел, поскольку оно способствовало тому, что авторитет КПИ стал неожиданно расти. Но все же компартия не обладала тогда еще большим влиянием. Об этом говорит тот факт, что ее яростные возражения против допуска троцкистов из ПОУМ¹ в коалицию были просто проигнорированы. Следовательно, как пишет Рис, компартия Испании оказалась весьма второстепенной силой в широком избирательном блоке, который варьировался от умеренных республиканцев до ортодоксальных и диссидентствующих коммунистов.

Хотя КПИ получила 17 депутатских мест в парламенте против одного ранее [4, р. 265], компартия и Коминтерн не имели намерения входить в коалиционное правительство. Выполнив предвыборную задачу, Народный фронт, по сути, прекратил свое существование. Вместо этого левые республиканские партии сформировали правительство меньшинства, в котором не было представителей рабочих движений, в том числе и социалистов. Но главная цель – отстранение правых от власти – была достигнута.

Оказывая давление на новое правительство, КПИ де-факто стала частью левой оппозиции как на улице, так и в парламенте. Совместно с левым крылом социалистов во главе с Ф. Ларго Кабальеро², тесно связанным с профсоюзами, партия призывала к социалистическому преобразованию общества. Рост влияния коммунистов, организация ими отрядов самообороны порождали

¹ ПОУМ – Рабочая партия марксистского единства.

² Франсиско Ларго Кабальеро – руководитель ИСРП и Всеобщего союза трудящихся, Председатель правительства Испании (4 сентября 1936 – 17 мая 1937).

опасения в возможности рабочего восстания. Это способствовало поляризации испанского общества и усилению опасности справа.

17–18 июля 1936 г. правые предприняли попытку государственного переворота, который стал началом гражданской войны. Внезапная вспышка конфликта в Испании создала условия, которые не только привели к возрождению Народного фронта, но и должны были изменить его природу и роль коммунистов в нем. Против фашистов на стороне республики выступили профсоюзы и левые партии, сформировавшие ополчение и взявшие власть на местах. Это усилило роль рабочих и привело к отставке правительства республиканцев.

Все понимали необходимость сотрудничества. ИСПП как самая влиятельная левая сила претендовала на то, чтобы стать центром коалиции. Однако когда Ларго Кабальеро согласился сформировать новое национальное правительство, потребовались длительные переговоры, прежде чем в начале сентября 1936 г. был объявлен состав нового кабинета министров. После консультаций с Москвой коммунисты вошли в правительство Народного фронта. Это решение было принято в связи с установкой Коминтерна и советского руководства на то, что серьезная угроза, исходящая от фашизма в Испании, теперь оправдывает участие в коалиции, поскольку помощь испанским фашистам обещали предоставить Италия и Германия. Советский Союз в отличие от европейских демократий, занявших позицию невмешательства, выступил на стороне республиканцев и оказал им военную поддержку. Два министра-коммуниста, Хесус Эрнандес и Висенте Урибе, вошли в состав первого по-настоящему представительного правительства Народного фронта в Испании. Наряду с социалистами в правительстве Кабальеро также были левые республиканцы, каталонские националисты и три члена Национальной анархической конфедерации труда. Отдельные коалиционные правительства были также созданы в автономных регионах Каталонии и Страны Басков [4, р. 269].

Достижение и сохранение единства имело первостепенное значение для победы в войне, и Коминтерн постоянно напоминал об этом руководству КПИ и еще одной компартии, ОСПК (Объединенная социалистическая партия Каталонии). Но теперь тактика Народного фронта использовалась во всех институтах власти, включая вооруженные силы. Это привело к переосмыслению по-

нимания республики уже не просто как «буржуазной» демократии, а как антифашистского режима с «прогрессивными» чертами, которые включали государственное управление экономикой, перераспределение земель и рабочий контроль на предприятиях. Таким образом, испанские и каталонские коммунисты продвигали идею «демократической республики нового типа», отчасти учитывающей интересы представителей среднего класса, но в основном отражающие чаяния рабочих и бедного крестьянства. Это изменение определения позволило испанским коммунистам энергично отстаивать тактику перехода от прежних нападков на парламентский режим к его защите. Более того, они теперь определяли войну не как гражданскую, а как войну за национальное освобождение против держав Оси и их фашистских союзников в Испании. Такая эволюция взглядов произошла с санкции Коминтерна, в частности, с одобрения Пальмиро Тольятти, представителя ИККИ в Испании [4, р. 270].

Правительство Народного фронта стало рассматриваться как этап на пути к социализму. Подобная постановка вопроса, с одной стороны, обострила конфликт коммунистов с революционно настроенными анархистами и троцкистами из ПОУМ, с другой стороны, по-прежнему вызывала настороженность союзников, которые считали поворот в их позиции лишь уловкой. Между тем влияние КПИ росло. К весне 1937 г. коммунисты занимали ответственные посты во всех организациях и учреждениях республики, включая армию, полицию и службы безопасности. Партия стала действительно массовой. КПИ продолжала выступать за создание объединенной организации рабочего класса, что означало слияние коммунистов с социалистами [4, р. 271]. Но одновременно коммунисты заняли непримиримую позицию в отношении анархистов, которые отвергали централизованные военные действия, и троцкистов из ПОУМ, требуя их исключения из Народного фронта как скрытых фашистов [4, р. 271]. Таким образом, Народный фронт так и не стал сплоченной коалицией, единой в своих целях, как надеялись в руководстве КПИ. Неудачи республиканцев на фронте только усугубляли ситуацию и усиливали конфронтацию внутри Народного фронта. К весне 1937 г. всеобщее недовольство руководством Ларго Кабальеро привело к тому, что он лишился поддержки собственной социалистической партии, а также республи-

канцев и коммунистов. В мае 1937 г. политический кризис усугубился вооруженным восстанием в Барселоне анархистов и троцкистов ПОУМ. Хотя мятеж был подавлен, Ларго Кабальеро был отправлен в отставку. При поддержке коммунистов новым премьер-министром стал умеренный социалист Хуан Негрин. Правительство, под давлением компартии, также запретило ПОУМ, проигнорировав убийство ее лидера Андреу Нина советскими агентами, и изолировало анархистов. Хотя эти организации по-прежнему участвовали в Народном фронте, их влияние существенно уменьшилось.

Несмотря на помощь Советского Союза и некоторые серьезные попытки захватить военную инициативу на фронте, в целом военные действия развивались не в пользу республиканцев. В марте 1939 г. правительство было свергнуто в результате внутреннего военного переворота, поддержанного рядом его сторонников, разочаровавшихся в способности положить конец войне и желавших заключить мир путем переговоров с Франко [4, р. 272]. Автор приходит к выводу о том, что этот переворот и военное поражение привели к концу Народного фронта в Испании.

Но в целом гражданская война 1936–1939 гг. показала возможность создания нового типа антифашистского демократического государства. Рис считает, что такая политика не была результатом сознательной стратегии, а являлась лишь реакцией на сложившиеся обстоятельства. Тем не менее прагматичный подход, принятый Коминтерном в отношении политических союзов, и тактика совместных действий в борьбе с фашизмом были очень важны. Опыт, приобретенный в Испании, широко использовался в движении Сопротивления и в организации послевоенных демократий в странах Восточной Европы. При этом коммунисты в целом не отказывались от своих стратегических целей и идеалов [4, р. 273–274].

Исследование научного сотрудника факультета гуманитарных наук Университета Катании Сальваторе Тине (Италия) «Тольятти и VII конгресс Коммунистического Интернационала» [5] свидетельствует, что выводы Риса не совсем точны.

В своей работе С. Тине анализирует вклад П. Тольятти в развитие тактики единого фронта. Автор отмечает, что идея политического единства была заложена в решениях Коминтерна еще в

1921 г. В 1927 г., в разгар «военной тревоги», на VIII пленуме Исполкома Коминтерна (ИККИ), Тольятти (вероятно, под влиянием Н. Бухарина) выдвинул идею создания широкого рабочего фронта для борьбы с войной [5, р. 233]. Лозунг защиты мира должен был объединить массы. Таким образом, Тольятти отстаивал идею единства всех рабочих организаций еще в период, когда VI конгресс Коминтерна (1928) взял противоположный – левый курс. В 1934–1935 гг. Тольятти утверждал, что единый народный фронт против фашизма может предотвратить войну. Эти идеи подготовили, в новых условиях укрепления фашизма в Европе, поворот в стратегии Коминтерна. Недаром лидер итальянских коммунистов был привлечен к теоретической разработке новых решений, принятых III Интернационалом на VII конгрессе (1935), и активно проводил их в жизнь в 1937–1939 гг. в период гражданской войны в Испании, будучи представителем ИККИ в этой стране. Автор обращает внимание на то, что на VII конгрессе Коминтерна Тольятти сформулировал основы концепции создания демократического правительства Народного фронта как новой формы борьбы за социализм, а также предложил создать всемирный единый фронт против фашизма, охватывающий все антифашистские силы в Европе и антиимпериалистические движения в колониях.

Таким образом, из работы С. Тине следует, что часть коммунистических теоретиков вслед за Лениным разрабатывали идеи демократического социализма еще в период 1920-х – первой половине 1930-х годов, и тактика Народного фронта в Испании не была случайной.

Большую роль в обороне Испанской республики от фашизма сыграли созданные правительством Народного фронта Интернациональные бригады. Деятельности интернационалистов этих военных подразделений посвящены статьи А. Хёбеля, А. Тонелли, А. Джудичи, М. Эльнаим [3; 6; 2; 1].

Работа доктора философии Неаполитанского университета Федерико П. Александра Хёбеля (Италия) «Луиджи Лонго – “Гарибальди XX века” во главе Интернациональных бригад в гражданской войне в Испании» [3] повествует об одном из руководителей Интербригад.

Луиджи Лонго в течение многих лет был ближайшим соратником лидера итальянских коммунистов Пальмиро Тольятти, а

после его смерти стал генеральным секретарем Итальянской коммунистической партии (с 1964 по 1972 г.). Будучи еще и одним из руководителей Коммунистического союза молодежи Италии, Лонго долгое время вел политическую работу среди итальянских эмигрантов в Швейцарии и Франции, часто бывал в СССР, а с начала 1930-х годов стал представителем Италии в Коминтерне. Лонго был членом Народного фронта во Франции, а затем участвовал в гражданской войне в Испании. Под псевдонимом «Галло», после краткого пребывания в должности политического комиссара батальона Гарибальди, он стал генеральным инспектором Интернациональных бригад. Вместе с Лонго работала его супруга Тереза Ноче [6].

На основе архивных документов и работ самого Лонго автор анализирует его деятельность в Испании. Как отмечает Хёбель, по мнению Лонго, конфликт в Испании носил глобальный характер – демократия против фашизма. По этой причине необходимо было установить единый фронт с крестьянством и мелкой буржуазией как сторонниками демократического развития. Лонго полагал, что нужно избегать любого разрыва с католическими массами, выдвигая лозунг не социализма, а «демократической республики» в качестве общей цели в борьбе с фашизмом [3, р. 354]. Таким образом, Лонго выступал за народную демократическую республику в качестве цели коммунистического движения уже в 1934 г., за год до решений VII конгресса Коминтерна.

С началом гражданской войны ИКП немедленно отправила в Испанию нескольких своих лидеров, среди них Лео Валиани, Челесте Негарвиле и др. Витторио Видали, находившийся в Испании с 1934 г., был одним из основателей Пятого республиканского полка. Лонго приехал в Испанию из Франции в августе 1936 г. В Мадриде он встретился с лидерами испанских коммунистов – генеральным секретарем Хосе Диасом и Долорес Ибаррури. В разговоре с Диасом с обеих сторон была подчеркнута необходимость «теснейшего единства всего трудового народа» с целью создания народной демократической республики [3, р. 354].

В то же время в Испанию прибывает республиканец Рандольфо Паччарди, который вместе с Лонго и социалистом Пьетро Ненни должен был организовать «итальянский легион», связанный с республиканской армией. 18 сентября 1936 г. в Мадриде Лонго

вручает Пятому полку знамя Коммунистической партии Италии, которая вела рабочие отряды на вооруженную борьбу против фашистов в 1921–1922 гг. Таким образом, прямо подтверждалась преемственность между антифашистской борьбой в Италии и войной в Испании.

Для набора добровольцев в испанские интернациональные отряды Лонго уехал во Францию. Он понимал, что главная проблема «Народной армии», созданной левыми партиями и профсоюзами после фашистского мятежа в июле 1936 г., состоит в отсутствии единого командования.

В октябре Лонго вернулся в Испанию с итальянским коммунистом Лео Валиани и сотнями добровольцев. В Мадриде он встретился с Диасом, Энрике Листером¹, Витторио Видали² и согласовал с ними план действий [3, р. 354]. А затем Галло отправился в Альбасете в штаб Пятого полка, где организовал прием прибывающих добровольцев.

Телеграмма Сталина Хосе Диасу о том, что СССР будет поддерживать республиканскую Испанию, способствовала еще большему притоку добровольцев и созданию Интернациональных бригад. Галло официально был «уполномочен испанскими товарищами» заняться их организацией. Вместе с другими интернационалистами он встречался с председателем правительства Ларго Кабальеро и президентом республики Мануэлем Асанья. Он был готов к сотрудничеству, поэтому изложил им конкретные требования добровольцев. Встреча разочаровала ее участников, но это было первое признание международных бригад [3, р. 355].

Вместе с другим итальянским лидером, Джузеппе Ди Витторио, и французским коммунистом Андре Марти Лонго вел политическую работу в Интернациональных бригадах. Главная его задача состояла в том, чтобы сделать бригады неотъемлемой частью испанской народной армии. На начальном этапе Лонго руководил итальянским батальоном Гарибальди. В ноябре 1936 г. батальон стал частью Двенадцатой бригады, возглавляемой венгерским

¹ Энрике Листер – испанский коммунист, во время гражданской войны командир Пятого полка, 1-й смешанной бригады, 11-й дивизии в Народной армии.

² Витторио Видали – итальянский коммунист, представитель Коминтерна, возглавлял коммунистический Пятый полк.

коммунистом Мате Залкой (генералом «Лукачем»), а Галло был его политическим комиссаром. Вскоре бригада приняла участие в битве за Серро-де-лос-Анхелес, недалеко от Мадрида. Несколько дней спустя, во время битвы при Посуэло-де-Аларкон, у ворот столицы, Лонго был ранен в руку. На Рождество 1936 г. испанское правительство назначило Галло генеральным инспектором Интернациональных бригад, ответственным перед Генеральным военным комиссариатом за всю политическую работу в них [3, р. 356], что означало окончательное признание подобных военных подразделений. С этого момента Галло стал политическим лидером около 50 тыс. добровольцев из 52 стран. Его ближайшим соратником был молодой итальянский коммунист Джулиано Пайетта. Галло издавал газету международных бригад «*Le Voluntaire de la Liberté*» на нескольких языках.

Галло организовал серию радиопередач, в них он обращался к итальянцам, которые были на противоположной стороне фронта и находились под воздействием «фашистской демагогии» [3, р. 356]. Он призывал переходить на сторону республиканской армии и народа. Эту тактику Галло использует позднее во время битвы при Гвадалахаре, в ходе которой итальянские бойцы окажутся на противоположных фронтах. В начале 1937 г. в Испанию приехала Тереза Ноче. Под именем Эстелла она заменила Лонго в качестве итальянского представителя в испанской компартии [6, р. 262].

Вскоре Галло переехал в Мадрид. Его задачей было интегрировать Интернациональные бригады в республиканскую армию. Он проводил многочисленные встречи с военным руководством республики, но политические конфликты препятствовали созданию единого командования. Галло считал, что причина в страхе части республиканцев перед растущей силой Интернациональных бригад и ИКП. Требования создать единое командование и преодолеть внутренние разногласия в антифашистском лагере исходили от самого испанского народа. Жители Валенсии вышли на массовые демонстрации с этими лозунгами после падения в феврале 1937 г. Малаги [3, р. 357].

Во время битвы за Гвадалахару (март 1937 г.) Галло координировал пропагандистскую деятельность. Республиканские военно-воздушные силы сбросили 20 тыс. листовок для итальянцев,

воюющих на стороне Франко, с призывом перейти в ряды республиканцев, где их «примут как братьев». Многие из военных действительно сделали выбор в пользу республики. Этот результат был достигнут благодаря тактике братания и политической работе с военнопленными. В итоге битва при Гвадалахаре в марте 1937 г. стала великой «политической победой» республиканцев.

Вскоре Лонго встретился с делегацией Социалистического Интернационала во главе с его лидером Ф. Адлером. Было принято решение о совместных действиях по вопросу о международном контроле за отправкой оружия [3, р. 358].

Отношения с троцкистами и анархистами у представителей Коминтерна были сложными, особенно после их мятежа. Когда новое республиканское правительство объединило все антифашистские силы кроме анархистов, Лонго послал поздравительную телеграмму президенту Хуану Негрину. Он считал, что восстание анархистов и троцкистов из ПОУМ в мае 1937 г. в Барселоне ясно показало, что они предали республиканцев, поддержав своим мятежом планы фашистов. Хаос ведет к поражению, полагал Лонго, необходимо единое командование.

Бомбардировку Герники в апреле 1937 г. Галло рассматривал как самую серьезную угрозу для демократии и мира, поэтому искал международной поддержки [3, р. 359]. Чтобы найти выход из тупика, Лонго в составе делегации Коминтерна встретился в Аннемассе (Франция) с лидерами Социалистического Интернационала. Встреча состоялась 21 июня. От Социалистического Интернационала присутствовали председатель Л. де Брукер и секретарь Ф. Адлер; от Коминтерна, помимо Лонго и французов М. Кашена и Ф. Бонте, – испанец П. Чека, немец Ф. Далем. Принятое итоговое заявление призывало к прекращению блокады республиканской Испании и обязывало два Интернационала к совместным действиям [3, р. 359].

В начале июля 1937 г. Галло вернулся в Испанию, в район Гвадаррамы, где он участвовал в битве при Брунете.

В 1937 г. в Испанию прибыл Тольятти. Галло теперь мог координировать свои действия с ним. В Альбасете Лонго собрал добровольцев-коммунистов. Он считал, что хотя «регулярная дисциплинированная армия» была уже создана, «пролетариат оставался все еще разобренным», каждый союз сохранял свои ополче-

ния. Разногласия с анархистами были очень глубокими, но с ними и со всеми республиканскими силами все равно следовало укреплять единство. Союз коммунистов с социалистами должен был быть более прочным. Только такая политика Народного фронта могла обеспечить победу.

Но и через год после создания Интернациональных бригад полного единства левых сил добиться не удалось. Ситуация осложнялась тем, что, по мнению Лонго, так называемая «политика невмешательства» великих держав на деле прикрывала фашистскую интервенцию и всячески противодействовала Советскому Союзу в оказании военной поддержки Испанской республике. В этих условиях единственным выходом оставались «развитие и консолидация народного фронта» с опорой на внутренние ресурсы.

В 1938 г., осознавая трудности, с которыми сталкивались правительство и армия, Лонго все еще не смирился с мыслью о поражении. Он предложил усилить пропаганду социалистических идей в форме организации демонстраций, работы среди крестьян, открытия библиотек и ликвидации неграмотности [3, р. 360].

Тем временем война шла к завершению. В 1938 г. Галло участвовал в тяжелейшей для республиканцев битве при Эбро. В связи с происходившей в это время немецкой оккупацией Судетской области Лонго писал: «Призрак мировой войны угрожает людям со всех сторон», но поражение фашизма в Испании помогло бы избежать ее. «Никогда еще так ясно не было видно, что в Испании решается судьба всего прогрессивного человечества» [3, р. 362].

Когда в феврале 1939 г. Лонго покидал Испанию с последними добровольцами, он знал, что эти бойцы просто меняют фронт, потому что борьба только началась. Несколько лет спустя Лонго использовал уроки испанской войны в антифашистской освободительной борьбе в Италии, когда он возглавил Гарибальдийские партизанские бригады, созданные коммунистами, и стал одним из лидеров итальянского движения Сопротивления.

Процесс формирования и подготовки интернационалистов рассматривается в статье независимого исследователя из Хорватии Антонио Джудичи «Воспоминания и интернационалистские идеи бойца революции между СССР и Испанией» [2]. В ней рассказывается о хорватском антифашисте Феличе Кнапиче. Он родился в

1909 г. в небольшой деревне рядом с городом Пула, в то время военным портом в Австро-Венгерской империи. По Рапалльскому договору 1920 г. Истрия вошла в состав Италии, а приход фашистов к власти и закрытие верфи в г. Пула сопровождались экономической депрессией: большое количество рабочих было уволено. В 1928 г. Кнапич поступил матросом на службу в Итальянский королевский военно-морской флот, где оставался до июля 1930 г. За антифашистскую пропаганду, он как социалист подвергался преследованиям. В конце концов Кнапич вынужден был бежать. С этого момента началось его европейское путешествие по нескольким странам: Австрии, Швейцарии, Франции, Лихтенштейну, СССР, Германии и Испании. В Австрии он попал в тюрьму. После освобождения Кнапич отправился в Лихтенштейн, затем во Францию и Швейцарию. В 1931 г. в Базеле он вступил в коммунистическую партию [2, р. 72]. В 1934 г. он стал делегатом партийной конференции в Париже, на которой было принято решение о создании антифашистского союза всех европейских левых партий. Затем его отправили в Цюрих, где Кнапич работал в течение шести месяцев секретарем италоязычной организации коммунистической молодежи. Он являлся одним из основателей еженедельного журнала «L'avanguardia della gioventù». В Швейцарии Ф. Кнапич вел политическую работу с итальянскими иммигрантами, с целью помешать фашистам привлекать молодежь в свои ряды.

По решению Итальянской коммунистической партии в октябре 1935 г. Кнапич был направлен в Москву, где поступил в Коммунистический университет национальных меньшинств Запада и Ленинскую международную школу. Так началась его работа в качестве сотрудника Коминтерна. С октября 1936 по январь 1937 г. он посещал секретную школу для офицеров.

Затем Кнапич отправился добровольцем на гражданскую войну в Испанию в звании лейтенанта. В советской офицерской школе он получил квалификацию командира взвода. На Пиренейском полуострове Ф. Кнапич служил инструктором под командованием полковника Маличева. Он принимал участие в боях при Арагоне, Уэски, Теруэле, на Эбро, Сегре. В конце 1938 г. Кнапич организовал в Торельо, недалеко от Барселоны, школу, где испанских солдат обучали управлению советскими танками и обращению с советским противотанковым оружием. В последние месяцы

войны он работал в Барселоне, в штабе международных бригад вместе с Луиджи Лонго. Во время отступления Лонго и Андре Марти поручили ему поддерживать связь между Генеральным штабом Интернациональных бригад и бригадой Гарибальди. Он был лейтенантом-инструктором и переводчиком в Генеральном штабе танкового батальона.

В конце войны Кнапич остался в Испании в распоряжении коммунистической партии в качестве военного советника вместе с другими товарищами из политических школ, несмотря на его большое желание вернуться в СССР. Он покинул Испанию 12 февраля 1939 г. и был интернирован в Гурсе (Франция), где находился до своего освобождения и возвращения в Швейцарию.

М. Эльнаим в своей статье «Черные американцы в составе Народного фронта против фашизма: эпоха антифашистской борьбы была решающим моментом для черных радикалов всех мастей» [1] анализирует причины, приведшие к расколу в коммунистическом движении в середине 30-х годов XX в., вследствие которого часть участников Народного фронта в Испании выступила на стороне троцкистов, а другая – на стороне официальных компартий. Автор исследует позицию афроамериканских коммунистов по этому вопросу. Он отмечает, что поворот в политике Коминтерна в 1935 г. от «левого» курса к «умеренному» (союзу со всеми антифашистскими силами и блоку СССР с Францией, США и Англией) воспринимались частью афроамериканских коммунистов как союз с колонизаторами и отказ от борьбы за освобождение колоний. Среди тех, кто придерживался таких взглядов, был Джордж Падмор.

Падмор, карибский профсоюзный деятель и журналист, был одним из самых известных чернокожих коммунистов в мире. Он также являлся ярким антифашистом. Поскольку Падмор рассматривал фашизм как порождение империалистических устремлений европейских держав, он считал, что лучшим способом противодействия ему должна стать борьба с этими империями. Союз СССР с империалистическими государствами воспринимался им как предательство коммунистических идеалов сталинским руководством Коминтерна. Для Падмора Народный фронт означал, что СССР встал на сторону английских и французских колонизаторов. Он вышел из Коминтерна и вместе со своими сторонниками присоединился к антифашистам троцкистского толка, которые счита-

ли, что деятельность Коминтерна направлена не на поддержку международного левого движения, а лишь служит внешнеполитическим интересам СССР.

Однако часть афроамериканцев, напротив, уехала в Испанию сражаться с фашизмом на стороне коммунистов. Как это ни парадоксально, Народный фронт сам побудил тысячи из них вступить в коммунистическую партию. Многие из тех, кто присоединился к Интернациональным бригадам в Испании, сделали это, чтобы бороться с Италией, захватившей Эфиопию и поддержавшей Франко. Среди них был американский чернокожий писатель Лэнгстон Хьюз. Он не только посетил СССР, но и участвовал в качестве корреспондента в военных действиях Интербригад в Испании.

Когда генерал Франко вербовал в свои войска чернокожих солдат из испанских колоний, сотни людей африканского происхождения, в том числе афроамериканцы, встали на защиту недавно избранного правительства Народного фронта Испании [1]. В 1936 г. 90 чернокожих американцев присоединились к международной бригаде имени Авраама Линкольна, чтобы защитить Испанскую республику от фашистов. Почти все они были коммунистами. Такие деятели искусства, как Поль Робсон и Лэнгстон Хьюз, отправились на передовую, чтобы поддержать этих солдат. Даже Дж. Оруэлл воевал в Испании на стороне троцкистской партии ПОУМ против франкистов [1].

Таким образом, историки, придерживающиеся либеральных и левых взглядов, по-разному оценивают роль Коминтерна и СССР в организации Народного фронта в Испании, причины разногласий в правительстве и неудач республиканской армии. Но в одном они едины: опыт, приобретенный интернационалистами в гражданской войне в Испании был очень важен для дальнейшей борьбы с фашизмом и использовался во время Второй мировой войны в организации движения Сопротивления.

Список литературы

1. Elnaïem M. Black Americans in the Popular Front against fascism : the era of anti-fascist struggle was a crucial moment for black radicals of all stripes // Daily. Jstor. – 2020. – November 12. – URL: <https://daily.jstor.org/black-americans-in-the-popular-front-against-fascism> (дата обращения: 29.06.2022).

2. Giudici A. Memories and internationalist ideas of a revolutionary fighter between USSR and Spain // *Левая альтернатива в XX веке : драма идей и судьбы людей. К 100-летию Коминтерна : сб. докладов Международной научной конференции. Москва, 26–28 июня 2019 г. / отв. ред. А.К. Сорокин. – Москва : Политическая энциклопедия, 2020. – П. 72–74.*
3. Höbel A. Luigi Longo : a «Garibaldi of the twentieth century» at the head of the International Brigades in the Spanish Civil War // *Левая альтернатива в XX веке: драма идей и судьбы людей. К 100-летию Коминтерна : сб. докладов Международной научной конференции. Москва, 26–28 июня 2019 г. / отв. ред. А.К. Сорокин. – Москва : Политическая энциклопедия, 2020. – П. 352–363.*
4. Rees T. The Popular Fronts and the Civil War in Spain // *The Cambridge history of Communism. – Cambridge : Cambridge univ. press, 2017. – Vol. 1 : World revolution and socialism in one country, 1917–1941 / ed. by S. Pons, S.A. Smith. – P. 256–274.*
5. Tinè S. Togliatti and the VII Congress of the Communist International // *Левая альтернатива в XX веке : драма идей и судьбы людей. К 100-летию Коминтерна : сб. докладов Международной научной конференции. Москва, 26–28 июня 2019 г. / отв. ред. А.К. Сорокин. – Москва : Политическая энциклопедия, 2020. – П. 232–243.*
6. Tonelli A. The Italian anti-fascist community in Moscow : The activity of communist women and the example of Teresa Noce // *Левая альтернатива в XX веке: драма идей и судьбы людей. К 100-летию Коминтерна : сб. докладов Международной научной конференции. Москва, 26–28 июня 2019 г. / отв. ред. А.К. Сорокин. – Москва : Политическая энциклопедия, 2020. – П. 257–262.*

УДК 930.2; 930.85; 614.4

ДУНАЕВА Ю.В.* БОЛЕЗНИ, ЭПИДЕМИИ И ПАНДЕМИИ В ГЛОБАЛЬНОЙ ИСТОРИИ. Часть 2.

DOI: 10.31249/rhist/2022.04.08

Аннотация. В обзоре тематического номера «Journal of global history» представлены как традиционные, так и новые подходы к изучению историй болезней и эпидемий. Эпидемии и пандемии предстают в качестве своего рода линзы в рамках глобальной и других направлений исторической науки. Подборка статей данного номера демонстрирует разные междисциплинарные подходы к изучению этих феноменов.

Ключевые слова: всеобщая история болезней; история пандемий; «гонконгский грипп» 1968 г.; лихорадка Эбола 2014–2015 гг.; COVID-19.

DUNAEVA Y.V. Diseases, epidemics and pandemics in global history. Part 2.

Abstract. A review of a thematic issue of the «Journal of global history» presents both traditional and new approaches to the study of histories of disease and epidemics. Epidemics and pandemics are presented as a lens within global and other areas of historical scholarship. A selection of articles in this issue demonstrates different interdisciplinary approaches to the study of these phenomena.

Keywords: universal history of disease; history of pandemics; 1968 «Hong Kong flu»; Ebola 2014–2015; COVID-19.

* Дунаева Юлия Вячеславовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: jvd14@inbox.ru

Для цитирования: Дунаева Ю.В. Болезни, эпидемии и пандемии в глобальной истории. Часть 2. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – 2022. – № 4. – С. 114–127. DOI: 10.31249/rhist/2022.04.08

Данная работа является продолжением обзора статей тематического номера «*Journal of global history*», посвященного анализу сравнений между прошлыми эпидемиями, пандемиями и сегодняшним COVID-19. Существующие параллели представляют собой своего рода отправную точку для изучения путей преодоления эпидемий подобного рода.

В статье новозеландского историка Дж. Райса (почетный профессор Университета Кентербери), автора ряда работ по истории медицины, утверждается, что память об эпидемии гриппа «испанка» в чем-то сыграла положительную роль в борьбе с COVID-19 в Австралии и в Новой Зеландии [4, с. 421]. Эти страны объединяет то, что в тот период они обе были британскими колониями со смешанным социальным и этническим составом: колонизаторы (британцы, шотландцы и др.) и местное население. Первые отличались более здоровым образом жизни, хорошо питались, местное же население было бедным и страдало от нехватки еды и медицинской помощи.

Австралия и Новая Зеландия по-разному пережили эпидемию «испанки». Первая волна прошла в этих странах позже и легче, чем на других континентах. Грипп распространялся широко, но первоначально количество смертей было незначительным. Вторая волна проходила в октябре – декабре 1918 г. и вызвала многочисленные потери в Новой Зеландии. Это была беспрецедентная катастрофа с большим количеством смертей, пишет Дж. Райс. Цифры заболевших и умерших разнились главным образом по этническому признаку: больше всего пострадало коренное население, меньше – пакеха (жители Новой Зеландии с преобладанием европейских генов).

Что касается Австралии, то здесь с середины октября 1918 г. был введен строгий морской карантин. Это отсрочило появление первой волны гриппа. Пандемия «испанки» проходила большей частью в 1919 г. и в более мягкой форме. В Мельбурне, пишет историк, первые случаи заболевания были зарегистрированы в январе, вероятно, инфекция была завезена с военного корабля. Сидней

стал первым городом, в котором были зарегистрированы случаи смерти от гриппа.

В Новой Зеландии дела обстояли иначе. По мнению Дж. Райса, официальная реакция властей была медленной и осторожной. По мере того как расширялись масштабы эпидемии, были приняты разные меры по предотвращению распространения заболевания. В частности, города были поделены на кварталы, в которых добровольцы отыскивали больных. Большинство заболевших выхаживали дома. Для лечения принимали аспирин и ставили горчичники. Общая ситуация была сложной – явно не хватало медицинского персонала, многие медики заражались гриппом и нередко умирали.

Банки, офисы, магазины и фабрики неделями были закрыты. Пик смертности среди выходцев из Европы был пройден к концу ноября, а к началу декабря достиг единичных показателей. Довольно сложно точно подсчитать, сколько туземцев умерло из-за болезни и недоступности медицинских препаратов. По мнению автора, среди них уровень смертности был в 8 раз выше, чем среди местного европейского населения.

В Австралии дела обстояли лучше. После введения строгого морского карантина в 1918 г. был разработан план борьбы с гриппом. Стали применяться вакцины, с помощью которых успешно боролись с бактериальными инфекциями. Хотя, напоминает Райс, в то время о вирусах было почти ничего не известно, однако была создана вакцина против легочных осложнений гриппа, которая спасла немало жизней.

Были определены полномочия властей разного уровня. Ответственность за карантинные мероприятия взяло на себя федеральное правительство. Власти штатов контролировали работу больниц и службы скорой помощи.

Так же, как и в Новой Зеландии, по данным о заболевших и умерших австралийцах видно, что меньше пострадавших было среди европейского населения, огромные потери были среди местного населения (маори), которое зачастую отказывалось от медицинской помощи. Райс приводит слова одного из врачей: «Они просто потеряли желание жить» (цит. по: [4, с. 425]).

Пережитая эпидемия заставила власти Новой Зеландии и Австралии предпринять меры в области организации здравоохранения. В 1920 г. в Новой Зеландии был принят Закон о здраво-

охранении и организован независимый Совет по здравоохранению, контролировавший работу больниц и всей системы охраны здоровья. Департамент состоял из семи отделов, в которых работали медики и научный персонал, а его административная структура была тщательно продумана. Райс подчеркивает, что хотя в последующем были приняты новые законы о здравоохранении, сама система была настолько эффективной, что просуществовала до 1980-х годов.

Что касается Австралии, то там реакция была иной. В 1921 г. был принят Закон о здравоохранении, в котором были учтены уроки «испанки». В отличие от новозеландского законодательства австралийское было более ориентировано на то, как устроить карантин; закрывать или не закрывать государственные границы; как предотвратить распространение новых инфекций за пределы страны, пишет историк. Перед Министерством здравоохранения были поставлены несколько целей: сбор данных о заболевших и умерших; научное исследование болезней, от которых могут пострадать австралийцы; профилактика и контроль за заболеваниями; просвещение населения по вопросам гигиены и общественного здоровья.

В обеих странах пандемия «испанки» повлияла даже на градостроительство. Наличие трущоб в старых частях городов стало шоком для власти. Были пересмотрены строительные нормы. Предпочтение отдали строительству одноэтажных домов с большими участками, посаженными деревьями.

Австралия и Новая Зеландия извлекли полезные уроки из эпидемии «испанки» 1918 г., а также последующих эпидемий гриппа («птичьего гриппа» и т.п.). Райс отмечает, что, несмотря на различие в деталях, в современных документах, регламентирующих мероприятия во время эпидемии в обеих странах, есть похожие пункты. «Австралия обозначала четыре фазы пандемии: “профилактика”, “готовность”, “реагирование”, “восстановление”. Авторы новозеландского плана использовали более разговорный стиль, выделив шесть фаз: “планировать”, “не допустить”, “ликвидировать”, “управлять”, “пост-пиковое ослабление”, “восстановление после»» (цит. по: [4, с. 429]).

Оба плана предусматривали ответные меры всего правительства, в соответствии с которыми все министерства и ведомства должны были создать команды из персонала, обученного процеду-

рам борьбы с пандемией, продолжает Райс. Это объясняется тем, что в 1918 г. столица Новой Зеландии Веллингтон на неделю оказалась без руководства, потому что несколько крупных чиновников заболели гриппом. Параллельно планировалось создание групп, координирующих соответствующие мероприятия во время эпидемии. Обе страны предприняли превентивные меры предосторожности. Был создан запас противовирусных препаратов, антибиотиков, средств индивидуальной защиты и т.п.

Далее автор описывает, как эти страны отреагировали на пандемию COVID-19. Первый подтвержденный случай заболевания был у гражданина Китая, прибывшего в Мельбурн, столицу штата Виктория. Эпидемия постепенно нарастала, стали появляться первые признаки панических настроений, люди готовились к экстремальной ситуации и лихорадочно закупали продукты. Хотя школы продолжали работать, были закрыты места общественного пользования: церкви, предприятия общественного питания, казино, спортивные залы и т.п. Вдобавок было рекомендовано соблюдать дистанцию в местах скопления людей и по возможности избегать личных контактов. Вскоре были закрыты границы страны.

Реакция Новой Зеландии, по мнению автора, была более быстрой и масштабной. Ещё до того, как в стране появились первые больные, был создан Национальный координационный центр здравоохранения для мониторинга ситуации с заболеванием. Приехавшие из Китая новозеландцы помещались на двухнедельный карантин. Затем правительство постепенно закрыло границы. Но, несмотря на предпринятые меры, был подтвержден первый случай заболевания. Правительство потребовало, чтобы все люди старше 70 лет оставались дома, были закрыты школы, а вскоре часть предприятий и муниципальных служб были переведены на четырехнедельный карантин. Райс отмечает, что довольно быстро в СМИ стали проводить параллели с «испанкой» начала XX в. На момент написания статьи автор придерживается мнения, что следует подготовиться к борьбе с затяжной пандемией.

В статье специалиста по социальной истории болезней Г. Филлипса (заслуженный профессор истории, Кейптаунский университет) рассматриваются отношения между религией и наукой во время эпидемий [3]. Историк берет в качестве примеров эпидемию холеры 1817 г., «испанку» 1918 г. и пандемию COVID-19.

Его внимание сосредоточено на том, как взаимодействовали и взаимодействуют религия и наука во время таких кризисных ситуаций. Поскольку одни историки утверждают, что наука и религия в такие периоды мирно сосуществуют, а другие ученые считают, что они находятся в «состоянии войны», это следует учитывать как важный фактор. Такие противоречивые точки зрения распространены как среди ученых, так и среди широкой общественности.

Когда в 1817 г. холера распространилась практически по всему миру: от дельты Ганга до Восточной Африки, от Европы до Северной Америки (1820–1830-е годы), прослеживалось усиление религиозных настроений в разных странах. Людям требовались объяснения, почему болезнь поражает их, распространяется с такой скоростью и сопровождается острыми симптомами. Представители медицины на тот момент не могли внятно объяснить причины возникновения и быстрого распространения болезни, зато это делали религиозные деятели. В Индии население верило в то, что боги были недовольны или рассержены на них. Местные жрецы проводили обряды, чтобы умиловить божества. Мусульмане рассуждали примерно так же. По мнению авторитетных знатоков ислама, причинами болезни стали козни джиннов и злых духов. Причины болезни объяснялись гневом Аллаха и предлагались свои специфические средства – поиск божественного заступничества и использование талисманов со стихами из Корана, пишет историк. Примерно так же обстояли дела в христианских странах: православных, католических и др. Эпидемия холеры объяснялась божьим наказанием за грехи человеческие.

Прошло почти сто лет, и мир охватила новая пандемия – «испанка». Несмотря на бурное развитие медицины в те годы, по-прежнему доминировали религиозные объяснения возникшего бедствия. Мусульмане воспринимали ее как волю Аллаха, как суровое испытание их веры. Однако были и другие точки зрения: например ортодоксальные иудеи считали бесполезным искать объяснений причины болезни, ведь «такое знание слишком высоко для нас, чтобы достичь его» (цит. по: [3, с. 438]).

Большинство африканцев, приверженцев традиционных верований, считали, что причина эпидемии имеет мистические корни. Смертность такого масштаба наверняка была происком злых людей, колдунов или шаманов, ведьм или волшебников, движи-

мых гневом, злобой и завистью. Отдельные семьи нанимали шаманов, чтобы те нашли и наказали виновников эпидемии.

В некоторых направлениях христианства, в частности в католическом вероисповедании, по-прежнему объясняли «испанку», как и раньше, гневом божьим за грехи человеческие. В то же время протестанты призывали соединять последние научные достижения с верой во всемогущество Бога. Они обращались к прихожанам, чтобы те соблюдали правила гигиены, как личной, так и общественной. Также они призывали вакцинироваться и принимать лекарственные средства.

Во время нынешней пандемии, продолжает далее автор, появились новые, виртуальные возможности осуществления религиозных обрядов, чем воспользовалась часть христианских проповедников. Автор отмечает, что по-прежнему существует точка зрения христианских фундаменталистов, которые объясняют COVID-19 происками дьявола. Есть и такие христиане, например, священники-кальвинисты в Голландии, которые считают, что пандемия – это наказание божье за грехи. Один из раввинов в Израиле объяснил причины эпидемии гневом Бога за проведение гей-парадов.

Г. Филлипс подчеркивает, что римско-католическая и протестантская церкви согласны с тем, что необходимо сочетать меры предупреждения и безопасности, наряду с отправлением христианских обрядов. Так, в Англии были закрыты церкви и церковные здания, за исключением тех, в которых помогали и кормили бедных и беспризорных.

В мае 2020 г. Папа Франциск призвал религию соединиться с наукой, а также объединиться всем конфессиям и вероисповеданиям. 14 мая 2020 г. был назначен днем молитвы и поста, в этом же месяце проходил священный для мусульман праздник Рамадан. «Раскрывая этот призыв от имени Папы и его экуменического Высшего комитета человеческого братства, второй папский секретарь, монсеньор Иоаннис Гайд, призвал верующих молиться о том, чтобы “Всемогущий Бог вдохновил и направил ученых и исследователей на скорейшее открытие вакцины”» (цит. по: [3, с. 442]). Также священнослужитель добавил, что «хотя области современной и традиционной веры часто воспринимаются как несовместимые, между ними нет противоречия, что и продемонстрировала

пандемия. Есть взаимодополняемость. Наука без веры остается без горизонта, а вера без науки остается без поддержки. Это великий урок COVID-19» (цит. по: [там же]). К этому призыву сотрудничества науки и веры присоединились также глава Восточной православной церкви патриарх Варфоломей и Великий имам каирского Аль-Азхара шейх Ахмад эль-Тайеб. В том же духе высказался и генеральный директор ВОЗ, по его мнению, необходимо сочетать научные достижения и веру в бога.

Роберт Пекхэм (профессор Университета Гонконга, основатель и директор Центра гуманитарных наук и медицины) рассматривает эпидемию гриппа в Гонконге в 1968 г. и реакцию на нее со стороны США и КНР [2]. Он объясняет это тем, что о гриппе «испанка» написано гораздо больше, чем об эпидемиях «азиатского гриппа» 1957 г. и «гонконгского гриппа» 1968 г.

Автор отмечает тот факт, что на момент написания статьи отношения между США и Китайской Народной Республикой некоторые комментаторы называют «холодной войной». COVID-19, объясняет Пекхэм, развернулся на фоне торговой войны между США и Китаем, обострения соперничества в Южно-Китайском море, антиправительственных выступлений, принятия Пекином нового закона о безопасности в Гонконге, а также расовых беспорядков в США.

Далее историк описывает, как проходил «гонконгский грипп». Было две волны болезни. Первая волна пришлась на 1968–1969 гг., за ней последовала вторая, более мягкая волна 1969–1970 гг. США пострадали больше в первую волну, а другие страны, такие как Великобритания и Франция, понесли значительный ущерб во время второй волны, пишет Пекхэм.

В июле 1968 г. одна гонконгская китайязычная газета сообщила о вспышке гриппоподобного заболевания. По всей вероятности, штамм был завезен военнослужащими, вернувшимися из Вьетнама. Вскоре стала приходить информация о заболевании из других провинций Китая. Эпидемия накаляла и без того нелегкую ситуацию в стране – она совпала с проводимой Мао Цзедуном «культурной революцией». Эти два фактора заставили тысячи людей переехать в Гонконг, который в то время был под управлением британской короны.

Гонконгский медицинский центр усилил контроль на границе, но тестирования не проводились и не вводились карантинные меры. Уровень смертности был довольно высоким – за первые две недели погибло 15% населения. Гонконгская пресса назвала эпидемию «гриппом-убийцей», пишет историк. К августу 1968 г. грипп распространился на Вьетнам, Сингапур, затем на Филиппины, Индию и США. Представители здравоохранения США не ожидали такой вспышки болезни. В Нью-Йорке было объявлено чрезвычайное положение, хотя школы и предприятия оставались открытыми. Более того, в перерывах между волнами гриппа проводились массовые мероприятия, в частности был проведен музыкальный рок-фестиваль в Вудстоке.

В прессе эпидемия освещалась по-разному, если «Нью-Йорк таймс» объявил ее «одной из худших в истории страны» (цит. по: [2, с. 451]), то другие газеты не уделяли ей такого внимания. Между тем отношение к гриппу приобрело политическую окраску: некоторые СМИ называли его «Красный Китай», или «грипп Мао». Интересно, что в ходе эпидемии заболели один из астронавтов миссии «Аполлон-8» и президент США Линдон Джонсон.

В заключение статьи автор отмечает, что «гонконгский грипп» – «одна из первых пандемий, в ходе которой систематически применялись современные вирусологические методы лечения» [2, с. 456]. Пекхэм считает, что реакцию на гонконгский грипп следует рассматривать в связи с тем, что была создана система долгосрочного планирования и прогнозирования эпидемий. Также необходимо учитывать усилия по разработке вакцин. Вдобавок историк отмечает тот факт, что несмотря на напряженную международную обстановку удалось наладить сотрудничество между США и Китаем, а также между США и СССР. Отношения между странами постепенно улучшались, в 1972 г. американский президент Р. Никсон посетил Китай, в том же году страна вступила в ВОЗ. Что касается СССР, то в алма-атинской Декларации 1978 г., принятой под патронажем ВОЗ, были закреплены новые правила первичной медико-санитарной помощи. Это первый международный документ такого рода.

Материал Кавиты Сиварамакришнан (ассоциированный профессор, Колумбийский университет) посвящен тому, как эпидемии гриппа разных лет влияли на экономику и образ жизни жи-

телей городов [6]. Историк уделяет внимание не только ситуации в Индии, но и международному сотрудничеству в области здравоохранения.

Пик заболевания гриппом пришелся на лето 1957 г. – вирус постепенно распространялся по городам Индии. Зачастую заболевали целые семьи, что усиливало тревогу населения. Хотя эпидемия гриппа не сопровождалась высокой смертностью, все же были предприняты попытки создать вакцину.

По мнению исследовательницы, постколониальное положение Индии вызвало соответствующую реакцию. Власти сосредоточились на экономических последствиях эпидемии, а не на самом заболевании и мерах по борьбе с ним. Были распределены обязанности разных уровней власти. Так, именно местные власти были наделены полномочиями принимать законы об эпидемиях и общественном здравоохранении, высшие эшелоны власти в первую очередь беспокоило то, как кризис повлияет на модернизацию страны, какие возникнут трудности в промышленности (массовые заболевания рабочих) и т.п. К тому же в эти годы нередко высказывались опасения по поводу возможной бактериологической войны.

Далее в статье уделяется внимание тому, как эпидемия проходила и развивалась в городской среде. Например, в Бомбее особое беспокойство вызывали массовые заболевания рабочих, а значит, их обнищание, ведь зарплаты не выплачивались. Были частично парализованы такие стратегически важные инфраструктуры города, как железная дорога, почта, телеграф. Снизилась производительность труда в разных секторах экономики, ведь более высокий уровень инфицирования был среди рабочих, а служащие, административные и офисные работники пострадали меньше.

Политики извлекли соответствующие уроки из эпидемии. В частности, они отметили, что существуют проблемы чрезмерного перенаселения городов. Также они подчеркнули важность защиты здоровья населения в густонаселенных городах и необходимость привлечь внимание к инфраструктуре и объектам здравоохранения на разных уровнях. Но, как считает К. Сиварамакришнан, «вместо того, чтобы анализировать фундаментальные причины проблем со здоровьем, такие как бедность и социальное обеспечение, объектом политической и общественной риторики и дискуссий как во

время эпидемии, так и после нее, стала “битва” с патогенами и микробами» [6, с. 470].

Во время эпидемии правительство призывало население не создавать паники, а конструктивно сотрудничать. Однако, по мнению Сиварамакришнан, усилия по обеспечению сотрудничества и социального обеспечения людей при помощи государственных страховок были недостаточными. Историк подчеркивает, что основные опасения были связаны не с развитием эпидемии, а с тем, как она влияет на планы модернизации и темпы промышленного производства.

В сентябре 1968 г. началась новая эпидемия гриппа. Предположительно инфекция была занесена с пришедшего корабля. На этот раз реакция была иная. Медицинские и промышленные эксперты и работники не стали рассматривать грипп только как угрозу проектам модернизации, препятствие промышленному росту и т.п. Теперь внимание уделялось именно распространению болезни, особенно среди голодающих бедняков, которым было сложно получить медицинскую помощь. Новшеством стала забота о социально-психологическом состоянии разных слоев населения. Эти и подобные им исследования финансировались государством, а медицинские работники привлекли внимание к тому, что бедные и полуголодные люди больше подвержены риску заболевания.

Шейн Дойл (Университет Лидса) подробно описывает, как в Уганде при помощи «мягкой силы» боролись с эпидемией ВИЧ/СПИД [1]. Он обращает внимание на то, что эпидемии подобные этой или пандемии коронавируса представляют угрозу не только для внутренней социальной стабильности стран и здоровья населения, но и для международной репутации государств.

Ш. Дойл указывает на различия между этими заболеваниями: COVID-19 поражает в основном пожилых людей, у него короткий период между заражением и проявлением заболевания. ВИЧ существовал несколько десятилетий, прежде чем врачи обратили на него внимание. Не исключено, что это было вызвано тем, что первоначально ВИЧ распространялся в Африке, предполагает исследователь.

О масштабах эпидемии говорит тот факт, что когда Й. Мусевени пришел к власти в Уганде, большая часть Национальной гвардии была инфицирована ВИЧ. С самого начала президент

настаивал на том, чтобы правдиво информировать население о характере, причинах и способах уменьшить риск заражения. Такая политика, по мнению государственного деятеля, должна вызвать страх и способствовать изменению поведения населения. Свою роль сыграло и то, что государство поощряло школы, религиозные и другие организации распространять информацию об опасности заболевания и о том, как его избежать. Автор отмечает, что такая политика была вызвана внутренними причинами, а не международным давлением.

Чувство моральной ответственности также побуждало президента к сотрудничеству с международными организациями. Репутация Уганды, как страны, проводившей открытую политику в отношении ВИЧ/СПИД, сыграла положительную роль и обеспечило ей международную поддержку. К тому же предпринятые меры помогли убедить ВОЗ выделить значительные средства на борьбу с эпидемией. В 1986 г. была создана Глобальная программа ВОЗ по СПИДу, и Уганда первая откликнулась на призыв разработать среднесрочный национальный план борьбы с эпидемией. Вдобавок к этому Уганда первая получила материальную помощь в размере 1,4 млн долл. США. Также она была первой страной, в которую были командированы сотрудники ВОЗ для борьбы с этой эпидемией. А в 1988 г. Уганда стала первой страной, начавшей систематический обзор и изменение своей среднесрочной программы борьбы с ВИЧ, все это делалось при помощи ВОЗ. Однако к началу 2000-х годов репутация Уганды постепенно стала ухудшаться, свой вклад внесли коррупционные скандалы и то, что правительство стало уделять меньше внимания болезни.

Завершает номер статья антрополога Пола Ричардса, (почетный адъюнкт-профессор, Вагенингенский университет). Его материал довольно специфичен. Он сравнивает отношение международного сообщества к лихорадке Эбола (2014–2015) и эпидемии COVID-19 в Сьерра-Леоне. При этом он уделяет большое внимание истории страны, особо выделяя ее колониальное прошлое – португальское и британское.

Сосредоточимся на основной теме статьи – эпидемии Эбола и пандемии COVID-19. Правительство Гвинеи сообщило о вспышке лихорадки в ВОЗ в декабре 2013 г. Таким образом к лихорадке было привлечено внимание международной общественности и бы-

ла оказана соответствующая гуманитарная и медицинская помощь. Поэтому удалось остановить распространение эпидемии и ограничить ее.

Болезнь быстро передавалась от человека к человеку, чему отчасти способствовало перемещение народа кисси между тремя странами: Гвинеей, Либерией и Сьерра-Леоне. Первые случаи лихорадки были выявлены в практике местного знахаря и медсестры, лечивших пациентов в Гвинее. Также распространению болезни способствовало то, что жители предпочитали лечиться на дому и заражали близких и родных. Особенности местных погребальных обрядов также сыграли свою роль. Международным волонтерам потребовалось время, чтобы осознать эти и подобные им факторы, связанные с местными обычаями и традициями.

COVID-19 проявился в стране в апреле 2020 г. как часть глобальной пандемии. В стране был введен карантин как между районами, так и местный: были закрыты школы и местные сельскохозяйственные рынки; приостановлены службы в церквях и мечетях. Эти и другие меры отчасти замедлили распространение пандемии. Однако карантин, введенный между районами, имел серьезные последствия – ухудшилось продовольственное снабжение, и поэтому он довольно быстро был отменен в июне 2020 г. Несомненно, пишет антрополог, вовремя принятые карантинные меры помогли сдержать распространение болезни. К тому же COVID-19 быстро распространяется в закрытых помещениях, а на открытом воздухе вирус не так активен. Пандемия пришлась на самую жаркую часть засушливого сезона, когда жители больше времени проводили на улице в тени. Таким образом природный фактор сыграл свою положительную роль.

Что касается изучения эпидемий и пандемий, то, по мнению ученого, следует уделить внимание математическому моделированию. И африканским странам будет полезно применить на практике полученные научные данные. Сравнительное изучение пандемий поможет по-новому взглянуть на социальные и исторические процессы. Лихорадка Эбола в основном была локализована в трех странах: Гвинее, Либерии и Сьерра-Леоне. Масштабы заболевания потребовали международной помощи. Большую роль сыграли французские, американские и британские военные миссии, а также помощь России и Китая. COVID-19 в Сьерра-Леоне не вызвал та-

кой международной помощи, страна боролась с пандемией собственными силами, опираясь на уроки, извлеченные из эпидемии лихорадки Эбола, заключает автор.

Список литературы

1. Doyle S. Pandemics and soft power : HIV/AIDS and Uganda on the global stage // *Journal of global history*. – 2020. – Vol. 15, N 3. – P. 478–492.
2. Peckham R. Viral surveillance and the 1968 Hong Kong flu pandemic // *Journal of global history*. – 2020. – Vol. 15, N 3. – P. 444–458.
3. Phillips H. '17, '18, '19 : religion and science in three pandemics, 1817, 1918, and 2019 // *Journal of global history*. – 2020. – Vol. 15, N 3. – P. 434–443.
4. Rice G. How reminders of the 1918–19 pandemic helped Australia and New Zealand respond to COVID-19 // *Journal of global history*. – 2020. – Vol. 15, N 3. – P. 421–433.
5. Richards P. Ebola and COVID-19 in Sierra Leone : comparative lessons of epidemics for society // *Journal of global history*. – 2020. – Vol. 15, N 3. – P. 493–507.
6. Sivaramakrishnan K. Endemic risks : influenza pandemics, public health, and making self-reliant Indian citizens // *Journal of global history*. – 2020. – Vol. 15, N 3. – P. 459–477.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 303.929; 94(450).083

ЭМАН И.Е.* Рец. на кн.: LORENZINI J. L'ELMO DI SCIPIO. STORIE DEL RISORGIMENTO IN UNIFORME. – Roma : Salerno, 2020. – 328 p. DOI: 10.31249/rhist/2022.04.09

Ключевые слова: военная история; история Рисорджименто; взаимодействие Севера и Юга Италии; биографии.

Keyword: military history; history of the Risorgimento; interaction between North and South Italy; biographies.

Для цитирования: Эман И.Е. [Рец.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – 2022. – № 4. – С. 128–132. Рец. на кн.: Lorenzini J. L'elmo di Scipio. Storie del Risorgimento in uniforme. – Roma : Salerno, 2020. – 328 p. DOI: 10.31249/rhist/2022.04.09

Название книги итальянского историка, специалиста в области военной истории Якопо Лоренцини (Университет Мачераты) сразу привлекает к себе внимание. Время создания единого Итальянского государства – эпоха Рисорджименто – было поворотным этапом для государств Апеннинского полуострова. Военная составляющая этого процесса, бесспорно, является важной, принимаемая во внимание, что военная история Рисорджименто все еще не столь многопланово представлена, и работ по данной тематике вышло, по сравнению с другими проблемами истории Рисорджименто, совсем немного. Исследование Лоренцини, с нашей точки зрения, является весьма важным шагом в развитии современной

* Эман Ирина Евгеньевна – научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: mit.semikozov@mail.ru

дискуссии относительно объединения Италии, поскольку вопрос о роли Севера и Юга страны в этом процессе до сих пор порождает острые споры.

К каким выводам приходишь по прочтении новой работы Лоренцини?

Подход автора к изучению военной истории Рисорджименто нетрадиционен. В центре исследования – биографии трех профессиональных военных, уроженцев Юга и Севера Италии, трех артиллерийских офицеров, впоследствии ставших генералами в армии объединенной Италии. Остановимся на трех биографиях подробнее.

Джузеппе Сальваторе Пьянель (1818–1892) родился в Палермо, в буржуазной семье. Он был профессиональным военным, сторонником Бурбонской династии, участвовал в подавлении восстаний в Калабрии и Сицилии (1848–1849 гг.), а также во время действий гарибальдийской «Тысячи» на Сицилии в июле 1860 г. Вскоре после вступления Гарибальди в Палермо большая часть Сицилии освободилась от владычества Бурбонов. Для защиты континентальных владений Королевства Пьянель предлагал по возможности сконцентрировать все военные силы. Его точку зрения поддержал военный совет в Неаполе. Пьянель получил должность военного министра в конституционном правительстве Франсиска II. Опыт пребывания на военных постах Королевства Обеих Сицилий убедил Пьянеля в том, что спасти государство, переживавшее глубокий кризис, уже не представлялось возможным. Когда король отклонил предложения Пьянеля дать бой Гарибальди на подступах к Салерно, тот подал в отставку с поста военного министра, уехал во Францию. После провозглашения Итальянского Королевства Пьянель был принят в Итальянскую армию.

Со своей стороны отметим, что на континентальном Юге Италии не произошло полного разрыва буржуазии с династией Бурбонов. В 1860 г., когда кризис Королевства Обеих Сицилий достиг высшей точки, страх перед крестьянскими восстаниями в какой-то мере подтолкнул либералов к поддержке идеи объединения Италии, побудил многих сторонников Бурбонов способствовать тому, что буржуазия решилась на присоединение к королевству Виктора Эммануила. С этой точки зрения вполне объяснима

своеобразная парабола перехода Пьянеля с позиций защитника и сторонника Бурбонов на позиции союза с Пьемонтом.

В первой войне за независимость Италии против Австрии 1866 г. Пьянель отличился в битве при Кустоце как командующий итальянским дивизионом, единственным не отступившим перед перешедшими в контрнаступление австрийцами. В 1869 г. Пьянель становится командующим вооруженными силами Итальянского Королевства в Южной Италии, неоднократно был депутатом и сенатором Итальянского парламента.

Энрико Козенц (1820–1898) так же, как и Пьянель, родился в буржуазной семье, в Гаэте, служил капитаном-артиллеристом в Неаполитанской армии. Затем добровольцем участвовал в первой войне за независимость при защите Венеции, последовав за генералом Гульельмо Пепе в составе войск, посланных королем Франциском II (но отозвавшим свои войска в связи начавшимся восстанием в Неаполе). Козенц принимал участие в защите форта Мегара и Пьяццале, был дважды ранен. Он также участвовал и во второй войне за независимость 1866 г., сражался в битве за Варезе.

В 1860 г. Козенц руководил третьей экспедицией гарибальдийской «Тысячи» на Сицилию, для чего вошел в ряды Сардинской армии, при этом отличился в битве при Милаццо. Вместе с гарибальдийцами Козенц участвовал в переправе через Мессинский пролив на полуостровную часть Италии, высадился в Фаваццини и 23 августа вместе с Гарибальди под восторженные приветствия толпы вошел в Неаполь. Козенц занимал пост военного министра во время действия правительства Гарибальди в Неаполе. В дальнейшем, вместе с другими сподвижниками Гарибальди Козенц вступил в ряды Итальянской королевской армии.

Чезаре Рикотти-Маньяни (1822–1917) родился на Севере Италии в Борголавеццаро (близ Новары). Он также был выходцем из буржуазной семьи, служил в артиллерийских войсках и также сделал успешную карьеру, став генералом и военным министром в Итальянском Королевстве. Отличился в бою и был ранен при осаде Пескьеры-дель-Гарда в 1848 г. В 1864 г. в должности дивизионного генерала участвовал в битве при Сан-Мартино в ходе войны Италии против Австрии и Франции. Он также принимал участие в войне Италии 1866 г. против Австрии и Пруссии. Рикотти, кавалер ордена Аннунциаты и сенатор, сделал блестящую военную карьеру,

был военным министром в правительствах Д. Ланцы и М. Мингетти (1871–1870) и в правительствах А. Депретиса (1884–1887), автором военной реформы в армии объединенной Италии.

Итак, три героя, три судьбы. Все они родились в эпоху Реставрации, в буржуазных семьях, (автор подробно пишет об их семейных укладах, социальном происхождении), в разных частях Италии: на Севере и на Юге. Они придерживались различных пристрастий и политических убеждений, как, например, сторонник Гарибальди Козенц или сторонник династии Бурбонов Пьянель.

Поворотным этапом их личных судеб (как и судьбы Италии) стало революционное двухлетие 1847–1848 гг., включившее в себя восстание в январе 1848 г. в Королевстве Обеих Сицилий, сначала в Палермо, потом в Неаполе. Королевство стало первым среди государств Апеннинского полуострова, где была введена конституция. Эти годы, как видно из данных биографий, определили судьбы героев уже в объединенной Италии. Каждый из протагонистов книги сделал свой выбор: и гарибальдиец Козенц, и сторонник Бурбонской династии Пьянель, и пьемонтец Рикотти Маньяни, каждый из них прошел путь от офицера в армии Королевства Обеих Сицилий и армии Сардинского Королевства до генерала, каждый добился высоких должностей в Итальянском Королевстве, сделав успешную военную карьеру.

На примере биографий своих героев автор показал, что настоящими строителями новой, объединенной Италии были не только крупные политические деятели, известные идеологи или известные всему миру герои Рисорджименто. Для Лоренцини важно было проследить, как шел процесс создания итальянской армии, ее профессионализация в период Реставрации на Севере и Юге страны, как оформлялся военный сегмент нового руководящего класса единой Италии (что, на наш взгляд, является бесспорным достижением исследования), как формировался менталитет тех, кто вписал героические страницы в историю Рисорджименто, кто стоял у основания Итальянского либерального государства. Данный подход принципиален в контексте ведущихся и по сей день историографических споров относительно процесса объединения страны.

Нельзя не согласиться с мнением итальянской рецензентки книги Карлине Пинто (Университет Салерно)¹, что автор своеобразно соединяет подходы, используемые в работах по военно-политической и социальной истории, по истории культуры. Со своей стороны отметим, что представленное исследование, основательно проведенное в русле так называемой традиционной микроистории (в отличие от истории глобальной либо макроистории) позволило автору прийти к важным выводам об истоках Рисорджименто, о процессе формирования элиты новой, объединенной Италии.

¹ Pinto C. [Rec.] // Rivista storica del Risorgimento. – 2021. – N 1. – P. 142–144. – Rec. del lib.: Lorenzini J. L'elmo di Scipio. Storie del Risorgimento in uniforme. – Roma : Salerno, 2020. – 328 p.

УДК 94(47+57)«1917/1991»:322

МИНЦ М.М.* Рец. на кн.: СМОЛКИН В. СВЯТО МЕСТО ПУСТО НЕ БЫВАЕТ: ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО АТЕИЗМА / пер. с англ. О.Б. Леонтьевой. – Москва : Новое литературное обозрение, 2021. – 548 с. – (Studia religiosa). DOI: 10.31249/rhist/2022.04.10

Ключевые слова: идеология в СССР; атеизм в СССР; антирелигиозная пропаганда; Институт научного атеизма.

Keywords: Ideology in the USSR; atheism in the USSR; anti-religious propaganda; Institute of scientific atheism.

Для цитирования: Минц М.М. [Рец.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – 2022. – № 4. – С. 133–138. Рец. на кн.: Смолкин В. Свято место пусто не бывает : история советского атеизма / пер. с англ. О.Б. Леонтьевой. – Москва : Новое литературное обозрение, 2021. – 548 с. – (Studia religiosa). DOI: 10.31249/rhist/2022.04.10

Книга Виктории Смолкин (доцент Уэслианского университета, Мидлтаун, США), переведенная на русский язык, посвящена истории советского атеизма, прежде всего в его политико-идеологическом измерении. Автор изучает устройство соответствующих институций и органов – включая созданный в 1964 г. Институт научного атеизма – и прослеживает эволюцию отношения советского руководства к религии, понимания сущности религии и атеизма и задач антирелигиозной пропаганды на всем протяжении большевистского эксперимента – от наиболее жестких репрессий первых лет после революции до фактической легализации религии и отказа КПСС от борьбы с ней в 1988–1990 гг. Ис-

* Минц Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Сайт: <https://michael-mints.ru>

следование основано на чрезвычайно обширной источниковой базе: автор использует документы 14 архивов (деяти российских, трех украинских и двух литовских), материалы петербургского Государственного музея истории религии, свыше 50 периодических изданий (в основном советских, включая одно на украинском языке, а также несколько американских) и другие опубликованные источники.

Любопытно, что хотя основной текст монографии не подвергался переработке в процессе перевода, Смолкин (как она сама пишет в предисловии к русскому изданию) продолжала размышлять над темой своего исследования и после выхода книги на английском языке, в том числе откликаясь на первые отзывы читателей. Как следствие, в предисловии она приводит ряд дополнительных соображений. Она отмечает, в частности, что ее книга не является, строго говоря, ни религиозоведческим исследованием, ни исследованием атеизма как такового, как «философской или теологической проблемы». Прежде всего это «история атеизма как идеологии на службе политики» и соответствующего «атеистического аппарата» (термин автора), призванного «обеспечивать выполнение двух взаимосвязанных задач: первая – превратить советское общество в “общество, свободное от религии”, и вторая – превратить советских граждан в убежденных атеистов» (с. 16–17). Этот «атеистический аппарат» составлял своеобразное промежуточное звено между партийным руководством и широкими слоями населения; таким образом, работа Смолкин не является ни исследованием советской политики, как она формировалась «сверху», ни изучением ее восприятия «снизу». В первую очередь в книге показана позиция институционализированной профильной бюрократии, включая судьбы и взгляды конкретных функционеров, что позволяет придать исследованию человеческое измерение.

Автор также оговаривается, что специфика поставленной исследовательской задачи обусловила и некоторую «односторонность» ее работы, поскольку основное внимание она уделяет не репрессивным практикам, направленным на подавление религиозности и разрушение религиозных организаций и сообществ, а на условно «созидательную» составляющую советского атеизма, на попытки дать новые, «правильные» ответы на экзистенциальные вопросы взамен религиозных и выработать новую советскую об-

рядность, заполнив таким образом освобождающееся «свято место» новым содержанием. «Тот факт, — пишет она, — что до сих пор история атеизма была главным образом историей о насилии, побудил меня подчеркивать конструктивные элементы атеистического проекта в большей степени, чем деструктивные. В этом отношении я рассматривала книгу как дополнение к этой истории [репрессий против верующих. — М. М.], а не как ее ревизию» (с. 24).

Книга состоит из введения, семи глав и заключения, главы выстроены по проблемно-хронологическому принципу. В главе 1 описывается воинствующий атеизм времен Ленина и Сталина. Следующие три главы охватывают хрущёвский период, включая антирелигиозную кампанию 1958–1964 гг. (глава 2); апелляции к успехам советской космонавтики в атеистической пропаганде (глава 3); трудности и ограничения атеистической пропаганды на рубеже 1950–1960-х годов (глава 4). Последние три главы также частично затрагивают хрущёвскую эпоху, но в основном посвящены уже брежневскому периоду. В главе 5 рассматриваются попытки изучения религии средствами общественных наук, в частности, деятельность Института научного атеизма. Глава 6 посвящена созданию новой советской обрядности — первые шаги в этом направлении делались еще в конце 1950-х годов, но наиболее активно процесс развернулся уже в позднесоветский период. Наконец, в главе 7 автор анализирует попытки партийных идеологов выстроить и внедрить, особенно в молодежной среде, концепцию «социалистического образа жизни», тем самым предложив обществу своеобразную новую духовную культуру, альтернативную религиозной картине мира и западным ценностям. В заключении кратко описывается свертывание атеистической пропаганды в годы Перестройки и подводятся общие итоги исследования.

Автор приходит к выводу, что историю советского атеизма можно условно разделить на три этапа, первый из которых начался сразу после революции, второй — после смерти Сталина, третий — после отстранения от власти Хрущёва. Это членение отражает смену представлений советского руководства о сущности и назначении самого атеизма, которые, в свою очередь, базировались на меняющихся со временем представлениях о сущности религии и характере исходящей от нее угрозы. На первом этапе религия рассматривалась прежде всего как политическая угроза, и антирели-

гиозная политика большевиков (включая отделение церкви от государства и школы от церкви, репрессии против духовенства, запрет религиозного образования, разрушение храмов и т. д.) была нацелена в первую очередь на вытеснение церкви из политической жизни. К 1943 г., когда Сталин санкционировал выборы патриарха и в целом значительно смягчил свою политику по отношению к церкви, эта задача уже считалась выполненной; по выражению Смолкин, «воинствующий атеизм сделал свое дело и мог уходить» (с. 490).

Новая антирелигиозная кампания, запущенная при Хрущёве, основывалась уже на представлении о религии как об идеологической угрозе. На этом этапе советское руководство, с одной стороны, пыталось реализовать обширный комплекс административных мер, направленных на ликвидацию значительной части религиозных общин и учреждений, с другой стороны – придавало большое значение научно-просветительской работе в расчете на то, что это позволит советским гражданам изжить свое «неправильное» мировоззрение. Расчёт оправдался лишь частично: к 1964 г. более половины храмов было закрыто, однако социологические опросы показали, что атеистическая пропаганда не дает результатов, поскольку многие граждане не видят противоречия между научными знаниями и религиозным мировоззрением.

На третьем этапе упор делался на вытеснение религии из частной жизни советских людей – отсюда, среди прочего, происходят попытки властей внедрить в повседневную практику новые, советские ритуалы. Возрос также интерес к обсуждению «вечных», экзистенциальных, мировоззренческих вопросов на новой материалистической основе. По сути, только в этот период советские идеологи осознали, что успешная борьба с религией невозможна, если не будет наполнено новым смыслом пресловутое «свято место». Не случайно в 1970-е годы впервые началось активное изучение религии и религиозной жизни в СССР с применением социологических и этнографических методов: идеологические работники начали осознавать, что слишком плохо понимают, что именно представляет собой религия, с которой они пытаются бороться. На этом же этапе партийный аппарат впервые столкнулся с феноменом индифферентного отношения к религии, особенно среди молодежи; примечательно, что такое отношение вызывало

даже бóльшие опасения, нежели сохраняющаяся религиозность, поскольку равнодушие к религии неизбежно оборачивалось и равнодушием к атеизму.

На последнее обстоятельство автор обращает особое внимание, так как советский атеизм во многом был продолжением секуляризма, характерного в XX столетии для западной культуры в целом: не только в СССР, но и в Европе и в Америке многие исследователи прогнозировали постепенный уход религии сначала из общественной, а затем и из частной жизни. Однако отрицательная реакция на индифферентное отношение части сограждан к мировоззренческим вопросам скорее противопоставляет советский атеизм западному секуляризму, который был порожден либеральным обществом и для которого равнодушие к религии было нормальной и вполне допустимой позицией. «Главный парадокс советского атеизма», таким образом, заключался в том, что он «не имел отношения к секуляризации или секулярности; он требовал обращения в иную веру» (с. 494). Этот вывод автора соответствует распространенному взгляду на советский вариант марксизма как на квазирелигиозную идеологию.

Борьба с религией закончилась на излете советской эпохи: в 1988 г. Горбачёв неожиданно даже для своих ближайших соратников принял решение отметить тысячелетие крещения Руси как общегосударственный праздник, после чего антирелигиозная пропаганда на государственном уровне была довольно быстро свернута, хотя официальная идеология самой Коммунистической партии по-прежнему основывалась на атеизме. Смолкин рассматривает этот шаг как признание советским руководством того обстоятельства, что борьба с религией потерпела крах, партия утрачивает влияние в обществе, и атеистическая пропаганда уже не позволяет ей восстановить это влияние. Перестав быть эффективным инструментом удержания власти, атеизм был исключен из государственной политики. Тем самым произошло своеобразное «отделение партии от государства», что также означало серьезные перемены в политическом устройстве Советского Союза. Отказ от атеистической пропаганды означал и отказ КПСС от монополии на истину, поскольку атеизм являлся одним из центральных элементов марксизма-ленинизма. Это не только не укрепило политические позиции пра-

вающей партии, но и стало в конечном счете одним из факторов, обусловивших коллапс советского государства.

Ценность книги определяется избранной темой исследования, а также чрезвычайно обстоятельным подходом автора к изучаемому материалу. Смолкин анализирует те идеологические и шире – философские представления, на которых базировалось отношение партийных «вождей» и пропагандистского аппарата к религии и церкви. Кроме того, ей действительно удалось дополнить историю антицерковных репрессий историей той «позитивной» программы воспитания нового человека, которую советское руководство предлагало трудящимся взамен подлежащих искоренению «религиозных предрассудков». В монографии рассматриваются как успехи этой политики, так и пределы возможностей «атеистического аппарата», обусловившие конечный провал советской борьбы с религией. Показан и противоречивый характер самого советского материализма, носители которого с истинно религиозным рвением, переходящим в фанатизм, пытались обратить население СССР из религиозной веры в атеистическую. Материал излагается довольно подробно, с большим количеством примеров. Книга Смолкина, несомненно, является серьезным вкладом в изучение истории церковно-государственных отношений в Советском Союзе и станет хорошей основой для дальнейших изысканий в данной области.

УДК 351.854; 94(47).084.5–8; 94(571.1/5)

ДУНАЕВА Ю.В.* Рец. на кн.: ХАМИНОВ Д.В. ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА И ИСТОРИКИ СИБИРСКОЙ ПЕРИФЕРИИ В ГОДЫ СТАЛИНИЗМА. – Москва : Политическая энциклопедия, 2021. – 221 с. – (История сталинизма). DOI: 10.31249/rhist/2022.04.11

Ключевые слова: историческое образование в 1920–1950-е годы; история СССР 1920–1950-е годы; история Сибири; история науки.

Keywords: historical education in the 1920 s–1950 s; history of the USSR 1920 s–1950 s; history of Siberia; history of science.

Для цитирования: Дунаева Ю.В. [Рец.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – 2022. – № 4. – С. 139–144. – Рец. на кн.: Хаминов Д.В. Историческое образование, наука и историки сибирской периферии в годы сталинизма. – Москва : Политическая энциклопедия, 2021. – 221 с. – (История сталинизма). DOI: 10.31249/rhist/2022.04.11

Начиная с периода перестройки и так называемой архивной революции 1990-х годов возрос интерес к истории отечественной исторической науке. Стали появляться работы разной направленности: от изучения определенного периода до биографических исследований¹.

* Дунаева Юлия Вячеславовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: dunaeva@inion.ru

¹ См., например: Емельянов Ю.Н. История в изгнании : историческая периодика русской эмиграции (1920–1940-е годы). – Москва : Русская панорама, 2008. – 494 с.; Сидорова Л.А. Советская историческая наука середины XX века : синтез трех поколений историков. – Москва, 2008. – 294 с.; Fitzpatrick S. Revisionism in Soviet history // History and theory. – 2007. – Vol. 46, Dec. – P. 77–91. – DOI: 10.1111/j. 1468–2303.2007.00429. X и др.

Свой вклад и разработку этой темы вносит солидная монография д-ра ист. наук Дмитрия Викторовича Хаминова (Юридический институт ТГУ), посвященная образованию, формированию и особенностям исторической науки и образования в Сибири в период сталинизма (конец 1920-х – начало 1950-х годов). Основной предмет его исследования – региональные особенности советской исторической науки. Он не впервые обращается к этой теме, ей посвящены диссертации ученого и разные его публикации.

Рецензируемое исследование состоит из введения, пяти глав, заключения. Во введении обосновывается актуальность темы. Одним из направлений исследований является изучение создания и институционализации исторической науки на разных уровнях: макрорегиональном, региональном, трансрегиональном. Одним из таких макрорегионов, по мнению историка, является Сибирь: с одной стороны, она подчинялась общему развитию исторической науки в стране, с другой стороны, здесь проявлялись уникальные региональные особенности как системы образования, так и науки.

Как отмечает Д.В. Хаминов, изучаемый период выделяется двумя взаимосвязанными особенностями. Во-первых, это время диктатуры коммунистической партии, время чисток, репрессий и идеологических кампаний. Всё это, естественно, отражалось на исторической науке во всех ее проявлениях. Во-вторых, это время создания и институционализации исторического знания и формирования отношений с государственной властью. Историк считает, что некоторые черты этих отношений сохранились до наших дней.

Монография основана на широком круге источников и архивных материалов, большинство из которых впервые вводится в научный оборот. Привлечены самые разные источники: постановления правительства об исторической науке, материалы центральной и региональной прессы, эго-документы и т.п.

Поставленная автором цель определяет структуру исследования – проблемно-хронологическую. Сразу отметим, что масштабы работы заметно шире, чем это указано в заглавии. В первой главе анализируется общая политико-идеологическая ситуация в исторической науке и в высшем историческом образовании в период сталинизма. Автор подчеркивает зависимость исторической науки от партийной политики. Во-первых, речь шла не только о подготовке профессиональных научных и педагогических кадров,

а в первую очередь о возвращении «бойцов идеологического фронта». Эта задача обуславливала проблемы, научный инструментарий и тематику научных исторических исследований, учебных курсов. Во-вторых, исторические исследования должны были поддерживать и легитимировать советский строй и идеологию. Автор показывает, как менялся предмет и направленность исторической науки в зависимости от политической ситуации.

Во второй главе рассматриваются трансформации партийной политики в отношении исторической науки и образования в 1930-е годы. В конце 1920-х – начале 1930-х годов шли реформы в образовании, направленные на реорганизацию и даже уничтожение старой классической модели гуманитарного образования и знания. На некоторое время было прекращено преподавание истории и расформированы соответствующие факультеты и кафедры. Парадоксально, но это стимулировало, в частности в Сибири, развитие краеведения, подчеркивает историк.

К середине 1930-х годов и сам Сталин, и правительство стали уделять внимание исторической науке, восстанавливать или создавать заново историко-филологические факультеты и отделения, определять цели и задачи исторических исследований.

Как пишет Д.В. Хаминов, в начале 1930-х годов в Сибири массово открывались педагогические и учительские институты с историческими кафедрами или отделениями. Особый импульс процесс развития науки получил, после выхода Постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР», подчеркивает автор.

В следующих главах автор анализирует и описывает ситуацию с исторической наукой непосредственно в Сибири. Первоначально речь шла о подготовке педагогов-историков. Первыми откликнулись Томский и Иркутский университеты. В Томском университете в 1935 г. прошел первый выпуск преподавателей истории. Со временем число выпускников увеличилось с 20 до 108 специалистов в год, приводит данные автор. Впоследствии в других крупных городах Сибири были открыты педагогические и учительские институты.

Рассмотрим, как историк оценивает эти реформы. По его мнению, открытие институтов, факультетов и отделений на протяжении 1930-х годов не помогло формированию общности имен-

но сибирских историков. Научная работа была направлена на изучение, например, сибирской историко-революционной и историко-партийной тематики, также проводились краеведческие исследования. Иными словами, ученые работали каждый над своим направлением, темой, проблемой. Не было проектов, способствующих объединению историков в профессиональное сообщество.

Большое внимание историк уделяет идеологическим кампаниям, чисткам и репрессиям, проходившим в стране и в Сибирском регионе. Он приводит конкретные примеры сломанных судеб, как среди преподавательского состава, так и среди студенчества. Одним из примеров тому может служить кампания, направленная против исторической школы М.Н. Покровского. Историки в центре страны и на местах должны были реагировать соответствующим образом, подчеркивает Хаминов, осудить и отмежеваться от недавно еще программных установок, сформулированных историками этой школы.

Статья Сталина «Об учебнике истории ВКП (б): Письмо составителям учебника истории ВКП (б)» (1937) и вышедший в свет «Краткий курс истории ВКП (б)» (1938) на долгие годы стали программными документами для историков. Изучение истории партии вышло на передовую исторической науки. Местные партийные органы проводили семинары для лекторов, методистов, преподавательского состава. Освоение этих работ вождя, подчеркивает автор, стало обязательным элементом, как в политико-воспитательной работе со студентами, так и для преподавательского состава.

Значительное место в книге отведено описанию репрессий среди историков, как местных сибирских, так и из центральных регионов, часть из которых были сосланы в Сибирь. В те годы шел постоянный поиск «внутренних врагов» в том числе и в региональных вузах. Хаминов избегает категоричных оценок. Видно, что он стремится максимально беспристрастно и объективно показать положение дел в системе исторического образования и исторической науке в сложные и трагические годы.

Четвёртая глава посвящена исторической науке во время Великой Отечественной войны. На историков была возложена, можно сказать, особая миссия в разработке и формировании патриотической идеологии. Теперь на первый план выходили такие темы,

как военная история СССР, развитие отечественной культуры, борьба народов России с иноземными захватчиками, история международных отношений, национально-освободительных движений, биографии великих русских полководцев.

В заключительной главе Хаминов уделяет внимание проблемам реорганизации вузов, изменению социального состава студентов. Во время войны и в первые послевоенные годы в сибирских и других периферийных вузах были смягчены условия поступления для «неблагонадежных лиц»: детей репрессированных, раскулаченных и т.п. Однако к концу 1940-х годов социальный контроль над абитуриентами вновь был ужесточен. Теперь детям из «неблагонадежных семей» вновь стали препятствовать в поступлении в вузы.

Автор подробно рассматривает, как сказались на исторической науке крупные идеологические кампании того времени. Это и критика теории языкознания академика Н.Я. Марра, и борьба с «низкопоклонством перед Западом и космополитизмом». Они были направлены, прежде всего, на интеллигенцию, в том числе и на вузовскую профессуру. Эти кампании требовали быстрого реагирования со стороны историков. Так, например, в Томском университете был организован курс лекций с критикой академика и его «антинаучной» теории языкознания. Сибирские историки, археологи и этнографы, как и в других регионах, стали выстраивать научную работу в соответствии с идеями, изложенными в работе Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».

Что касается борьбы с космополитизмом, то наряду с выявлением идеологических врагов были быстро пересмотрены учебные планы и научные направления, организовывались спецкурсы и семинары. Основной темой стало выделение особой роли русского народа и борьба русских исторических деятелей с западными влияниями в разные исторические периоды, отмечает историк.

Монография Д.В. Хаминова представляет собой тщательное и масштабное исследование советской, в том числе сибирской исторической науки. Красной нитью проходит особенность исторической науки, как одного из инструментов идеологической работы и соответствующего идеологического воспитания советского народа. Наглядно показана и другая сторона процесса – зависи-

мость исторической науки и преподавания истории от смены идеологических приоритетов партии и правительства.

Глубокая и познавательная работа историка, несомненно, привлечет внимание специалистов и тех, кто интересуется историей одного из сложных и острых периодов в истории страны. Следует отметить и литературные достоинства монографии – материал четко структурирован и излагается хорошим литературным языком. Написанная на солидной источниковой базе книга вносит весомый вклад в изучение истории исторической науки и образования.

РЕФЕРАТЫ

БОРОВКОВ Д.А. КАРЛ V ГАБСБУРГ: ПОСЛЕДНИЙ ИМПЕРАТОР СРЕДНЕВЕКОВЬЯ. – Москва : Русская панорама, 2020. – 608 с. – (Под знаком креста и короны).

Ключевые слова: Испания в первой половине XVI в.; Священная Римская империя; Карл V Габсбург; войны Священной Римской империи с Францией; Шмалькальденский союз.

Keywords: Spain in the first half of the 16 th century; the Holy Roman Empire; Charles V the Habsburg; the Holy Roman Empire's wars with France; the Schmalkalden alliance.

Для цитирования: Стрельцов А.Д. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – 2022. – № 4. – С. 145–149. Реф. кн.: Боровков Д.А. Карл V Габсбург : последний император Средневековья. – Москва : Русская панорама, 2020. – 608 с. – (Под знаком креста и короны).

Боровков Дмитрий Александрович – канд. ист. наук (РГГУ), специалист по истории России Средневековья и раннего Нового времени. В центре внимания работы Д.А. Боровкова находится биография Карла V Габсбурга (1500–1558) – короля Испании, императора Священной Римской империи, правителя большей части Италии и Нидерландов, Центральной и Южной Америки, над владениями которого, по словам современников, сравнивавших его с Карлом Великим, «никогда не заходило солнце».

Автор начинает повествование с рассказа о том, как возникла империя Карла V, который был потомком древнейших династий Европы. Будучи прямым потомком Изабеллы I Кастильской и Фердинанда II Арагонского, Карл смог объединить под своей властью Кастилию и Арагон. Его отец Филипп I Красивый был герцогом Бургундии под именем Филиппа IV. Его дед по отцовской линии Максимилиан I был королем Германии и Священной Римской

империи. Так Карл V стал властителем многочисленных частей Европы.

Что касается его «германского наследства», то Карл был прямым наследником своего деда только в австрийских владениях Габсбургов. Его избрание в качестве немецкого, или, как его называли, «римского короля», зависело от семи крупнейших феодалов Германии. При этом на место короля Германии оказалось несколько претендентов, из которых самыми влиятельными, помимо Карла, были Франциск I (король Франции) и Генрих VIII (король Англии) (с. 48). Однако 26 июня 1519 г. кандидатура Франциска была отклонена. 28 июня в церкви Святого Варфоломея внук Максимилиана был избран королем Германии под именем Карла V. Монарху поставили ряд условий, призванных обеспечить политическую самостоятельность государства, право курфюрстов на участие в управлении, замещение имперских должностей немцами (с. 53–54).

Первая война Карла V с Францией началась весной 1521 г., когда Роберт II де Ла Марк организовал вторжение в Люксембург. Габсбургам удалось привлечь на свою сторону папу Льва X, который стремился воссоздать Папское государство в границах, установленных Юлием II (с. 87). Несмотря на то что в конце 1521 г. французы захватили Эден на северо-западе и Фуэнтэрраbia на юге, ход войны в целом оказался для них неудачным. Андре де Фуа, возглавивший французское наступление в Наварре, 30 июня потерпел поражение от кастильских феодалов и был взят в плен в битве при Эскаресе под Памплоной. В декабре того же года французский гарнизон был вынужден сдать Турне войскам графа Нассау (с. 90).

В битве при Павии 24 февраля 1525 г. победу одержали Габсбурги. Французы потеряли 12 тыс. человек, тогда как имперцы – около 500 человек. Король Франции Франциск попал в плен, после чего Карл V вступил с ним в переговоры. Франциск согласился передать ему герцогство Бургундское, графства Макон, Осер, сеньорию Бар, уступив и по другим спорным вопросам (с. 136).

Заключению мирного договора предшествовала дискуссия между наиболее видными испанскими вельможами, которые сомневались в потенциальной выгоде от условий мирного договора. Одни предлагали использовать преимущества, появившиеся у им-

ператора после взятия в плен французского короля, для достижения компромисса с итальянскими государствами, чтобы предотвратить их возможное сближение с Францией, перспектива примирения с которой была маловероятной. Другие предлагали сделать ставку на соглашение с Францией, проигнорировав интересы Италии.

Договор, который граф Нассау в письме к Максимилиану де Бергхесу характеризовал как «наиболее почетный для императора и выгодный для его королевств, стран и дел», был заключен 14 января 1526 г. в Мадриде. Документом предусматривалось, что Франциск в течение определенного срока передаст Карлу герцогство Бургундское, графство Шароле и некоторые другие земли. Король отказывался от прав на Фландрию, Эно, Артуа, Неаполь, и ряд других земель (с. 142–143).

После начала второй войны Карла V с Францией противники испанского короля начали переговоры о создании коалиции, в которую вошли Рим и Флоренция, Венеция и Милан. Эта коалиция, получившая название «Святой лиги» декларировала курс на внешнеполитическую изоляцию Карла (с. 147).

Основные сражения новой войны развернулись на Апеннинском полуострове, где имперские войска добились успехов в борьбе с французами (с. 166–167). 29 июня 1529 г. император подписал Барселонский трактат, по которому в обмен на признание своих прав на Неаполь должен был обеспечить восстановление суверенитета Климента VII над занятыми Венецией и герцогом Феррары городами Папского государства и согласиться на водворение в Милане Франческо Сфорца (с. 172). Итогом войны стал Камбрейский мирный договор, заключенный в августе 1529 г. с Францией и мир с папой Климентом VII.

Тем временем 21 мая 1527 г. в Вальядолиде у Карла V и Изабеллы родился сын – будущий король Испании Филипп II.

В книге описана активная внешнеполитическая деятельность Карла V. В период своего первого Итальянского похода он одновременно вел переговоры с Климентом VII, убеждая его не противиться восстановлению власти дома Медичи во Флоренции. Император пытался организовать союз германских князей для обороны против войск султана Сулеймана I, двинувшихся на Австрию (с. 214). Кроме того, Карл в декабре 1532 г. заключил оборони-

тельный союз с папой Климентом, к которому присоединились Милан, Феррара, Мантуя, Лукка и Сиена (с. 216).

После смерти папы Климента VII в сентябре 1534 г. новым папой был избран Алессандро Фарнезе, ставший папой Павлом III, который поддержал проект экспедиции Карла в Тунис (с. 224–225). В 1535 г. Карл отправил к берегам Туниса флот, который взял город и освободил тысячи обращенных в рабство христиан.

Тем временем назревал очередной конфликт с королем Франции Франциском. Ведя переговоры с папой, Карл V акцентировал его внимание на пособничестве Франсиска туркам, на отказе оказать ему содействие в 1532 и 1535 гг. Кроме того, Карл в письме Павлу III критиковал претензии Франции на Милан (с. 245). Началась третья война с Францией (1536), которая закончилась подписанием 18 июня 1538 г. мирного соглашения (с. 251).

Карлу V приходилось противостоять многочисленным противникам в разных частях своей империи. В частности, в Германии в это время стало распространяться учение протестантизма. Германские протестантские князья и горсоветы вольных имперских городов в 1531 г. образовали оборонительный союз от их религиозных противников – католиков, вошедший в историю как Шмалькальденский союз. Карлу удалось найти компромисс с протестантами, который предусматривал возобновление Нюрнбергского мира (религиозный мир, заключенный в 1532 г. между Карлом и германскими князьями протестантами) (с. 264).

Однако и в дальнейшем Карлу V пришлось противостоять Шмалькальденскому союзу. Шмалькальденская война 1546–1547 гг. закончилась его победой и разгоном союза. Однако эта победа не была окончательной. В 1552 г. Шмалькальденский союз вместе с французским королем Генрихом II начал против императора вторую войну, закончившуюся их победой.

В последние годы жизни Карлу V вновь пришлось иметь дело с Францией: так, в Сиене (Италия) французы изгнали испанский гарнизон и в течение трех лет занимали его место.

6 июня 1554 г. Карл V написал последнее завещание, в котором император приказал похоронить себя в королевской капелле в Гранаде рядом с супругой Изабеллой или в главной церкви ближайшего из своих городов, если смерть настигнет его за пределами Испании (с. 373). Испанию, Неаполь, Сицилию, Нидерланды и

земли в Америке он завещал своему сыну Филиппу вместе с титулом «Католического короля». В день заключения брака Филиппа с Марией император уступил ему Неаполь и Милан (с. 373).

В феврале 1558 г. курфюрсты приняли отречение Карла V от власти в Священной Римской империи. Его преемником стал Фердинанд I Габсбург, родоначальник младшей (австрийской) ветви Габсбургов. Бывший император удалился в монастырь в Юсте близ Касереса, где и провел остаток жизни. Был похоронен в сентябре 1558 г. в королевской усыпальнице Эскориала.

Автор рассматривает взаимоотношения Карла V с Московским государством. Известно, что в апреле 1525 г. он принимал у себя московских послов. Также в период правления Карла V Москву посещал Сигизмунд фон Герберштейн, дипломат Священной Римской империи.

Последняя глава посвящена судьбе потомков Карла V. 17 ноября 1558 г. в один и тот же день скончались супруга Филиппа II Мария Тюдор и архиепископ Кентерберийский Реджинальд Поул. Католическая контрреформа в Англии, на которую возлагал надежды Карл V, подошла к концу. Сводная сестра Марии Елизавета, вступив на престол, принялась за восстановление англиканской церкви. Филиппу не удалось заключить с ней брак, чтобы сохранить в сфере влияния Габсбургов Англию, политика которой год от года становилась все более враждебной.

*А.Д. Стрельцов**

* Стрельцов Алексей Дмитриевич – младший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: alstr189@mail.ru

УЧАСТНИКИ ЯНВАРСКОГО ВОССТАНИЯ, СОСЛАННЫЕ В ЗАПАДНУЮ СИБИРЬ, В ВОСПРИЯТИИ РОССИЙСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ И ЖИТЕЛЕЙ СИБИРИ. ДОКУМЕНТЫ ГРАЖДАНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ, ПОЛИЦИИ И ЖАНДАРМ-СКОГО ВЕДОМСТВА / сост. А. Вех, А.А. Крих, С.А. Мулина ; под ред. С. Веха, С.А. Мулиной. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2021. – 418 с.

Ключевые слова: польское восстание 1863–1864 гг.; история Польши XIX в.; история Сибири XIX в.

Keywords: the Polish rebellion of 1863–1864; history of Poland in the 19 th century; history of Siberia in the 19 th century.

Для цитирования: Дунаева Ю.В. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2022. – № 4. – С. 150–152. Реф. кн.: Участники Январского восстания, сосланные в Западную Сибирь, в восприятии российской администрации и жителей Сибири. Документы гражданской администрации, полиции и жандармского ведомства / сост. А. Вех, А.А. Крих, С.А. Мулина ; под ред. С. Веха, С.А. Мулиной. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2021. – 418 с.

В издании приводятся документы о польском восстании 1863–1864 гг. Книга состоит из введения и трех разделов. Как отмечено во введении, сборник документов и материалов выпущен в рамках проекта Национальной программы развития гуманитарных наук «Польские ссыльные в Западной Сибири во второй половине XVIII – XIX в. в глазах россиян и коренных народов Сибири». Эта книга была издана в Республике Польша в 2019 г. Документы в ней приводились на русском языке, а примечания на польском.

В настоящем издании, предназначенном для российского читателя, примечания даны на русском языке, внесены некоторые дополнения. Большая часть документов в справочнике приводится

полностью, а из некоторых только выдержки, касающиеся именно политической ссылки участников восстания. Отбор документов проводился так, чтобы наглядно показать разные стороны отношений осужденных поляков и властей разных уровней, проблемы, с которыми сталкивалась местная и центральная власть. Большинство документов относится к 60-м годам XIX в., когда количество сосланных достигло максимума по сравнению с другими годами.

Открывает сборник раздел «Высшие государственные органы управления о политических ссыльных» (составитель С. Вех). В этом разделе представлены делопроизводственные материалы, сохранившиеся в российских архивах в большом объеме: «циркуляры, секретная переписка, отчеты, доклады, записки, следственные дела» (с. 8). Подобного рода документация, подчеркивает один из авторов сборника, позволяет, прежде всего, выяснить позицию отдельных чиновников и ведомств по различным вопросам управления осужденными.

Второй раздел содержит документы по теме «Польские ссыльные в делопроизводственных документах западносибирской администрации» (составитель С.А. Мулина). В нем представлены разного рода документы, предписания, записки губернаторов и т.п.

Завершает книгу третий раздел «Доносы жителей Сибири властям по делам польских ссыльных» (составитель А.А. Крих). Помимо доносов и анонимных писем здесь приведены рапорты жандармов управляющему Третьим отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

За участие в Январском восстании в Сибирь было сослано около 20 тыс. поляков. Ссылка, насчитывающая такое количество человек, породила проблемы и для центральной, и для региональных властей, поэтому объем документации огромен, отмечают составители сборника. Для издания были отобраны документы из центральных архивов Москвы и Санкт-Петербурга; также приведены источники из региональных архивов: Омска, Томска, Тобольска.

Составители сборника особо выделяют периоды пребывания у власти двух генерал-губернаторов: А.О. Дюгамеля, который управлял регионом в 1861–1866 гг., и генерал-губернатора А.П. Хрущева, занимавшего этот пост с 1866 по 1875 г. «Для обоих администраторов проблема польской ссылки стала одной из основных,

повлияв на их взаимодействие с центром и местной административной элитой» (с. 9). Написанные генерал-губернаторами Всеподданнейшие отчеты отправлялись по нескольким адресам: императору и цесаревичу, министру внутренних дел и главе Кабинета министров (с. 10). Из этих документов видно, что власти не справлялись с пересылкой и распределением на местах осужденных. Не хватало подвод, наблюдались сложности с продовольствием и одеждой. В партиях ссыльных то и дело вспыхивали беспорядки.

В сложные отношения между центральной властью и региональными властями свой вклад внесла третья сторона – служба жандармов. «В обстановке революционного подъема жандармские штаб-офицеры стали играть большую роль в управлении регионом и оказывать влияние на позицию центральных органов власти» (с. 14–15). Жандармы, отмечают составители сборника, имея почти неограниченные полномочия, наблюдали за чиновниками разных уровней, в том числе и за губернаторами. Свои наблюдения они регулярно представляли в Третье отделение – высший орган политической полиции. Как показывают документы, жандармы выступали с идеей усиления полицейского контроля.

*Ю.В. Дунаева**

* Дунаева Юлия Вячеславовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: jvd14@inbox.ru

КОВАЛЬСКИЙ М. ИВАН БОДУЭН ДЕ КУРТЕНЭ В ЦАРСКОЙ ТЮРЬМЕ.

KOWALSKI M. Jan Baudouin de Courtenay w carskim więzieniu // Przegląd Wschodnioeuropejski. – Olsztyn, 2021. – N 12/2. – S. 121–134.

Ключевые слова: петербургская полония; И. Бодуэн де Куртенэ; «Национальный и территориальный признак в автономии»; петербургские «Кресты».

Keywords: Petersburg polonium; I. Baudouin de Courtenay; «National and territorial sign in autonomy»; St. Petersburg's «Crosses».

Для цитирования: Бабенко О.В. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2022. – № 4. – С. 153–157. Реф. ст. : Kowalski M. Jan Baudouin de Courtenay w carskim więzieniu // Przegląd Wschodnioeuropejski. – Olsztyn, 2021. – N 12/2. – S. 121–134.

В рассматриваемой статье польский историк Матеуш Ковальский (Университет кардинала Стефана Вышиньского, г. Варшава) анализирует судебный процесс над российским лингвистом польского происхождения Иваном Бодуэном де Куртенэ (1845–1929), связанный с публикацией его брошюры «Национальный и территориальный признак в автономии» (1913), и пребывание ученого в известной петербургской тюрьме – «Крестах». Источниковую базу исследования составили неопубликованные частные документы семьи де Куртенэ из Архива Польской академии наук в Варшаве и опубликованные письма героя статьи к польским лингвистам. Наиболее важным из малоизученных источников Ковальский считает «Дневник для семьи», написанный супругой де Куртенэ Ромуальдой. Более глубокая цель автора статьи – показать социокультурные особенности эпохи, делая акцент на активную деятельность так называемой петербургской полонии.

М. Ковальский представляет профессора Петербургского университета, члена-корреспондента Императорской академии наук Ивана Бодуэна де Куртенэ как «лингвиста с мировой славой» (с. 121). Однако существовала и менее известная сфера его деятельности – публицистика. Издавая свои публицистические работы, де Куртенэ постоянно вступал в спор с представителями российской консервативной мысли. Противостояние лингвиста с консерваторами закончилось судебным процессом 1914 г., предметом которого стала публикация его брошюры «Национальный и территориальный признак в автономии», противоречившей российскому законодательству.

В биографиях ученого этот судебный процесс практически не освещается. Исключение составляет лишь исследовательская работа в данной области польского историка И. Спустек, посвященная петербургским архивным материалам о деле де Куртенэ¹. Поэтому автор статьи поставил перед собой цель восполнить существующий пробел.

М. Ковальский уделяет много внимания событиям кануна Первой мировой войны и ее начального этапа. Он пишет, что в первой половине 1914 г. европейцев охватило предчувствие приближавшей войны (с. 122). Для семьи профессора де Куртенэ это время было тяжелым: была потеряна связь с родственниками из Калиша, кроме того, они опасались за жизнь сестры Ивана Брониславы, которая оказалась в районе переброски немецких войск через Радом. С трудом поддерживалась связь с дочерью лингвиста Цезарией, которая уехала в Варшаву перед началом войны. Под угрозой срыва находилась сдача экзаменов сыном Святославом в Петербурге. В армию был призван племянник жены профессора Казимир. Вести с фронта о кровавых боях во Франции дополнились сообщением о том, что в Реймсе сгорел средневековый некрополь рода Бодуэнов де Куртенэ. И это не полный список проблем и тревожных новостей, свалившихся на семью ученого.

Именно в это непростое время начался судебный процесс над Иваном Бодуэном де Куртенэ. Его обвинили в призыве к вос-

¹ Итоги работы И. Спустек нашли отражение в следующей статье: Spustek I. Jan Baudouin de Courtenay a carska cenzura // Przegląd Historyczny. – 1961. – № 52(1). – S. 112–126. – *Прим. реф.*

станию против царской власти, который якобы содержался в брошюре «Национальный и территориальный признак в автономии». В ней, в частности, были высказаны идеи децентрализации власти, федерализации государства, а также соблюдения критерия национальной автономии при выборе профессии и религии. Только это, по мнению де Куртенэ, могло сдержать «распад империи, который должен был случиться вследствие бунта зависимых народов» (с. 124).

Судебный процесс начался в январе 1914 г. и продвигался очень быстро. Своё возмущение по этому поводу высказали российские и польские лингвисты, среди которых были С. Булич, В. Радов, А. Шахматова и др. В дело попытались вмешаться известные представители петербургской колонии, в частности, теоретик права Л. Петражицкий. Адвокатом де Куртенэ стал еще один активист польской диаспоры, юрист А. Бабиньский.

В конце февраля 1914 г. Иван Бодуэн де Куртенэ был приговорен к двум годам заключения в крепости «Кресты». В день оглашения приговора профессору исполнилось 69 лет. Этот приговор вызвал протесты студентов Петербургского университета и Высших женских курсов, а друзья ученого и петербургские юристы решили подать кассационную жалобу в Сенат. Написал ее адвокат О. Грузенберг. Однако жалоба была оставлена без внимания – высококвалифицированный адвокат Грузенберг для сенаторов был всего лишь «евреем» (с. 126). Дело де Куртенэ рассмотрели повторно, и к прежнему сроку – два года тюремного заключения – обвинители добавили еще два месяца.

В защиту лингвиста выступили российские академики и профессора Петербургского университета, но они не смогли повлиять на исход дела. Новый приговор был доведен до сведения ректора Петербургского университета самим министром просвещения, чтобы, как пишет автор, «ученый подал в отставку» (с. 128). Защитники де Куртенэ решили направить просьбу о помиловании императору Николаю II. Обвиняемый не хотел обращаться к царю лично, поскольку, как он объяснил в своей переписке, просьба о помиловании означала бы признание своей вины, а он не считал себя преступником (там же). В результате в академических кругах без участия лингвиста была подготовлена апелляция, которая попала в руки великого князя Константина Кон-

стантиновича. Он вмешался в дело профессора, и срок заключения был сокращен до двух месяцев. Впоследствии де Куртенэ в своем письме к великому князю благодарил его за заступничество в «безнадежном деле» (с. 129).

Узнав окончательный приговор, ученый обратился в суд с просьбой отсрочить заключение из-за необходимости поправить подорванное здоровье, но она осталась неудовлетворенной. 9 ноября 1914 г. Иван Бодуэн де Куртенэ был заключен в тюрьму. После этого его семья столкнулась с материальными трудностями, так как постоянный доход приносил только ее глава. В данной ситуации супруга профессора Ромуальда была вынуждена устроиться на работу в швейную мастерскую, где шила жилеты и зимнюю одежду для солдат российской армии и польских военнопленных. Ученого часто посещал в тюрьме генерал Бабинский, принимавший активное участие в его судьбе; Ромуальда также сумела добиться свидания с ним в непредназначенный для этого день с подачи, как полагает автор, профессора Петражицкого (с. 130–131). Кроме того, де Куртенэ навещали дети и младший брат Александр.

Условия содержания в «Крестах» были плохими – заключенный не получил ни матраса, ни подушки, ни постельного белья. В тюрьму он был отправлен в утреннее время, несмотря на договоренность о выезде в 14:00, и не успел взять с собой все необходимые вещи. Все то, что ему требовалось на период заключения, он смог получить лишь во время встреч с родственниками и друзьями. Профессор содержался во втором корпусе «Крестов», так как в первом – с более благоприятными условиями – бушевала оспа. Из заключения он вышел 16 января 1915 г. К счастью, по воспоминаниям супруги ученого, отдых от работы и семьи «хорошо на него повлиял»: он заметно поправился и даже избавился от внешних признаков артрита (с. 132).

М. Ковальский приходит к выводу о том, что даже в самые тяжелые времена де Куртенэ продолжал активную деятельность «в интеллектуальных кругах петербургской колонии» (там же). В 1915 г. он стал председателем правления Общества поддержки польского народного театра, а в 1916 г. возглавил Высшие польские курсы. Профессор участвовал также в работе организации «Круг друзей независимой Польши».

В 1918 г. Иван Бодуэн де Куртенэ навсегда уехал в Варшаву¹. Однако, несмотря на статус почетного профессора, он получал пониженную пенсию и так и не смог решить свои финансовые проблемы, что повлекло за собой к концу жизни полный упадок его психофизической деятельности (с. 133).

*О.В. Бабенко**

¹ Ученый родился в Варшавской губернии, а его ближайшие предки были поляками с французскими корнями. – *Прим. реф.*

* Бабенко Оксана Васильевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: o.v.babenko@mail.ru

ОБЩЕСТВО ГАЛЛИПОЛИЙЦЕВ: ИМЕННОЙ СПИСОК. БИОГРАФИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК / сост. Ефимов А.В. – Москва : Институт Наследия, 2021. – 838 с.

Ключевые слова: Гражданская война 1917–1922 гг.; российская эмиграция первой волны; Общество Галлиполийцев; русское зарубежье.

Keywords: Civil war 1917–1922; first wave russian emigration; Gallipoli society; Russian abroad.

Для цитирования: Дунаева Ю.В. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2022. – № 4. – С. 158–160. Реф. кн.: Общество Галлиполийцев: именной список. Биографический справочник / сост. Ефимов А.В. – Москва : Институт Наследия, 2021. – 838 с.

Под эгидой Министерства культуры РФ, Института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва, Института востоковедения РАН вышел в свет уникальный биографический справочник по истории Русского зарубежья, а точнее по тем лицам, которые эмигрировали в Галлиполи (совр. Гелиболу). Сборник приурочен к столетней годовщине так называемого «Галлипольского сидения».

«Галлипольское сидение» длилось с 9/22 ноября 1920 г. до мая 1923 г. На нескольких кораблях было эвакуировано приблизительно 135 тыс. человек. Среди прибывших были как военнослужащие, так и гражданские лица. Они стремились попасть в порты, контролируемые английскими или французскими частями. Для русских эмигрантов были открыты порты в ряде мест: острова Лемнос и Халки, селения Чаталджа, Макрикей, Сан-Стефано, город Галлиполи. В последнем разместились части 1-го Армейского корпуса под командованием генерала-лейтенанта А.П. Кутепова. Довольно быстро в городе и его окрестностях были обустроены

военно-полевые лагеря, в которых квартировали эмигранты. Однако из-за неудобства пребывания в лагерях, а также в связи с давлением со стороны французского командования, русские части были вынуждены перебраться в Болгарское царство и Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев. Летом 1921 г. начался этот исход. В связи с тем, что стало невозможно командовать разбегавшимися частями, на собрании чинов Русской Армии было принято решение об организации внеармейского объединения. Им и стало Общество Галлиполийцев. Устав общества был утвержден П.Н. Врангелем и свидетельствовал об исключительно гуманитарной направленности его деятельности, подчеркивает составитель биографического сборника А.В. Ефимов.

Составитель обращает внимание на то, что до сих пор по истории Общества не написано глубоких исторических исследований. В предлагаемом единственном в своем роде издании по возможности восстановлена утраченная, казалось бы, информация. В справочнике зафиксировано 12 890 членов Общества Галлиполийцев.

А.Е. Ефимов использует материалы и данные из разных архивов, как российских, так и зарубежных. Привлечены, в частности, документы фонда Русского Общевоинского союза (РОВС), хранящиеся в архиве Свято-Троицкого монастыря РПЦЗ (США), материалы Центрального справочного бюро в Константинополе. Не менее важны и другие документы, например: список членов общества (1923–1924), который хранится в ГА РФ. В этом списке на карточках представлены: членские номера; номер кольца (личный номер); фамилия, имя, отчество; место службы и чин; год рождения; дополнительные сведения (дата смерти, исключение из Общества и т.п.). Наряду с архивными документами автор справочника привлек печатные издания, например, газету «Русский Инвалид». Также приведена информация из биографической базы данных «Участники Белого движения в России», справочника «Офицеры российской пехоты». Пригодились издания Общества: «Вестник Правления Общества Галлиполийцев» (Белград, 1923–1926); «Вестник Галлиполийцев в Болгарии» (София, 1927–1931) и др. В настоящий момент времени они являются ценными историческими документами.

Справочник состоит из краткого введения, алфавитного списка, приложений. «Списки публикуются с указанием фамилий, имен, отчеств, титулов, званий, названий частей, в состав которых входили члены на момент регистрации. В ряде случаев из-за отсутствия сведений об именах, отчествах и датах рождения полностью данные установить не удалось. При невозможности точно восстановить недостающие сведения в подстрочных примечаниях приводятся возможные варианты» (с. 10).

В приложениях опубликованы разные документы, например: обращение генерала П.Н. Врангеля об учреждении особого нагрудного знака и специального номерного кольца в память о лишениях и страданиях, перенесенных эмигрантами.

*Ю.В. Дунаева**

* Дунаева Юлия Вячеславовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: jvd14@inbox.ru

ШУБИН А.В. ВЕЛИКАЯ ИСПАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. – Москва : Академический проект, 2019. – 594 с.

Ключевые слова: Испанская революция; Испанская республика; гражданская война; испанская фаланга; Франциско Франко; Ларго Кабальеро.

Keywords: Spanish revolution; Spanish republic; civil war; spanish phalanx; Francisco Franco; Largo Caballero.

Для цитирования: Стрельцов А.Д. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2022. – № 4. – С. 161–167. Реф. кн.: Шубин А.В. Великая испанская революция. – Москва : Академический проект, 2019. – 594 с.

Шубин Александр Владиленович – д-р ист. наук, специалист по проблемам истории и теории социализма и общим закономерностям исторического развития. В центре внимания его работы находится испанская революция и гражданская война 1931–1939 гг. Автор рассматривает ее истоки с XIX в., ее созревание, расцвет и поражение в конце 1930-х годов.

Вначале автор обращается к истокам испанской революции. 10 июня 1873 г. Испания была провозглашена республикой во главе с президентом Пи-и-Маргалем. Была опубликована конституция, утверждавшая федералистское устройство государства. Но лидеры ряда регионов хотели еще большей автономии, что могло привести к распаду Испании (с. 7). Революция рубежа 1860–1870-х годов показала, что модернизация необратима. В 1898 г. последовал крах, очевидный для всех, – испанский флот и колониальные войска были разгромлены в испано-американской войне, Испания потеряла остатки карибских и тихоокеанских колоний. Это привело не только к национальному унижению, но и осознанию недопустимого отставания Испании от ведущих держав (с. 8–9).

Уже в первой трети XX в. Испания представляла собой страну, начавшую переход от традиционного общества к индустриальному. Здесь были достигнуты значительные успехи: добыча железной руды с 1860-х годов выросла в 43 раза, возникли металлургия и машиностроение, текстильное производство (с. 9). При этом индустриальная модернизация быстрее шла в национальных регионах. Особо стоит выделить Каталонию и Басконию, которые достигли здесь больших успехов (в Каталонии было сосредоточено 90% текстильного производства и четверть рабочих Испании, в Басконии было сосредоточено около 40% добычи железной руды и более половины выплавки чугуна и стали). Каталонская и баскская политическая, коммерческая и культурная элиты считали, что права этих народов ущемляются Мадридом, а Каталония и Баскония стали для монархии «дойными коровами» (с. 10).

Среди рабочих Испании на рубеже XIX–XX вв. широкое распространение получили социалистические и коммунистические идеи. Сторонники прогресса стремились сокрушить на своем пути два главных препятствия – монархию и Церковь. Католическая церковь видела свою миссию в Испании в сохранении традиционных социально-политических устоев. Связь «старого порядка» и Церкви была столь тесной и очевидной, что отношение к монархии переносилось и на отношение к Церкви (с. 14).

Экономические последствия Первой мировой войны дестабилизировали хрупкую конструкцию испанской монархии. Инфляция больно ударила по уровню жизни широких слоев населения – включая даже часть офицерства, которые с ноября 1916 г. стали создавать хунты (советы) в защиту своих прав (с. 20–21). В следующем году по Испании прокатилась волна стачек и забастовок.

15 апреля 1920 г. была создана Коммунистическая партия Испании. В 1917–1923 гг. в стране нарастала революционная борьба. 13 сентября 1923 г. военные во главе с генералом М. Примо-де-Ривера осуществили, с согласия короля Альфонса XIII, бескровный государственный переворот. Кортесы и партии были распущены, даже прежние урезанные гражданские гарантии отменены. Диктатор стал опорой монархии. Развернулись репрессии против анархистов, коммунистов и активистов национальных

движений в Каталонии, Басконии и Галисии. Однако 28 января 1930 г. Примо-де-Ривера подал в отставку.

В 1931–1936 гг., пишет далее автор, исподволь продолжала вызревать революция. 12 апреля 1931 г. в Испании прошли муниципальные выборы, на которых монархисты получили 48,7% голосов против 42,2% у республиканцев. В 1931 г. была принята республиканская конституция. К власти пришло либерально-социалистическое правительство М. Асаньи.

В условиях социального кризиса в стране с двух сторон нарастал радикализм. Коммунисты и анархо-синдикалисты усиливали свое влияние на политическую жизнь Испании. Обе партии приняли активное участие в стачечном движении. 15 января 1936 г. Испанская коммунистическая партия, Социалистическая рабочая партия Испании, левые либералы и республиканцы объединились в Народный фронт. 16 февраля 1936 г. состоялись парламентские выборы, на которых благодаря мажоритарной системе Народный фронт завоевал 263 места против 156 у Национального фронта (с. 94–95).

После парламентских выборов начались столкновения между экстремистами и нападения на демонстрации, в которых погибло 269 человек. 15 марта был арестован Примо де Ривера. Массовые настроения радикализировались идеологической элитой. Страна жила в предчувствии гражданской войны (с. 107).

После победы Народного фронта правые по взглядам офицеры и генералы стали под руководством генерала Э. Мола готовить переворот, который начался 16 июля. Восстали части, расквартированные в колонии Марокко. 18 июля мятеж распространился на всю Испанию. Армия брала под контроль ключевые центры испанских городов. На стороне мятежников оказались 80–85% офицерского состава армии (с. 109).

Утром 19 июля мятежники вышли из казарм и двинулись в центр Барселоны. Однако здесь рабочих удалось вооружить, и в Барселоне мятеж провалился. По многим городам Испании начались выступления левых, которые блокировали армейские части и не давали мятежу распространиться.

Одновременно набирал силу франкистский террор. «К стенке» ставили не только сторонников социализма или анархизма, но даже и людей, известных как республиканцы. Так, мятежники рас-

стреляли известного поэта Ф. Гарсиа Лорку, кинокритика Х. Пикераса Мартинеса и др. (с. 115). По подсчетам испанских историков, 60% жителей Испании остались на республиканской территории, 40% – на территории националистов. Между тем помощь франкистам стали оказывать Германия и Италия.

Франция предложила всем заинтересованным странам организовать режим «невмешательства» в испанские дела, полностью исключив поставку в этот очаг конфликта военных материалов. 15 августа соглашение о «невмешательстве» было подписано Великобританией и Францией, затем об участии в «невмешательстве» заявили Италия и Португалия, позже – СССР и Германия (с. 125).

Нужно отметить, что ряды противников республики оказались довольно смешанными. Здесь были правые республиканцы, монархисты и сторонники Фаланги (ультраправой политической партии, основанной в 1933 г. Прима-де-Риверой). Франкистский режим получил поддержку большей части церковных верхов, которые предложили свои услуги в деле формирования идеологии. Автор отмечает, что республиканцы сформировали правительство широкой антифашистской коалиции. Президент Асанья поручил формирование правительства Ф. Ларго Кабальеро, который это сделал 4 сентября 1936 г. В правительство вошли два коммуниста – В. Урибе и Х. Эрнандес (с. 199).

На своей территории республиканцы начали создавать экономику самоуправления. Аграрная революция началась с разгрома помещичьего землевладения. В городах и в сельской местности началась коллективизация, при этом помещиков ликвидировали как класс: так, в провинции Хаен, например, за август-сентябрь было убито свыше 3 тыс. помещиков. Препятствовать этому пытались другие страны, поскольку шла конфискация предприятий, принадлежавших иностранному капиталу. В общем порыве землю конфисковывали не только у помещиков, но и у большинства кулаков. Кулаками считались те, кто применял наемный труд круглый год.

Автор отмечает, что республиканцы добились определенных успехов в организации военного производства. Особенно это касалось Каталонии. В целом, например, с декабря 1936 по апрель 1937 г. производство патронов выросло с 380 до 500 тыс. штук (с. 229).

6 октября 1936 г. началось наступление франкистов под общим командованием генерала Мола на Мадрид (с. 265). Против столицы Франко сосредоточил около 25 тыс. человек. Одновременно было предпринято второстепенное наступление через Сигуэнсу на Гвадалахару. Наступающим противостояли 30–40 тыс. плохо вооруженных и в большинстве своем необученных бойцов (с. 265–266). Первоначально франкистам сопутствовал успех, однако затем республиканцы нанесли ряд контрударов, и борьба стала идти с переменным успехом. 6 ноября правительство отбыло из Мадрида в Валенсию (с. 278). 15 ноября франкисты возобновили наступление, прорвавшись к Университетскому городку. Начались ожесточенные бои, которые продолжались до 23 ноября. Франкистам не удалось взять Мадрид (с. 289).

После того как республиканцы остановили наступление франкистов на Мадрид, в республике произошла поляризация политических сил: коммунистов и анархо-синдикалистов. В частности, речь идет об испанском Ленине – как называли Ларго Кабальеро. Его курс противоречил планам коммунистов и социал-либералов, направленным на ликвидацию производственной демократии (с. 304).

Тем временем положение на фронте стало тупиковым. Отбив штурм Мадрида, республиканцы не смогли перейти в контрнаступление. Равновесие сил привело к позиционной войне на Центральном фронте, подобной Первой мировой войне. Франкисты попытались обойти Мадрид, но неудачно. Затем начались ожесточенные бои за местечко Лас-Росас, которые закончились безрезультатно для обеих сторон (с. 317).

В 1937 г. обе стороны развернули мобилизацию, которая на территории Франко шла быстрее, так как там не было дефицита стрелкового оружия. Но главным фактором, который в начале 1937 г. нарушил равновесие сил, стало прибытие итальянского экспедиционного корпуса (с. 319).

6 февраля республиканцы предприняли крупное наступление под Мадридом силами 20–25 тыс. человек. Началась битва при Хараме, которая превратилась в тяжелые встречные бои. В конечном итоге фронт стабилизировался. КПИ предприняла агитационную кампанию, объявлявшую Хараму победой. После этого франкисты решили ударить в тыл всему мадридскому фронту

республиканцев через Гвадалахару. Здесь Франко сосредоточил 15 тыс. испанцев и марокканцев и 35 тыс. итальянских чернорубашечников при 250 танках (с. 334). У республиканцев также были танки советского производства. Верх в сражении у Гвадалахары одержали республиканцы. Это вызвало взрыв энтузиазма в республиканской зоне.

3 мая 1937 г. гражданские гвардейцы, руководимые членом Объединённой социалистической партии Каталонии, генеральным комиссаром охраны порядка Р. Саласом, попытались захватить Центральную телефонную станцию Барселоны, контролируемую НКТ (с. 362). Эта акция вызвала возмущение рабочих и привела к уличным боям. Такое развитие событий нанесло удар по антифашистской коалиции, обнажив существующие внутри ее противоречия. Правительство широкой коалиции во главе с Ларго Кабальеро сменилось более узким по составу правительством Народного фронта во главе с Негрином, который сохранил за собой пост министра финансов.

В Испании установилась «Народная демократия» – так автор именует просоветский режим, сочетающий либеральный фасад с авторитарно-этатистским содержанием. В мае-июне 1937 г. правительство развернуло репрессии по стране, наиболее известной акцией стало убийство лидера ПОУМ (Рабочая партия марксистского единства) А. Нина (с. 411).

Тем временем франкистам удалось захватить северный анклав Республики, состоящий из Страны Басков, Астурии и Сантандера. В битве под Теруэлем в декабре 1937 – феврале 1938 г. убедительную победу одержали франкисты (с. 468).

Вслед за этим началась агония республики. Нарастали трудности со снабжением городов продовольствием. 23 декабря 1938 г. Франко начал наступление на Каталонию, имея здесь значительное превосходство как в живой силе, так и в технике. Кроме того, части республиканцев были деморализованы. Франкистам удалось прорвать фронт. 26 января пала Барселона (с. 512–514). К февралю 1939 г. франкистам удалось захватить всю промышленную базу республиканцев. 5 марта 1939 г. было объявлено о создании Национального совета обороны без коммунистов, который повел дело к капитуляции перед Франко. 25–27 марта франкисты перешли во всеобщее наступление и без сопротивления заняли Мадрид.

К 1 апреля они смогли поставить под контроль всю Испанию (с. 532).

В заключении, озаглавленном «Звёздный час Испании», автор делает вывод, что испанская революция стала результатом резонанса нескольких глубинных социальных конфликтов: противоборства двух Испаний – консервативной религиозной и светской прогрессистской, противоречий перехода от аграрного общества к индустриальному; выбора стратегий перехода к социальному государству в условиях начавшейся Великой депрессии (с. 535).

Первоначальный успех республиканцев обеспечили мобилизация общества и раздача оружия народу, которые осуществили профсоюзы и социалистические партии. Однако помощь стран «Оси» помогла фашистским мятежникам оправиться от первого удара, полученного в июльские дни. И тут стало ясно, что республиканская милиция, превосходившая армию в условиях противоборства в городах, не может вести наступательную войну (с. 536).

Началась затяжная война, причем во многом – из-за внешнего вмешательства. В мае 1937 г. на место революционного правительства пришла коалиция, заинтересованная в снижении, а затем и полном погашении накала революции. Всё это привело в краху республики за несколько месяцев до начала Второй мировой войны.

*А.Д. Стрельцов**

* Стрельцов Алексей Дмитриевич – младший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: alstrl89@mail.ru

ДЖЕНКС Э. ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ И СЕКРЕТНОСТЬ В ПОЗДНИЕ ГОДЫ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ: ВЗГЛЯД ИЗ КОСМОСА.

JENKS A. Securitization and secrecy in the late Cold War: the view from space // Kritika. – 2020. – Vol. 21, N 3. – P. 659–689.

DOI: 10.1353/kri. 2020.0031

Ключевые слова: холодная война; космонавтика в СССР; международное научно-техническое сотрудничество.

Keywords: cold war; space exploration in Soviet Union; international scientific cooperation.

Для цитирования: Минц М.М. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2022. – № 4. – С. 168–170. Реф. ст.: Jenks A. Securitization and secrecy in the late Cold War: the view from space // Kritika. – 2020. – Vol. 21, N 3. – P. 659–689.

Статья Эндрю Дженкса (Университет штата Калифорния в Лонг-Бич) хронологически охватывает период с середины 1960-х до конца 1980-х годов и посвящена сотрудничеству между Советским Союзом и западными странами (главным образом между СССР и США) в освоении космоса. Особое внимание автор уделяет проблеме секретности в советско-американских отношениях, включая сравнительный анализ советского и американского подходов к секретности, безопасности и наоборот – к открытости и свободному обмену научной информацией, эволюцию этих подходов и ее влияние на развитие научного сотрудничества между двумя странами. В статье показаны конфликтующие точки зрения, существовавшие как в США, так и в СССР по поводу совместных программ в области изучения космоса; автор выявляет и сравнивает те опасения, которыми руководствовались сторонники укрепления режима секретности в Москве и Вашингтоне.

Парадоксальным образом в 1970–1980-е годы Советский Союз, известный своим исключительным уровнем секретности, в космических исследованиях демонстрировал бóльшую открытость по сравнению с Соединёнными Штатами. Ещё в 1960-е годы советская космическая программа была засекречена почти полностью, тогда как в США гражданская космонавтика была довольно рано отделена от военных исследований, так что космические полеты, не связанные с обороной, широко освещались в прессе, а первая высадка на Луну в 1969 г. происходила практически в прямом телеэфире. Тем не менее уже в 1965–1966 гг. СССР начал налаживать научное сотрудничество с Францией, в том числе и в космических исследованиях. В 1972 г. было подписано советско-американское соглашение о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях. Высшей точкой этого сотрудничества стал совместный полет космических кораблей «Союз-19» и «Аполлон» в 1975 г. В дальнейшем, однако, в американской администрации взяли верх сторонники усиления режима секретности, и совместные программы в области космонавтики были свернуты. Эта тенденция особенно усилилась в 1980-е годы, после ввода советских войск в Афганистан и избрания Р. Рейгана на пост президента США. В 1982 г. американская сторона отказалась продлевать договор 1972 г., а в 1985 г. десятилетняя годовщина программы «Союз – Аполлон» широко отмечалась лишь в нашей стране. В течение длительного времени Соединённые Штаты не допускали к участию в своей космической программе даже своих европейских союзников из опасения, что в результате такого сотрудничества американские технологии могут попасть в СССР, например, через Францию. Советское правительство, напротив, продолжало развивать международное сотрудничество в космических исследованиях не только со странами социалистического блока по программе «Интеркосмос», но и с другими европейскими государствами (так, в 1982 г. именно на советском космическом корабле совершил свой полет первый французский космонавт). Ещё активнее такие программы начали развиваться в годы Перестройки.

Дженкс отмечает, что хотя противники международного научного сотрудничества имелись по обе стороны железного занавеса, их мотивы в разных странах были неодинаковыми. Советские

руководители среди прочего опасались, что СССР в совместных космических программах может оказаться на вторых ролях. Эти страхи на поверку оказались беспочвенными: та же программа «Союз – Аполлон» подтвердила, что СССР сохраняет паритет с Америкой в космических технологиях и даже обгоняет Соединённые Штаты по некоторым направлениям. Американские противники сотрудничества, напротив, были убеждены в технологическом превосходстве США над другими странами, но опасались, что чрезмерная открытость может привести к утрате ими своих лидерских позиций. Таким образом, заключает автор, сложные перипетии холодной войны привели к тому, что «по сравнению с режимами секретности и обмена информацией начала 1960-х годов, к середине 1980-х Соединённые Штаты и Советский Союз поменялись ролями» (с. 689).

*М.М. Минц**

* Минц Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Персональный сайт: <https://michael-mints.ru>

ЭППЛБАУМ Р. РУССКИЙ ЯЗЫК В ГОДЫ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ: КАК ТРИ МИРА СОЗДАЛИ ВСЕМИРНЫЙ ЯЗЫК.

APPLEBAUM R. The rise of Russian in the Cold War: how three worlds made a world language // Kritika. – 2020. – Vol. 21, N 2. – P. 347–370. DOI: 10.1353/kri. 2020.0016

Ключевые слова: холодная война; внешняя политика СССР; политика «мягкой силы»; преподавание русского языка за рубежом.

Keywords: cold war; soviet foreign policy; soft power policy; russian language teaching abroad.

Для цитирования: Минц М.М. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2022. – № 4. – С. 171–173. Реф. ст.: Applebaum R. The rise of Russian in the Cold War: how three worlds made a world language // Kritika. – 2020. – Vol. 21, N 2. – P. 347–370.

В статье Рэчел Эпплбаум (Университет Тафтса, США) анализируется политика Советского Союза в области преподавания русского языка за рубежом в послевоенные годы. Автор отмечает, что эта политика развивалась по трем основным направлениям (преподавание русского в странах социалистического блока, в развитых капиталистических странах и в странах «третьего мира»), которые в имеющейся литературе рассматриваются по отдельности, несмотря на то что действия советского руководства на всех трех направлениях были достаточно тесно взаимосвязаны. «Необходим, – пишет Эпплбаум, – глобальный подход к советской истории – основанный на примерах из всех трех миров – чтобы рассмотреть важные вопросы, относящиеся к послевоенному периоду: как новый статус сверхдержавы повлиял на мировоззрение советских чиновников и других граждан? Как реагировали зарубежные друзья и враги Советского Союза – и те, кто оказался между ними, –

на развитие СССР как глобальной державы?» (с. 350). Реферируемая статья представляет собой общий обзор основных результатов такого сравнительного анализа (раздел, посвященный странам «глобального Юга», ограничивается главным образом странами Азии и Африки).

В социалистических странах широкое преподавание русского языка началось еще на рубеже 1940–1950-х годов. В школах его изучение стало обязательным, появились также курсы для взрослых. Советское руководство рассматривало язык не только как средство дальнейшей интеграции социалистического лагеря, но и как важный канал для пропаганды коммунистической идеологии и ценностей. На рубеже 1950-1960-х годов научно-технические достижения СССР (особенно успехи в освоении космоса) вызвали стремительно растущий интерес к русскому языку в западном мире. Реакция московских чиновников была сложной: советские руководители понимали, что языковые программы являются одним из способов улучшить репутацию СССР в развитых странах, но испытывали тревогу в связи с тем, что русский язык на Западе преподают в основном местные учителя, в том числе русские эмигранты, враждебно настроенные к Советскому Союзу (в описываемый период, по словам автора, эти опасения были уже сильно преувеличенными, поскольку в действительности доля белоэмигрантов среди преподавателей русского после войны была относительно небольшой). Тогда же началось продвижение русского языка в развивающихся странах: здесь это рассматривалось как одно из направлений конкуренции с Западом за политическое и экономическое влияние в получивших независимость бывших европейских колониях.

Вплоть до смерти Сталина практические мероприятия советского правительства по продвижению русского языка за рубежом ограничивались в основном поставками учебников в социалистические страны. Начиная со второй половины 1950-х годов эта политика стала гораздо более активной и включала в себя уже не только издание идеологически выверенных учебников, но и командировки преподавателей русского языка за границу, обучение иностранных преподавателей в СССР и т.д. Особое внимание автор обращает на возникновение лингвострановедения как самостоятельного направления в преподавании русского языка иностран-

цам. Эта методика позволяла знакомить учащихся не только собственно с языком, но и с советским образом жизни, в том числе в обход местных законов, запрещающих политическую пропаганду в школе.

*М.М. Минц**

* Минц Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Персональный сайт: <https://michael-mints.ru>

КОЗЛОВА Д.А. ПРОБЛЕМЫ ШОТЛАНДСКОГО ДЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ (40–70-е годы XX в.) : монография. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Изд-во Южного федерального ун-та, 2020 г. – 135 с.

Ключевые слова: шотландская национальная идентичность; шотландский национализм; деволюционное движение в Шотландии.

Keywords: scottish national identity; scottish nationalism; devolution movement in Scotland.

Для цитирования: Стрельцов А.Д. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2022. – № 4. – С. 174–179. Реф. кн. : Проблемы шотландского деволюционного движения (40–70-е годы XX в.) : монография. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Изд-во Южного федерального ун-та, 2020 г. – 135 с.

Автор книги – канд. ист. наук Д.А. Козлова (Высшая школа бизнеса Южного федерального университета), специалист в области европейских исследований, британских исследований и туризма. Реферируемая работа посвящена рассмотрению феномена деволюционного¹ движения Шотландии.

Во введении автор отмечает значение вопроса об истоках шотландской борьбы за независимость и об особенностях национальной идентичности. Этот вопрос встал в связи с результатами шотландского референдума 2014 г., когда мечты националистов о полной независимости Шотландии едва не сбылись (с. 4). Исторически период с конца 1940-х по конец 1970-х годов был одним из

¹ Деволюция – в конституционно-правовой практике ряда стран – передача (делегирование) центральными правительственными органами части своих полномочий местным органам власти. – *Прим. реф.*

важных этапов в развитии шотландского деволюционного движения. Его изучение позволяет объяснить современные политические процессы с точки зрения воздействия на них национализма (с. 5).

Также автор рассуждает о влиянии различных сфер на формирование нации. Важнейшей составляющей является роль интеллектуалов и представителей культуры, к которым относятся литераторы и публицисты, поэты, журналисты, историки, художники и другие деятели искусства (с. 7).

В первой главе автор рассматривает политическое и социально-экономическое развитие Шотландии в 1940–1970-е годы. С 1707 г., когда парламенты Англии и Шотландии подписали Акт об Унии, Шотландии было отведено особое положение в рамках Королевства Великобритании. Она сохранила собственную правовую, административную, образовательную и религиозную систему. Но в руках Великобритании были сосредоточены управленческие полномочия (с. 14).

Автор разделяет историю шотландского деволюционного движения до середины 1940-х годов на периоды, обусловленные ростом национального самосознания:

1. 1707–1746 гг. В этот период наметилось разделение населения Шотландии на якобитов, которых поддерживали католические кланы Хайленда, и сторонников сохранения союза с южным соседом.

2. Середина XVIII – начало XIX в. – Возрастает интерес к изучению интеллектуального наследия страны.

3. 1800–1880-е годы характеризуются рядом особенностей. Во-первых, британское правительство было вынуждено искать новые пути единения национальных сообществ. Во-вторых, все слои шотландского общества были одинаково оппозиционно настроены к идеям юнионизма.

4. Появление термина «Шотландия» вместо «Северная Британия», восстановление Министерства по делам Шотландии, учреждение обществ по изучению и популяризации национального достояния (с. 16–17).

Социально-экономическое развития Шотландии определенным образом влияло на деволюционные процессы. Так, Шотландия обладает большими запасами пресной воды (около 90% объема воды всей Великобритании). В конце 1960-х годов у восточных

берегов региона были обнаружены большие запасы нефти, что дало националистам весомый аргумент в борьбе за автономию. Открытие североморских месторождений увеличило ВВП на душу населения Шотландии до уровня эквивалентного Великобритании в целом (с. 23).

Центральное правительство, стремясь остановить деволюционные процессы, пыталось увеличить число рабочих мест и диверсифицировать производственную базу региона. Следующей инициативой правительства стала помощь автомобилестроению: строительство новых фабрик в Батгейте, где British Motor Corporation производила грузовики и тракторы, и Линвуде, где Roots выпускала знаменитые машины Hillman Imp (с. 34).

Во второй главе автор обращается к вопросу деволюционных процессов в политической сфере в 1940–1970-е годы. Выборы 1945 г. обозначили контуры шотландской политики для целого поколения: превосходство лейбористов и юнионистов над другими партиями стало особенно очевидным. Лейбористы успешно увеличивали число рабочих мест. Еще одной инициативой лейбористов стало создание социально ориентированного государства. Приоритетом для лейбористов стало жилищное строительство для всего сообщества, а не только рабочего класса. В свою очередь популярность юнионистов объяснялась их имиджем основных защитников шотландских идей, что отличалось от деятельности других партий, например, лейбористов, которые предпочитали бороться за власть в Лондоне. Однако к концу 1960-х годов юнионисты стали терять поддержку избирателей.

Самыми близкими юнионистам по политическим взглядам были консерваторы. Основой их внутренней политики стали национализация и жилищный вопрос. Однако на выборах 1964 г. они потерпели неудачу. Их новыми оппонентами оказались не только лейбористы, но и националисты – Шотландская национальная партия. Однако в новых политических реалиях партии взяли курс на межпартийное сотрудничество.

Член Шотландской национальной партии Дж. Маккормик и его союзники начали новую агитационную кампанию за учреждение шотландского парламента. Они выступали за наделение региона законодательными полномочиями в сфере социальных и экономических проблем. Шотландия, в соответствии с планом

Маккормика, должна была получить некоторую независимость в составе Великобритании (с. 48).

Автор отмечает, что шотландским националистам на выборах далеко не всегда сопутствовал успех. Из-за этого данную партию разрывали внутренние противоречия. Тогда активисты националистов сделали ставку не на коренные преобразования, а на детали: на реализацию элементов государственной политики на местных уровнях. Данная работа принесла плоды: в конце 1960-х годов народная поддержка национальной партии выросла (с. 51).

События конца 1960-х – 1970-х годов выделяются в особое десятилетие, отмеченное подъемом деволюционного движения. В конце 1960-х годов шотландский вопрос начал оказывать все большее влияние на курс политики Лондона. Когда государство перестало быть гарантом материального благосостояния, вновь возникли требования о шотландском парламенте, а позже – и вовсе о суверенитете (с. 52–53).

В 1970-е годы деволюция уже рассматривалась как реальный и неотъемлемый факт политической жизни. Стоит отметить, что лейбористское правительство Дж. Каллагана предложило учредить шотландский представительский орган – Ассамблею. Согласно проекту, Вестминстер сохранял за собой полномочия в сфере Вооруженных сил и внешней политики. Ассамблее было передано социальное обеспечение, высшее образование, часть промышленной политики и выплат в общественном секторе (с. 63–64). И все же Шотландский Акт так и не был принят.

В третьей главе автор останавливается на проблеме национальной идеи и массового сознания во второй половине 1940-х – 1970-х годах. В контексте деволюционных процессов шотландский национализм можно рассматривать сквозь призму выражения народом любви к своим традициям и культуре, готовности защищать свои неотъемлемые национальные права на самоопределение и самоуправление при отсутствии агрессии по отношению к южному соседу. Колыбелью идеи шотландской национальной идентичности было само гражданское общество. При этом патриотически настроенные активисты были сторонниками мирного демократического выбора и референдумов. Итак, шотландская национальная идея вынашивалась интеллектуальными кругами и разнообразными институтами (партиями, организациями, собраниями, где ак-

тивную позицию занимали представители интеллектуальных, политических и культурных сообществ (с. 74–75).

Национальная идентичность также проявляла себя в традиционных символах, литературе и публичных общественно-политических действиях (с. 89). Кампании в поддержку деволуции затрагивали вопросы культурного наследия. Шотландские националисты подвергали критике Унию 1707 года, и расценивали ее как угнетающее и нелегитимное объединение. Она рассматривалась ими как одностороннее соглашение, навязанное шотландцам английской стороной. Автор отмечает значение для шотландского народа такого персонажа, как Уильям Уоллес (1270–1305), шотландский рыцарь, один из военачальников в войне за независимость от Англии. Он является классическим шотландским героем, олицетворяющим храбрость и бесстрашие народа, его способность отстаивать правоту и бороться за справедливость и право своего народа на свободное существование.

В 1967 г. под редакцией писателя М. МакДиармида переиздается сборник песен об У. Уоллесе, составленный средневековым менестрелем Слепым Гарри в XV в. И хотя известно, что бард приписал историческому персонажу многие характеристики, которыми Уоллес не обладал, его произведения на протяжении 500 лет пользовались популярностью у населения (с. 93).

Еще один объект шотландского наследия, ставший политическим символом, – это Эдинбургский замок, шотландская крепость, на протяжении долгого времени считавшаяся «ключом к Шотландии». Военные покинули его в конце 1950-х годов, после чего он стал открытым для посещения. Роль замка в шотландской политике и обществе долгое время оставалась неподвластной никакой критике (с. 95).

В 1970-е годы интерес исследователей был направлен не только на переиздание произведений о славном прошлом Шотландии, но и на изучение времени их создания, биографий писателей, их литературного окружения. В этом смысле интересна писательница «умеренного толка» Дж. Протер. Шотландка по происхождению, она провела большую часть жизни в Англии, что наложило отпечаток на ее творчество: писательница была увлечена деволуционным движением, освещением его внутренних и внешних фак-

торов, что послужило основой ее исторических романов – таких, например, как «Начальники, или Шефы Шотландии» и «Костюшко».

Другой составляющей культурного национализма является «повседневный национализм», исследованный М. Биллигом. Именно понятие бытового национализма дает возможность осознать привязанность каждого члена общества к своей нации не только на высоком духовном и политическом уровне, но и на обыденном, повседневном, а также на уровне подсознания. Разница между повседневным национализмом и его радикальным вариантом состоит в том, что первый не защищает милитаристски настроенные группы. Бытовой национализм воспринимает государственность как само собой разумеющуюся, признавая ее существование (с. 104–105).

В заключение автор отмечает причины, по которым идеи деволуции и шотландского суверенитета не получили широкого распространения раньше конца 1960-х годов. Одна из них – снижавшийся уровень экономики Шотландии, следовавший динамике британской экономики. Ответом на это стала передача больших экономических полномочий Министерству по делам Шотландии. Одной из проблем деволуционного движения стали нескончаемые противоречия внутри политических партий: в 1970-е годы ряды членов всех партий были разобщены, что мешало формированию стройной партийной идеологии (с. 113).

История Шотландии XX столетия демонстрирует, что понятие «независимость» идет из глубины веков и объединяет идеалы интеллектуалов XX в. с шотландским культурным наследием. Региональный национализм несет в себе функцию «двигателя» государственного и общественного устройства. Эти процессы протекали одновременно с неизбежным сплочением остальной части шотландского общества – той его части, которая была заинтересована в сохранении Союза и составила основу юнионистского движения (с. 114).

*А.Д. Стрельцов**

* Стрельцов Алексей Дмитриевич – младший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: alstr189@mail.ru

ОРЛОВ А.А. НАЦИОНАЛИЗМ В ИСТОРИИ КАТАЛОНИИ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ. – Москва : МГИМО–Университет, 2020 г. – 550 с.

Ключевые слова: история Каталонии; социально-экономическое развитие Каталонии, каталонский национализм; каталанизм.

Keywords: history of Catalonia; socio-economic development of Catalonia, catalan nationalism; catalanism.

Для цитирования: Стрельцов А.Д. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2022. – № 4. – С. 180–187. Реф. кн.: Орлов А.А. Национализм в истории Каталонии: прошлое и настоящее. – Москва : МГИМО–Университет, 2020 г. – 550 с.

Орлов Александр Арсеньевич – канд. ист. наук, профессор МГИМО МИД России. Реферируемая работа посвящена исследованию сложного феномена национализма в Каталонии, перешедшего в настоящее время в стадию сепаратизма, угрожающего целостности Испании. Автор в своем исследовании стремился проследить за развитием и становлением каталонского национализма, понять, что собой представляет каталонский народ и каковы его корни.

Во введении автор рассказывает в целом о сепаратизме Каталонии и отмечает, что начиная с 2010 г. эта провинция переживает один из наиболее острых всплесков национализма и сепаратизма в своей современной истории, который далек от завершения. Каталония, рассуждает автор, оказалась в составе многонациональной Испании в силу исторических процессов, поэтому ее отделение выглядело бы неестественным. Он опровергает утверждение многих испанских политиков, что демократическое, правовое государство само по себе является гарантией от национализма. Каталонский сепаратизм существовал и при монархии, и при дикта-

туре, и в условиях демократии, следовательно, у него глубокие исторические корни (с. 11).

Задаваясь вопросом, кто были предками современных каталонцев, автор прослеживает формирование иберийской нации с доисторических времен, показывает роль Карфагена, завоевавшего Иберийский полуостров в ходе римско-карфагенских войн. После того как римляне вытеснили карфагенян и их союзников из Испании, начался процесс романизации Испании. Автор отмечает значение латинского языка, принесенного римлянами, который стал важнейшим связующим элементом, позволившим сблизить различные проживающие здесь народы (с. 49).

Вестготская эпоха в истории Испании длилась с V по VIII в. Что же касается Каталонии, то о ней в период вестготского господства в Испании известно сравнительно немного, значительно меньше, чем о римском периоде истории. Это может свидетельствовать только о том, что на протяжении трех веков ничего существенного здесь не происходило, считает автор.

Во время завоевания Испании арабами Каталония не осталась в стороне от нашествия мусульман. В 706 г. ими была захвачена Таррагона (город на востоке современной Испании). После этого эти места на многие десятилетия опустели, что привело к фактическому прекращению здесь хозяйственной деятельности (с. 58–59).

Испанская марка – области между Францией и владениями арабов в Испании, включавшая в себя части современных Каталонии, Наварры и Арагона и простиравшаяся приблизительно до реки Эбро. Испанская марка состояла из почти 20 зависимых от империи Каролингов графств, которые не имели унифицированной административной структуры. Автор повествует об истории графства Барселоны, которую в 801 г. после продолжительной осады взяли франки. При этом, Барселонское графство стало центром консолидации других графств, которые можно условно отнести к каталонскому сегменту Испанской марки (с. 63).

Далее в книге речь идет о кризисе и распаде Кордовского халифата, противостоянии христианских и мусульманских карликовых государств и укреплении Барселонского графства. Были образованы Королевство Леон, территория которого в момент максимального расцвета охватывала четвертую часть Пиренейского

полуострова – весь его северо-запад; Королевство Памплона, которое вскоре станет больше известно как Королевство Наварра, а также Королевство Кастилия (с. 70). Тем временем, Кордовский халифат в XI в. распался на множество мелких государств – тайфов и эмиратов.

В результате династического брака произошло объединение Королевства Арагон и Барселонского графства в некое подобие конфедерации при заглавной роли Арагона. Важной особенностью этой каталано-арагонской унии стало то, что каждая из частей сохранила свои законы, институты и традиции, а правящие династии должны были соблюдать эти принципы.

Говоря о средиземноморской экспансии Арагонской короны и роли в ней Каталонии, автор отмечает, что для современных каталонских националистов не может быть сомнений в том, что Арагон стал средиземноморской державой благодаря усилиям каталонцев (с. 93).

Бракосочетание в 1469 г. Изабеллы Кастильской и Фернандо Арагонского по своим последствиям стало фундаментальным событием в истории Испании (с. 104). Начиная с 1482 г. Кастильско-арагонское государство, в течение 10 лет в результате кровопролитных сражений присоединило мусульманскую Гранаду. Между тем экономическое положение Арагона осложнялось наличием неплодородных земель и засушливым климатом, при более благоприятном положении Валенсии.

Однако после объединения Кастилии и Арагона Каталония стала терять свои позиции, превратившись в периферию кастильско-арагонского государства. Это нанесло удар и по национальному самолюбию, и по экономическим позициям каталонских предпринимателей и финансистов.

Автор рассказывает о том, как каталонцы служили Испанской империи. В 1492 г., всего через несколько месяцев после завершения Реконксты, каравеллы Христофора Колумба достигли Америки. Автор также отмечает, что все военные кампании и экспансионистские амбиции Мадрида финансировались из кастильской казны. Каталония же, как и другие субъекты Арагонской короны, была освобождена от обязанности оплачивать военные расходы и налоги в пользу испанского короля. При этом успехи

каталонских флотоводцев того периода являются предметом гордости современной Каталонии (с. 122).

В книге отмечается, что каталонские националисты весьма высоко оценивают династию Габсбургов. Первым, и весьма уважаемым ими, в списке королей этой династии стоит Карл I, он же Карл V – император Священной Римской империи. Каталония превратилась для Карла V в своего рода тыловую базу в борьбе с внутренними восстаниями и внешними угрозами.

В 1556 г. на испанский престол взошел сын Карла V Филипп II, которому пришлось вести активную внешнюю политику. Помимо этого король покровительствовал Инквизиции, противостоял идеям Реформации, которая победила в большей части Германии и в Северной Европе. Филипп II потерпел неудачу в попытке подавить восстание в Нидерландах, в результате чего был низложен в 1581 г. (с. 132). В 1598 г. на испанский престол вступил сын Филиппа II Филипп III, который уступал отцу по своему масштабу как государственный деятель.

Отдельная глава книги посвящена участию Испании в Тридцатилетней войне и судьбе Каталонии, находившейся между Испанией и Францией. В 1621 г. на трон в Мадриде вступил Филипп IV, фаворит которого, граф-герцог Оливарес, стремился с помощью ряда реформ превратить Испанию в современное, централизованное государство и вернуть ей статус европейского гегемона (с. 147).

В ходе Тридцатилетней войны Испании пришлось бороться с Францией. Кастильские войска пытались защитить Каталонию от Франции, однако в этом княжестве их воспринимали как оккупантов. В конечном итоге дело окончилось восстанием в Каталонии против испанских властей. После этого, Каталония более чем на 10 лет перешла под власть Франции. Война с Францией шла для Испании с переменным успехом вплоть до 1648 г., когда стороны заключили мир (с. 172).

В 1665 г. на испанский трон взошел Карл II, который не имел наследников. Он 3 октября 1700 г. объявил своим наследником герцога Анжуйского (под именем Филиппа V) из династии Бурбонов, внука короля Франции Людовика XIV. Это привело к образованию антифранцузского «Большого альянса», состоявшего из Англии, Австрии, Голландии и Дании. 15 мая 1702 г. коалиция

объявила войну Франции и союзной ей Испании. В Испании началась гражданская война между сторонниками Филиппа V и эрцгерцога Карла. Она шла с переменным успехом и продолжалась до 1713 г., когда стороны заключили Утрехтский мир (с. 189). Филипп V сохранил испанскую корону, но с условием, что никогда не будет французским монархом. Каталония некоторое время сохраняла верность Карлу, но 11 сентября 1713 г. войска Филиппа взяли ее штурмом.

После этого был принят Королевский Декрет Новой Планты для Каталонии, который упразднял прежние институты власти (кортесы, Генеральную депутацию, Совет ста) и все другие органы. Отменялись привилегии Каталонии (с. 196).

После динамичного развития во второй половине XVIII в., в период наполеоновских войн Каталонии пришлось пережить трудные времена и бороться за свою независимость от французских захватчиков.

Автор повествует о своеобразных политических качелях времен правления Изабеллы II (1833–1868). Каталония поднимала восстания против нелюбимых ею мадридских правителей. Однако после короткого правления Амадея Савойского (2 ноября 1870 – 11 февраля 1873) началась история первой испанской республики, которая была очень бурной: за несколько месяцев сменилось четыре правительства. На территории Испании в этот период воцарились хаос и анархия. Однако уже в конце 1874 г. королем был провозглашен сын Изабеллы II Альфонс.

Отмечая такой феномен, как каталанизм, автор пишет, что он возник вследствие ряда факторов: ускоренного экономического роста Каталонии, формирования относительно либеральной политической среды, развития культуры и образования (с. 241).

В начале XX в., на фоне поражения Испании в испано-американской войне 1898 г., для которой это стало национальной катастрофой, отмечается подъем каталонского сепаратизма, в частности, в доктрине каталанизма к этому времени верх одержали консервативные тенденции, выразителем которых стала «Регионалистская лига» (с. 264). Летом 1909 г. в Барселоне произошло восстание, направленное против войны в Марокко.

В конце 1910-х годов отмечается обострение социально-политических противоречий в Испании. В августе 1917 г. круп-

нейшие индустриальные центры страны – Мадрид, Барселону, Бильбао, Овьедо – охватила забастовка. 13 сентября 1923 г. был совершен военный переворот, в результате которого к власти пришел генерал Мигель Primo-де-Ривера. Народ Испании, в том числе каталонцы, в целом поддержал установление военной диктатуры. Впрочем впоследствии каталонцы разочаровались в этой власти, когда была ликвидирована автономия Каталонии (с. 278–280).

На муниципальных выборах 12 апреля 1930 г. победу одержали республиканцы, что ознаменовало конец монархии. Король Альфонс XIII покинул Испанию. В Каталонии к власти пришли левые националисты.

Победа правых на парламентских выборах 1933 г. положила начало так называемому черному двухлетию. Правые попытались повернуть вспять начатые республиканцами реформы, что крайне накалило обстановку в стране. Однако Народный фронт, который объединил всех левых, победил на выборах 16 февраля 1936 г. Во главе правительства встал Мануэль Асанья, а в Каталонии победили левые националисты (с. 308). В среде испанских военных стали нарастать антиреспубликанские настроения. 18 июля 1936 г. военные, которых возглавил генерал Мола, подняли мятеж против правительства, однако их выступление в Мадриде и Барселоне провалилось.

Автор анализирует расклад сил в гражданской войне в Испании, отмечая, что основные промышленные центры остались под властью правительства (с. 321). Вместе с тем действиям республиканцев мешала неразбериха в их лагере, и мятежникам удалось завладеть инициативой. В мае 1937 г. в Барселоне анархисты и троцкисты подняли мятеж. Его быстро подавили, однако Асанья, на тот момент – президент Испании, заменил на посту премьера Ларго Кабальеро на Хуана Негрина (с. 328). Гражданская война после этого продолжалась еще два года. В конце концов, мятежники взяли верх.

В годы франкистской диктатуры была полностью упразднена автономия региона, что не помешало быстрому экономическому росту в 1960–1970-х годах (с. 357). С начала 1960-х годов в Каталонии стали проявляться признаки возрождения каталанизма.

Последние два-три года существования режима Франко стали для него катастрофичными. Франкизм трещал по швам. В пра-

вающей верхушке шла борьба между сторонниками ограниченных реформ и так называемыми «неподвижными» – твердыми консерваторами. Критика режима распространялась и в рядах армии, и в католической церкви (с. 376–377). Испанию сотрясали теракты, совершаемые не только ЭТА (баскская леворадикальная националистическая организация сепаратистов), но и другими организациями.

20 ноября 1975 г. Франко скончался в возрасте 82 лет. В стране начался демократический транзит власти. 22 ноября 1975 г. состоялась коронация короля Хуана Карлоса I, который назначил премьером Адольфо Суареса. Суарес стал готовить закон о политической реформе. Для продвижения этого закона ему пришлось преодолеть сопротивление консерваторов и заручиться поддержкой армии. Этот закон был утвержден на общенациональном референдуме (с. 391). Затем последовали легализация оппозиционных партий и их участие в выборах.

В Каталонии в 1979 г. на референдум вынесли проект Автономного статута Каталонии, который поддержали 88,1% голосовавших (с. 435). Затем последовали 23 года правления здесь умеренных националистов. На выборах 1984 г. победу одержала коалиция «Конвергенция и Союз», возглавляемая Жорди Пужолем (с. 453). Пужоль оставался главой Каталонии с 1980 по 2003 г., после чего его сменил лидер социалистов Паскуаль Марагалл.

В 2000-х годах отмечается обострение обстановки в Каталонии. В 2010 г. прошли выборы в парламент, на которых победила коалиция «Конвергенция и Союз». Артур Мас сформировал правительство меньшинства, став лидером каталонского сепаратизма. На выборах 27 сентября 2015 г. сепаратисты набрали около 40% голосов (с. 483).

Вследствие кризиса двухпартийной системы в Испании 1 октября 2017 г. в Каталонии провели референдум о независимости от Испании. За проголосовали 90% участвовавших в референдуме (с. 490). После этого Мадрид распустил правительство и парламент Каталонии и назначил на 21 декабря досрочные выборы. Однако лидеры каталонских сепаратистов продолжают играть важную роль во внутривнутриполитической жизни страны. С трудом удается поддерживать хрупкое равновесие в отношениях Барселоны и Мадрида.

В заключение автор отмечает, что кризис в Каталонии, вызванный деятельностью сепаратистов, затянулся и далек от завершения. Каталония пребывает в подвешенном состоянии, при котором идет борьба сепаратистов и противников отделения от Испании. Обострение каталонского конфликта вызвало встречную реакцию в Испании: возрождение испанского, прежде всего, кастильского национализма. Как будут в дальнейшем развиваться события в Каталонии, остается большой загадкой.

*А.Д. Стрельцов**

* Стрельцов Алексей Дмитриевич – младший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: alstr189@mail.ru

АКИМОВА В.С. ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЮКАГИРОВ (С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО XX в.) : монография : в 2 ч. Ч. 1. – Москва ; Берлин : Директмедиа Паблишинг, 2021. – 144 с. – (Ignotum Populis).

Ключевые слова: история Северо-Востока Сибири; этногенез юкагиров; юкагирские языки; культура юкагиров; лесные юкагиры; тундренные юкагиры.

Keywords: history of the Northern-East Siberia; ethnogenesis of yukaghirs; yukaghir languages; yukaghir culture; the taiga yukaghirs; the tundra yukaghirs.

Для цитирования: Петрухина Д.В. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2022. – № 4. – С. 188–192. Реф. кн.: Акимова В.С. Этническая история юкагиров (с древнейших времен до XX в.) : монография : в 2 ч. Ч. 1. – Москва ; Берлин : Директмедиа Паблишинг, 2021. – 144 с. – (Ignotum Populis).

Монография «Этническая история юкагиров (с древнейших времен до XX в.)» – издание из серии «Ignotum Populis», написанное коллективом авторов: канд. ист. наук В.С. Акимовой (РФФИ им. Аммосова), канд. ист. наук А.А. Немировским (ИВИ РАН) и В.И. Шадриным (ИГГиПМНС СО РАН). Книга посвящена развитию этнической культуры юкагиров на протяжении нескольких тысячелетий. Первая часть монографии¹ состоит из предисловия, трех глав и заключения. Содержательно она охватывает периоды истории юкагиров до XIX в. и включает подробное этнографическое описание этого народа. Источниками информации послужили работы в области археологии, этнологии, лингвистики, генетики, фольклористики, записки, отчеты и другие документы русских

¹ Вторая часть монографии к настоящему моменту не опубликована.

землепроходцев XVII–XVIII вв. Книга снабжена схемами и карто-схемами, облегчающими восприятие классификационных и пространственных отсылок.

В предисловии приводятся краткие сведения о современной численности юкагиров и ареале их расселения, а также обозначается цель исследования – систематизация имеющихся научных работ по изучению юкагиров.

В главе 1 рассматриваются «основные проблемы этногенеза и древней этнической истории юкагиров до XVII в.» (с. 6). Ассимиляция соседними этническими группами привела к потере значительной части культуры юкагиров, что затрудняет решение проблемы их этнического происхождения. В связи с этим авторы подчеркивают важность «этнической идентификации» археологических культур Северо-Востока Сибири.

На географию расселения юкагиров в разное время оказывали влияние переселение тунгусов с Юга Сибири в Приленье и проникновение в Центральную Якутию тюркских племен. В результате этого юкагиры были оттеснены на Северо-Восток Сибири и в большой степени ассимилированы другими группами. Согласно Переписи населения 2010 г., юкагиров насчитывается 1603 человека, проживающих на территории Республики Саха (Якутия), Чукотского автономного округа и Магаданской области. При этом четко выделяются две этнические общности, отличающиеся языком и культурой: южноюкагирская (лесные юкагиры) и североюкагирская (тундренные юкагиры).

Ранняя история юкагиров прослеживается по нескольким направлениям: фольклорному, археологическому, лингвистическому и культурному. По данным разных исследователей, в раннем этногенезе юкагиров (в II – I тыс. до н.э.) принимали участие как древнеуральские, так и прибайкальские народы, а также носители палеосибирского культурного субстрата.

В реконструкции древней истории юкагиров авторы опираются на лингвистические подтверждения формирования юкагирской языковой семьи к востоку от районов распространения уральских языков. По данным краниологических и генетических исследований антропологический тип современных юкагиров является результатом смешения представителей древнеуральской расы и монголоидов ранней байкальской малой расы. На вероятную принадлежность языка последних к семье неностратических

языков указывает «пласт неуральского и неалтайского характера» в современных юкагирских языках (с. 35). Таким образом, формирование на территории Восточной Сибири праюкагирской общности можно считать точкой отсчета этнической истории юкагиров.

Следующая веха в реконструкции лингвистического развития юкагиров – разделение на две ветви диалектов, произошедшее, по данным М.А. Живлова, около 1350 г. до н.э. В XVII в. юкагиры проживали от Лены до Анадыря, однако гидронимия Восточной Сибири, а также фольклор нганасан и якутов указывают на ареал расселения юкагиров по территории всей современной Якутии в прошлом.

Анализ археологических находок не дает ответа на вопросы о развитии юкагиров в период от мезолита до II тыс. до н.э. Однако появление на стоянках предметов усть-мильской культуры среди господствовавшей до этого ымыяхтахской культуры по времени совпадает с разделением праюкагирского языка на две ветви. Сам факт разделения ветвей, лексика которых совпадает только на 47% слов стословника, подтверждает обособленное развитие двух праюкагирских общностей, проживавших в относительной изоляции на большой территории в течение нескольких тысяч лет. Это согласуется с тезисом о расселении юкагиров по всей Якутии до Колымы (с. 49).

В результате соотнесения лингвистического, археологического и этнографического материала, можно прийти к выводу, что в некогда единый массив праюкагиров, проживавших в долине р. Лены и являвшихся носителями ымыяхтахской культуры, с юга проникла общность носителей усть-мильской культуры. Последняя была ассимилирована, при этом южные праюкагиры восприняли усть-мильскую культуру, тогда как северные продолжили придерживаться ымыяхтахской традиции. Эта ситуация положила начало культурному и языковому расхождению лесных и тундренных юкагиров.

Численность юкагиров в I тыс. н.э., по оценке авторов, составляла 20–30 тыс. человек. К концу тысячелетия, в результате вторжения тунгусских, тюркских и монгольских племен и частичной ассимиляции, вытеснения на крайний северо-восток Сибири и потере конкурентоспособности среди соседних этнических групп, численность юкагиров резко сократилась. Особенно сильно пострадали лесные юкагиры, число которых уменьшилось вдвое в связи со столкновениями с якутами и эвенками.

Глава 2 посвящена особенностям этнических процессов у юкагиров в XVII–XIX вв. К моменту начала контактов с русскими 13 юкагирских родов делились в языковом отношении на носителей североюкагирского и южноюкагирского языков, которые были взаимонепонимаемы (с. 71). Однако это не препятствовало созданию между ними конфедераций и осознанию причастности к одной этнической группе – вадул (на североюкагирском языке) или одул (на южноюкагирском языке). Этноним «юкагир», закрепившийся в русском языке, был заимствован из языка эвенков. В главе приводится подробное описание первых встреч юкагиров с русскими, включая местные легенды на эту тему.

Период с XVII по XIX в. ознаменовался для юкагиров снижением численности из-за болезней и голода. Необходимость перемещаться в поисках богатых охотничьих угодий способствовала постепенному разрыву связей между тундрными и лесными общностями и, как следствие, угасанию их общего самосознания. По данным В.И. Йохельсона, каждая из групп называла себя «настоящими юкагирами», подчеркивая, что другая группа некогда тоже относилась к юкагирам, но из-за тесных контактов с другими народами, перестала ими быть (с. 78). Такая ситуация породила множественность значений термина ва/одул, которым могли обозначаться отдельный род (племя), языковая общность (лесных или тундрных юкагиров) или пранарод, состоявший из предков обеих названных групп.

В главе 3 приводится этнографическое описание юкагиров: характеризуются основные способы жизнеобеспечения, материальная и духовная культура.

Традиционными занятиями юкагиров была охота на дикого оленя и рыболовство. С XVII в. к ним прибавилась охота на пушного зверя для уплаты ясака русским. К началу XX в. популяция дикого оленя резко сократилась из-за увеличения поголовья домашних оленей, принадлежащих чукчам, что заставило тундрных юкагиров перейти на кочевое оленеводство (с. 104). Промысел дикого оленя и линного гуся сохранял вторичную роль. Для лесных юкагиров важное значение имело рыболовство, в особенности после смещения маршрута миграций дикого оленя в XVIII в. Таким образом, основу рациона юкагиров составляли рыба и мясо в сыром, жареном или вяленом виде.

О традиционной одежде юкагиров можно судить по документам времен освоения Сибири и Дальнего Востока русскими. В целом элементы одежды схожи с аналогами у других народов Севера и Северо-Востока Сибири. Нательная и верхняя одежда шилась из шкур оленя, лося, зайца, белки и лисы с использованием меха пушных зверей и тюленей-бельков. Промысловая одежда отличалась высокой практичностью, а праздничная – большим количеством украшений из крашеного меха, бисера, вышивки, металлических блях, колец и жемчуга. Аксессуары изготавливались из шкур и кожи, в том числе рыбьей и птичьей. В XVIII в. для пошива летней одежды юкагиры начинают использовать ткани.

Особенностью юкагирской культуры можно назвать пиктографическое письмо на бересте, использовавшееся для промысловых посланий, сообщений о важных событиях в жизни рода, а также для написания девушками любовных посланий (с. 118).

Верования юкагиров в полной мере отражали их взаимоотношения с окружающей природой. Мифы и легенды передавались устно через волшебные сказки и предания. Большой пласт в юкагирском фольклоре занимают сказки о животных, среди которых главным выступает заяц – одно из основных тотемных животных. Медведь по легенде считался получеловеком и первопредком людей. О распространении культа тотемных животных свидетельствуют названия юкагирских родов – Заячий, Рыбный и т.п.

В религиозных представлениях юкагиров мир делится на три части: Верхний (обитель божеств), Средний (земной мир, обитель духов-хозяев) и Нижний, между которыми может путешествовать только шаман. С последним связан культ умерших шаманов, выражавшийся в хранении в жилище скелета шамана и подношении ему даров (с. 124).

В заключение авторы констатируют, что реконструкция этнической истории и решение проблемы этногенеза юкагиров невозможны без комплексного подхода и междисциплинарных исследований. Такая работа внесет большой вклад в изучение древнейшей истории всей Сибири.

*Д.В. Петрухина**

* Петрухина Дарья Валерьевна – научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: darkamercante@gmail.com

БУБРИК Р. РЫНКИ РАБОВ В XIX в.: РАБОТОРГОВЛЯ В МАРОККО.

BOUBRIK R. Nineteenth Century Slave Markets: The Moroccan Slave Trade // AlMuntaqa. – 2021. – Vol. 4, N 2. – P. 63–79. – URL: <https://www.jstor.org/stable/48651944>

Ключевые слова: история рабства; рынки рабов в Африке; работорговля в Марокко в XIX в.

Keywords: history of slavery; slave markets in Africa; the slave trade in Morocco in the 19 th century.

Для цитирования: Петрухина Д.В. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2022. – № 4. – С. 193–197. Реф. ст.: Boubrik R. Nineteenth Century Slave Markets: The Moroccan Slave Trade // AlMuntaqa. – 2021. – Vol. 4, N 2. – P. 63–79.

Статья Рахала Бубрика, профессора Рабатского университета имени Мохаммеда V, посвящена проблеме работорговли, осуществлявшейся на территории Марокко в XIX в. В фокусе исследования автора лежит торговля черными рабами, захваченными в Западном Судане. Источниками для написания статьи послужили работы других исследователей указанной проблемы, а также записки и документы европейцев, посещавших Марокко в XIX в.

В начале автор четко разводит понятия «рабство» и «работорговля», приводя в доказательство наличие временного промежутка между запретом европейскими странами работорговли и отменой рабства как системы (с. 63).

Рабство как социальный институт существовало в странах Магриба со Средних веков, о чем свидетельствуют списки караванных товаров, среди которых числились и рабы. В большинстве этих стран рабство было отменено к середине XIX в., однако в Марокко оно сохранялось до начала XX в. В отличие от алжирцев

и египтян, марокканские рабовладельцы покупали рабов для местного пользования, а не для перепродажи их в Европу или Среднюю Азию.

Первые количественные исследования транссахарской работорговли предпринял американский ученый Р. Остин в 1980-х годах. Однако попытки провести анализ статистики по аналогии с трансатлантической торговлей рабами не удались из-за недостатка письменных источников. Марокканцы не сохранили никаких записей о торгах, и, в отличие от Северной Америки, работорговлей в Сахаре занимались не организованные компании, а частные лица. После запрета работорговли в европейских странах рабы исчезли и из описей караванных товаров. Единственными источниками статистических данных могли служить документы, оставленные европейскими торговцами, дипломатами и путешественниками. Такие записи часто отличаются преувеличениями или, напротив, недооценкой численности рабов, выставлявшихся на марокканских невольничьих рынках. Подсчет общего количества рабов сложен и по причине существования большого количества караванов, отправлявшихся в Марокко из десятка разных городов Западного Судана. В результате количественные оценки значительно отличаются в разных источниках.

В статье приводится сводная таблица приблизительной усредненной численности рабов, ввозимых в Марокко ежегодно в разные периоды времени начиная с 1700 г. Пик данного показателя пришелся на середину XIX в. и составил 4 тыс. человек. В другое время количество рабов варьировалось от 2,5 до 3 тыс. человек, и только к концу XIX в., по некоторым данным, оно упало до 500 человек (с. 67). Такое резкое сокращение численности рабов связано с упадком транссахарской работорговли после европейской колонизации Западного Судана в 1894 г. По мнению автора, количественный подход к исследованию работорговли и рабства в Марокко вызывает много вопросов из-за недостатка и малой достоверности источников. Кроме того, никакие «цифры не могут рассказать о личных трагедиях людей» (с. 65).

Центрами работорговли в Марокко были не только крупные города – Танжер, Рабат, Фес, Эс-Сувеира и Марракеш, но и небольшие поселения и даже деревни. В особенности это касалось

поселений вдоль южной границы страны, где располагались первые стоянки караванов и открывались начальные торги за рабов. Жизнь некоторых из таких деревень и оазисов полностью зависела от проходивших мимо караванов. В зависимости от города торговли рабами проходила один-три раза в неделю.

Крупнейший невольничий рынок Марокко был расположен в Марракеше, куда съезжались покупатели из других регионов страны. За редким исключением рабов продавали в специальных зданиях, а не через публичный аукцион под открытым небом. Описания процесса торгов не сохранилось, однако известно, что он регулировался строгими правилами. Работа невольничьего рынка курировалась «попечителем» – одним из главных работорговцев, который для непосредственной продажи рабов нанимал несколько посредников. Каждая сделка подтверждалась двумя присутствовавшими нотариусами и официальным представителем Махзена (королевского двора), собиравшим налоги. Продавец и покупатель подписывали составленный нотариусом договор, в котором содержались сведения о поле, возрасте, цвете кожи, физическом состоянии раба, а также пометки об отсутствии болезней и других недостатков. Указывались имена предыдущих хозяев и период пребывания у них раба. Условия возврата раба с проявившимся после покупки дефектом оговаривались заранее и регулировались юридическими документами.

Особым вопросом был статус порабощенного человека. Многие из привозимых рабов были «свободными мусульманами» (с. 73) до тех пор, пока не попали в плен в результате войны племен или похищения. Поскольку такие рабы часто требовали вернуть им свободу, по прибытии на территорию Марокко им выдавалось официальное свидетельство, подтверждающее статус раба, которое действовало и после их смерти. Таким образом закреплялось право хозяина на детей этих рабов и пресекались дальнейшие требования к освобождению.

В Марокко работорговля была тесно интегрирована в местную экономику и способствовала ее росту. Работорговцы заранее знали о предпочтениях «специальных клиентов» и отбирали подходящих рабов для закрытых торгов, остальные рабы выставлялись на открытых еженедельных рынках. Марокканцы держали

рабов в качестве домашней прислуги, садовников в оазисах или работников на фермах. Наибольшим спросом на рынке пользовались женщины с красивой внешностью и навыками приготовления пищи. Отдельными категориями рабов, которые не продавались на обычных невольничьих рынках, являлись девушки и девочки, которых часто продавали в наложницы к дворянам и богатым марокканцам, а также евнухи. Ради удовлетворения запросов взыскательных покупателей некоторые работорговцы перед продажей обучали девочек-рабынь музыке, пению и танцам.

Запрет работорговли в странах Европы имел огромные последствия для многовековой торговли между Северной Африкой и югом Сахары. В 1839 г. Великобритания провозгласила курс на искоренение рабства во всем мире. Тем не менее, несмотря на давление извне, султан Марокко отказался препятствовать работорговле, сославшись на религиозные законы и противодействие со стороны населения. В качестве компромисса он предложил закрыть публичные невольничьи рынки в приморских городах, где вели торговые дела европейцы (с. 75).

В то же время в интеллектуальной среде Марокко также появлялись противники рабства, среди которых выделялся историк Ахмад ибн Халид аль-Насири. Он считал неприемлемым для последователей ислама порабощение братьев по вере, свободных мусульман, и доказывал право всех людей на свободу. В защиту своей точки зрения он приводил цитаты из Корана и Сунны.

Во второй половине XIX в. давление на Марокко усилилось, но султан продолжал находить политические ходы, чтобы избежать прямого запрета работорговли. В частности, он разрешил беглым рабам, пришедшим в Махзен в поисках убежища, не возвращаться к хозяевам, которым султан обещал выплатить соответствующую компенсацию. Однако этот шаг был только прикрытием для опосредованной покупки рабов для армии Махзена.

В 1905 г. султан официально запретил публичные невольничьи рынки в приморских городах, но рынки в пустыне и внутренних районах страны продолжали свою работу. Установление французского протектората в 1912 г. положило конец открытой работорговле, тем не менее подпольно она сохранялась под покровительством Махзена.

В заключение автор статьи делает вывод, что окончательный отказ Марокко от рабства и работорговли стал результатом социальных трансформаций и развития общества на протяжении XX в. Сегодня Марокко – современное государство, Конституция которого гарантирует равенство всех граждан.

*Д.В. Петрухина**

* Петрухина Дарья Валерьевна – научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН).
E-mail: darkamercante@gmail.com

ЧОДОН П. ОРАКУЛ НЕЧУНГА И ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ТИБЕТСКОЙ ДИАСПОРЫ.

CHOEDON P. The Nechung Oracle and the Construction of Identity in the Tibetan Diaspora // Asian Ethnology. – 2021. – Vol. 80, N 2. – P. 391–412. – URL: <https://www.jstor.org/stable/48634119>

Ключевые слова: тибетская диаспора; формирование тибетской идентичности; институт оракулов Тибета; эссенциализм; Оракул Нечунга.

Keywords: Tibetan diaspora; formation of Tibetan identity; institution of Tibetan oracles; essentialism; Oracle of Nechung.

Для цитирования: Петрухина Д.В. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2022. – № 4. – С. 198–201. Реф. ст.: Choedon P. The Nechung Oracle and the Construction of Identity in the Tibetan Diaspora // Asian Ethnology. – 2021. – Vol. 80, N 2. – P. 391–412.

Статья Пемы Чодон, выпускницы Университета им. Дж. Непу, посвящена исследованию, которое она провела в рамках грантового проекта Эстонского научного Совета и Европейского Фонда региональных исследований. Чодон провела опрос 68 тибетцев, проживающих в разных частях света: от Индии до Северной Америки. Теоретическим фундаментом исследования стали работы ученых, изучавших население Тибета в целом и феномен тибетских оракулов в частности.

В центре внимания автора находится статус оракула Нечунга и роль, которую ему отводят тибетцы, отправившиеся в изгнание вслед за Далай-ламой. Оракул Нечунга, объявленный Государственным оракулом Тибета, в настоящее время исполняет две функции: оказание ритуальных консультаций тибетской администрации в изгнании и олицетворение культуры тибетской диаспоры.

Для тибетцев, рассеянных по всему миру, большое значение имеет сохранение этнической идентичности и культуры. Проживая вдали от своей этнической территории (Тибетского нагорья), они сформировали для себя комплекс определяющих их культуру маркеров, приверженность которым будет способствовать ее сохранению. Одним из таких маркеров стал оракул Нечунга.

Сегодня не все тибетцы едины в этом выборе. В 2016 г. в Парламенте Тибета в изгнании был поднят вопрос о целесообразности продолжения практики обращения к оракулу Нечунга. Одним из весомых аргументов выступающего явилась принадлежность этого оракула к конкретной буддийской традиции, которой придерживается только часть тибетцев. Несмотря на этот факт, большинство представителей диаспоры вышли на митинги и осудили высказавшегося депутата (с. 293). Подобная реакция обусловлена историей взаимоотношений оракула Нечунга и Далай-ламы.

С древних времен в Тибете существует два вида оракулов – людей, впадающих в транс вследствие их одержимости божественной сущностью. В местных оракулов вселяются локальные божества и низкоуровневые духи природы, к которым люди приходят за удачей, бытовыми советами, прогнозами погоды и за защитой от злых духов. Высокопоставленные оракулы (кутены) являются вместилищами главных божеств и могут предсказывать условия реинкарнации духовных лидеров (лам) и давать советы в политике. При этом в обеих группах оракулов есть как мужчины, так и женщины.

У всех оракулов контакт с духом происходит схожим образом: отмечается резкое изменение тембра голоса и манеры поведения, наблюдаются признаки высокой физической нагрузки, повышенное потоотделение, судороги, закатывание глаз, пеноотделение изо рта, прилив сил. Традиционно мистерии транса предшествуют ритуальные воззвания и жертвоприношения различным божествам.

В настоящее время Правительство в изгнании пользуется услугами трех высоких оракулов: Нечунга, Гадонга и Церинг Ченга, среди которых первый имеет особое значение для диаспоры. Традиция обращения к оракулу Нечунга восходит к Далай-ламе V, жившему в XVII в.

Современным, 14-м по счету, оракулом Нечунга является родившийся в 1957 г. Туптен Нгодуп – монах высокого ранга. Он считается вместилищем божества Дордже Дракдена – посланника Пехара (мифического предка тибетских царей). На протяжении истории оракул Нечунга играл решающую роль в поисках реинкарнации четырех Далай-лам – VI, VII, XIII и XIV. Событием, определяющим важность оракула Нечунга для всех тибетцев, стало спасение жизни Далай-ламы XIV в 1959 г., когда им был указан безопасный путь в Индию. В изгнание за своим духовным лидером тогда отправились 100 тыс. тибетцев.

Считается, что божество Нечунга (Пехар) переселилось в новый монастырь, построенный в Дарамсале после исхода Далай-ламы XIV из Тибета. С тех пор оракул Нечунга официально является «Государственным оракулом Центральной тибетской администрации», которая обращается к нему дважды в год за консультацией по политическим вопросам. Сам Далай-лама советуется с оракулом семь-восемь раз в год. В автобиографии духовный лидер отмечает, что они с оракулом Нечунга несут равную ответственность за весь Тибет, но у каждого из них свой путь: если Далай-лама – мирный лидер, то оракул – яростный защитник (с. 396).

Критика оракулов началась еще в начале XX в. с распространением среди тибетцев современного образования. Сегодня можно наблюдать большое количество иллюстраций и статей, высмеивающих оракулов. Однако в сознании многих тибетцев предсказание оракула Нечунга в 1959 г. прочно связало его с личностью Далай-ламы XIV, как следствие, отрицательное отношение к первому воспринимается как действия против последнего (с. 398).

Большая часть респондентов Чодон осудила критику оракула Нечунга в Парламенте. Тем не менее опрошенные также указали на свободу выражения мнений в демократическом обществе. Другая часть участников опроса, согласных с критическими высказываниями, указала на необходимость более мягкого выражения недовольства ради уважения чувств тех, кто верит в оракула.

Относительно статуса оракула Нечунга мнения также разделились. Большинство респондентов назвали его «защитником Далай-ламы XIV и всего Тибета» (с. 399), некоторые определили его как часть традиционной культуры. Шестая часть опрошенных не верит в оракулов, так как это нерациональная и устаревшая тради-

ция, насмешка над демократией. Некоторые из респондентов моложе 35 лет выразили доверие оракулам в личных, но не в политических вопросах.

Исследование отношения тибетцев диаспоры к местным оракулам показало, что практически никто к ним не обращается. Автор это связывает с развитием образования и медицинских услуг. Однако у населения многих труднодоступных районов Тибета нет доступа к современному здравоохранению, поэтому они вынуждены обращаться к оракулам за консультацией (с. 402).

По итогам своего исследования П. Чодон делает вывод о сохранении важной роли оракула Нечунга как культурного символа. Разрозненные части тибетской диаспоры нуждаются в элементах культуры, которые могли бы объединить их в единую общность. Оракул Нечунга, к которому обращаются с XVII в., стал для современной диаспоры общетибетской традицией, по этой причине большинство тибетцев (независимо от веры в силу оракулов), признают его высокую значимость. Другим подобным элементом, объединяющим всех тибетцев, является Далай-лама. Живущие за пределами своей исторической родины тибетцы стараются развивать общую этническую идентичность, которая помогла бы им в сохранении уникальной тибетской культуры.

*Д.В. Петрухина**

* Петрухина Дарья Валерьевна – научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН).
E-mail: darkamercante@gmail.com

АЗИЗЯН А.А. ДВЕ «ДВЕРИ». ОБРЯД ИНИЦИАЦИИ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ НА ДРЕВНЕЙШЕМ БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2021. – 328 с.: ил.

Ключевые слова: археологические памятники Древнего Ближнего Востока; неолитизация; обряды инициации; теория контр-контрсуггестии; памятники Гёбекли Тепе; наскальная живопись.

Keywords: archaeological monuments of the Ancient Near East; neolithisation; initiation rites; counter-insurgency theory; Göbekli Tepe monuments; rock art.

Для цитирования: Петрухина Д.В. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2022. – № 4. – С. 202–206. Реф. кн.: Азизян А.А. Две «двери». Обряд инициации и распространение информации на древнейшем Ближнем Востоке. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2021. – 328 с.: ил.

В монографии канд. искусств. Арусаяк Аветиковны Азизян рассматривается археологическое наследие Ближнего Востока и Северной Африки. Цель ее исследования заключается в анализе художественных артефактов периода перехода от палеолита к неолиту и проведении возможных параллелей между ними. Источниками информации послужили материалы археологических раскопок, описания найденных предметов, а также работы по смежным с археологией дисциплинам.

Книга включает предисловие от автора, изложение гипотезы, четыре главы, заключение и примечания. В конце размещается большое количество иллюстраций, карт, схем и таблиц, способствующих наглядному представлению информации.

В предисловии автор приводит некоторые новейшие научные результаты, которые не были учтены в процессе работы над текстом в связи с их недавним появлением. В части книги, оза-

главленной «Изложение гипотезы», очерчиваются географические, временные и концептуальные рамки исследования. В центре внимания автора находится специфический иконографический образ, найденный при раскопках Гёбекли Тепе – культового центра 10–9 тыс. до н.э., получивший наименование «женщина на корточках», а также более поздние изображения в других районах Анатолии, в Южном Леванте и Северной Африке. Для обозначения рассматриваемого промежутка времени используется термин «неолитизация», охватывающий докерамический неолит (9500–6500 гг. до н.э.) и керамический неолит (6500–6000 гг. до н.э.).

Гипотеза А.А. Азизян заключается в существовании семантической преемственности между «женщиной на корточках» и «изобразительным Ка» древних египтян, ставшей возможной благодаря хранению и передаче информации из Северного Леванта в Северную Африку на протяжении указанных тысячелетий. Анализируемые изображения трактуются как «двери» – символы входа/выхода, рубежа жизни и смерти, которые могли иметь высокую значимость для проведения обряда инициации.

Для подтверждения гипотезы автор использует междисциплинарный подход и привлекает результаты исследований психологии, археологии, археолингвистики, археогенетики и социальной антропологии. Рассматривая механизмы инициации у древних охотников-собирателей А.А. Азизян опирается на теорию контр-контрсуггестии Б.Ф. Поршнева, согласно которой обряд служит не только передаче и кодированию информации, но и формирует у человека определенные модели поведения, систему знаний и авторитетов для его включения в структуру общества (с. 21). Этот процесс стал возможным благодаря эволюции сознания человека, произошедшей в течение периода неолитизации.

Глава 1 полностью посвящена обзору археологических находок из рассматриваемых географических областей. Отправной точкой исследования стало изображение «женщина на корточках», высеченное на плите в одном из сооружений («Здании с львиными стенами») Гёбекли Тепе. Статичное, ритуальное положение рук женщины (одна вверх, другая вниз) и явно выделенные признаки пола могут указывать на ее участие в обряде инициации в качестве жреца-шамана, а также на функцию «двери» между прошлой и будущей жизнью неопфита. На инициацию косвенно указывают дру-

гие гравировки и скульптуры, в которых сочетаются черты человека и животного. По предположениям автора книги в рамках обряда неофиты приобщались к тотемному животному. Более поздние (7100–5900 гг. до н.э.) находки из Чаталхёюка (Центральная Анатолия) также представляют собой многочисленные изображения людей и животных. При этом для людей характерна поза с поднятыми или опущенными руками, сравнимая с позой «женщины на корточках». На территории Южного Леванта и Аравийского полуострова сходные мотивы прослеживаются в наскальной живописи и керамике. «Женщины на корточках» появляются и в наскальных рисунках Северной Африки (7–6 тыс. до н.э.), однако они перестают быть центральными фигурами действия (с. 64).

На фресках, найденных на двух скальных навесах (Вади Сура II и Афа II), отражены «бычьи» игры – многофигурные композиции, в центре которых располагается бык, а окружающие его люди находятся в динамических позах (прыгают через хвост, касаются конечностей и т.п.). Несколько «женщин на корточках» изображены в стороне от основного сюжета. Если принять тот факт, что «бычьи» игры отображают ритуал инициации, то бык – это тотемное животное, заглатывающее в процессе инициации неофитов, о чем могут свидетельствовать оставленные внутри быков пустоты. Наскальные рисунки Пещеры Чудовищ (Вади Сура II) имеют особое значение для приведенного исследования, поскольку на них повторяются все элементы изображения из Чаталхёюка. Кроме того, именно в Пещере Чудовищ наблюдаются признаки сознательной передачи конкретной информации: многократное повторение сюжета «бычьих» игр на большой площади, стандартизация фигур, наличие композиции. В данном случае, по мнению автора, фреска несет информацию о первом обряде инициации, где присутствовал сам тотем-предок, жрецы и первые неофиты, в лице которых последующие поколения должны видеть героев, пример для подражания. И если в начале неолитизации в Северном Леванте «женщина на корточках» частично несла в себе символ тотема, то ближе к концу периода, в Сахаре, животное явно обособляется и «его связь с «женщиной на корточках» нарушается» (с. 91).

Таким образом, рассмотренные выше плоские изображения позволяют предположить наличие возможной передачи информации об обряде инициации из Леванта в Северную Африку в течение нескольких тысячелетий.

В главе 2 автор ищет подтверждение своей гипотезе среди обнаруженных на раскопках скульптур. Каменные изваяния из Гёбекли Тепе и Невали Чори объединяют в себе черты как человека, так и птицы, что может символизировать слияние неопфита с тотемом во время инициации. Фигуры птиц и других животных, сжимающих в лапах (или крыльях) голову человека, встречаются на разных археологических объектах Северного Леванта. Этот сюжет перекликается с соколиными скульптурами, характерными для культуры Древнего Египта и представляющими собой статуи, изображавшие фараонов в одеянии из соколиных перьев или с сидящим за спиной соколом. Проводя параллель с обрядом инициации, автор указывает на возможное происхождение египетских скульптур от более ранних, анатолийских. Через подобные объемные изображения выражался процесс инициации: «заглатывание» и «исторжение» неопфита тотемным животным (с. 101).

Глава 3 посвящена исследованию вероятных трансформаций древнейшего символа «женщина на корточках» после неолитизации. В Сахаре от изначального изображения осталась форма с акцентом на нижнюю часть тела и детородные органы, что может указывать на семантический сдвиг в сторону плодородия. При этом верхняя часть символа – поднятые/опущенные руки – распознается в написании древнеегипетского иероглифа Ка со значением «двойник», который был впервые обнаружен в написании имени фараона Хора Ка, правившего около 3150–3100 гг. до н.э. Иероглиф Ка изображается как «две симметричные, направленные вверх или вниз, руки с двумя-тремя расставленными пальцами» (с. 106).

Автор отмечает отсутствие на настоящий момент времени каких-либо артефактов, подтверждающих постепенность перехода от «женщины на корточках» к иероглифу Ка. Однако на основании логических рассуждений можно проследить их вероятную связь. Так как в результате инициации, обозначавшейся символом «женщина на корточках», неопфит «умирал» и «возрождался» в новом качестве, как своего рода собственный двойник, то заимствование части этого символа для знака со значением «двойник» выглядит вполне возможным. Косвенным доказательством их связи может быть и тот факт, что на сегодняшний день этимологический источник иероглифа Ка в древнеегипетском языке не выявлен. Со

ссылкой на исследования А.Ю. Милитарева автор приводит несколько примеров, указывающих на возможное заимствование этого слова из других древних языков (с. 113).

В главе 4 предпринимается попытка рассмотреть гипотезу с точки зрения разных дисциплин и дать более широкую картину жизни людей на Ближнем Востоке и в Северной Африке на границе палеолита и неолита.

Появление в Сахаре изображений, форм и технологий изготовления предметов, схожих с Северным Левантом, могло быть следствием миграций населения между этими районами. Согласно исследованиям палеоклиматологов, в конце 7 тыс. до н.э. произошло «климатическое событие», заставившее людей окончательно покинуть многие поселения Анатолии, в том числе и Чаталхёюк. Исследования ДНК-проб подтвердили наличие систематических генных обменов между населением Ближнего Востока и Северной Африки.

В целом в обществах периода неолитизации происходил постепенный переход к индивидуальной собственности и парной семье, отцовскому роду и распространению матрилокальных браков. Последнее играет важную роль в подтверждении гипотезы об инициационной функции специальных сооружений Гёбекли Тепе. Через обряд инициации достигалась смена идентичности молодого человека, вступавшего в род будущей жены, тогда «женщина на корточках» изначально изображала одну из женщин из рода жены.

В заключении автор кратко резюмирует каждую из глав. Основываясь на тезисе о первичности «возможности узнавания старой формы» (с. 212) в более поздних художественных объектах, автор придерживается своей гипотезы о связи «женщины на корточках» и иероглифа Ка в значении перехода между жизнью и смертью.

*Д.В. Петрухина**

* Петрухина Дарья Валерьевна – научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН).
E-mail: darkamercante@gmail.com

ПАМЯТИ А.А.-Г. АЛИЕВА

**Ариф Али-Гусейнович Алиев
(1948–2022)**

20 июля 2022 г. скоропостижно скончался заведующий отделом истории ИНИОН РАН, член Ученого совета Института, доктор исторических наук Ариф Али-Гусейнович Алиев.

А.А.-Г. Алиев был одним из ведущих российских востоковедов, специалистом по истории Ирана и ирано-иракских взаимоотношений. Сфера его интересов включала также генезис арабо-мусульманской цивилизации, политическую культуру ислама и проблемы корановедения. Перу А.А.-Г. Алиева принадлежит более 70 научно-исследовательских работ, включая девять монографий. Среди них такие фундаментальные труды, как: «Персы и арабы в древности и в составе Халифата» (Москва, 2001); «Иран vs Ирак: История и современность» (Москва, 2002); «Коран в России: Источник знаний или объект мифотворчества?» (Москва, 2004); «“Национальное” и “религиозное” в системе межгосударственных отношений Ирана и Ирака в XX веке» (Москва, 2006); «Загадка “таинственных букв” Корана» (Москва, 2007); «Наука и знамения Корана: Комментарии к “научным” толкованиям Священного писания мусульман» (Москва, 2009) и др.

Защищенная в 2006 г. А.А.-Г. Алиевым докторская диссертация на тему «Особенности развития национально-религиозных отношений стран мусульманского Востока: на примере новейшей истории Ирана и Ирака» стала первым в отечественной науке фундаментальным исследованием, в котором был дан сравнительный анализ процессов развития национального самосознания у арабского и иранского народов, а также специфики их отражения в идеологии и политике правящих кругов Ирана и Ирака в XX столетии.

Являясь специалистом историком и филологом самого высокого уровня, А.А.-Г. Алиев успешно руководил работой отдела истории и пользовался большим уважением и авторитетом среди коллег, блестяще сочетая требовательность к себе и подчиненным с внимательным отношением к их интересам и проблемам, поддерживая тем самым благожелательную, товарищескую и творческую атмосферу в отделе.

Научная и организационная деятельность А.А.-Г. Алиева неоднократно отмечалась почетными грамотами Института и Президиума Российской академии наук.

Кончина А.А.-Г. Алиева – тяжелая утрата для российской науки, для всех его коллег и друзей. Память о нем – человеку замечательного благородства и щедрой души навсе-

гда сохранят те, кто имел счастье знать Арифа Али-Гусейновича и работать с ним.

Редакция

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал

Серия 5

ИСТОРИЯ
2022 № 4

Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-80873 от 21.04.2021

Художник обложки и художественный редактор М.Б. Шнайдерман

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор О.В. Шамова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999г.

Подписано к печати 20.10.2022

Формат 60×84/16
Печать офсетная
Усл. печ. 13,25
Тираж 300 экз. (1–100 экз. – 1-й завод)

Бум. офсетная № 1
Цена свободная
Уч.-изд. л. 10,0
Заказ № 73

Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН),
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел. : (925) 517-36-91, (499) 134-03-96
e-mail: shop@inion.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов
ул. Чернышевского, д. 88, литера У

